

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Российский университет транспорта (МИИТ)»

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 5(64)

Сентябрь - Октябрь

Москва

2017

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор), Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор), Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.) Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2017. – Вып. №5 (64). – 121 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ - МИИТ)

The editorial board

Marshak Arcadiy Lvovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Urðevich Deputy Chief Editor, Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Lilija Valerðevna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.):
scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2017. – Edition 5 (64).
– 121 p.

Scientific, social and cultural magazine «P.O.I.S.K.» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestationion Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 1 Dec 2015 No. 13-6518.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Маркович Данило Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

- Миронов А.В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России
- Нарбут Н.П** Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
- Смолин О.Н.** Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ
- Сосунова И.А.** Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Чупров В.И.** Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
- Шабров О.Ф** Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

- Gorbunov A.A.** Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities MGUPS (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
- Ivanov V.N.** Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

THE COUNCIL MEMBERS

- Vdovichenko L.N.** Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission
- Dmitriev A.V.** Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor
- Zapesotskiy A.S.** Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions
- Kapto A.S.** Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS
- Kulashik Peter** Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia
- Lebedev S.N.** Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Literature
- Markovich Danilo** Academician, member of the Serbian Academy of Education, a foreign member of the Russian Academy of Education, Belgrade, Serbia

- Marshak A.L.** Senior Researcher of Institute of Sociology, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia
- Mironov A.V.** Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia
- Narbut N.P.** Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia
- Smolin O.N.** Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma
- Sosunova I.A.** Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor
- Chuprov V.I.** Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS, honored worker of science of the Russian Federation
- Shabrov O.F.** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

- АРУТЮНЯН А. С.** Бюджетный федерализм» как фактор усиления влияния лоббистских групп.....10
- ГЛАЗАТОВ А.В.** Спорт высших достижений как инструмент политики формирования позитивного имиджа государства: внутривнутриполитическое измерение.....16
- КАШИН О.В.** Патриотизм и вооруженные силы: проблемы, противоречия и перспективы.....23
- СВЕТИКОВ С. А.** Естественное и искусственное социальное неравенство, как факторы развития радикализма.....29
- СТОЙКО О.А.** Евразийские ценности в аспекте национального характера россиян: опыт осмысления.....36

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

- РЫБАКОВ А.В.** Неоинституциональный подход к стратегиям коллективных действий.....43

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- КРЕКОТНЕВ С.Н.** Актуальные аспекты политики современного государства в отношении городов и регионов с моноспециализацией....51

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

- ВОРОПАЕВА А.В.** Основные факторы адаптации мигрантов в инокультурной среде.....57
- КОСТРИКОВ К.Н.** Художественная культура, художественное творчество, искусство: критерии развития.....65
- МАРШАК А.Л.** Адаптационная политика молодежной иммиграции: опыт социокультурного анализа.....72

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- ДЕНИСОВА Г.С.** Гражданское образование как форма конструирования
ЛУБСКИЙ А.В. гражданственности в российском обществе.....77
ВОЙТЕНКО В.П.

- НЕБОЛЬСИНА Е.В.** Доверие к научному знанию: прозрачность и благонадежность.....89
- РОЖКОВА Л.В.** Сущность и структура индивидуального образовательного
ГОЛУБЕВ И.А. потенциала.....96

КОНФЕРЕНЦИИ

- КРАВЧЕНКО С.А.** Настоящее и будущее социологии: к итогам XIII конференции ЕСА.....104

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- МАКАРЕНКОВ Е.В.** Некоторые аспекты девиантного поведения современной молодежи.....107
- КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ**.....115
- К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**.....117

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

ARUTYUNYAN A. S.	“Budget federalism” as a factor of lobbyist groups reinforcement.....	10
GLAZATOV A.V.	The sport of high achievements as an instrument of policy of forming positive image of the state: the internal political dimension.....	16
KASHIN O.V.	Patriotism and armed forces: problems, contradictions and prospects.....	23
SVETIKOV S.A.	Natural and artificial social inequality as radicalism development factors.....	29
STOYKO O. A.	Eurasian values in the aspect of the national character of Russians: the experience of comprehension.....	36

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

RYBAKOV A.V.	The new institutional approach to collective action strategies.....	43
---------------------	---	----

REGIONAL SOCIOLOGY

KREKOTNEV S.N.	Actual aspects of the policy of the modern state towards cities and regions with monospecialties.....	51
-----------------------	---	----

CULTURAL MEANINGS

VOROPAEVA A.V.	The Basic factors of adaptation of migrants in transcultural environment.....	57
KOSTRIKOV K.N.	Artistic culture, artistic creation, arts: criteria of development.....	65
MARSHAK A.L.	Adaptation policy of youth immigration: experience of socio-cultural analysis.....	72

SOCIOLOGY OF EDUCATION

DENISOVA G. S. LUBSKY A.V. VOYTENKO V.P.	Civic education as a form of constructing citizenship in Russian society.....	77
NEBOLSINA E.V.	Trust in scientific knowledge: transparency and trustworthiness.....	89
ROZHKOVA L.V. GOLUBEV I.A.	Essence and structure of individual educational potential.....	96

CONFERENCES

KRAVCHENKO S.A.	The present and future of sociology: to the results of the 13th ECA conference	104
------------------------	--	-----

SOCIOLOGY OF YOUTH

MAKARENKOV E.V.	Several aspects of deviant behavior of modern youth.....	107
CONFERENCES. SEMINARS. SYMPOSIUMS		115
RULES OF PUBLICATION		119

АРУТЮНЯН
Армен Сергеевич
аспирант ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

armenaru@gmail.com

ARUTYUNYAN
Armen Sergeevich
post-graduate at
Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
Moscow, Russia
armenaru@gmail.com

«Бюджетный федерализм» как фактор усиления влияния лоббистских групп/«Budget federalism» as a factor of lobbyist groups reinforcement

Аннотация

В статье рассматривается деятельность лоббистских групп в контексте реализации принципа «бюджетного федерализма». Активность лоббистских групп, действующих в корпоративном секторе, связывается с долговой нагрузкой регионов и фискальной политикой государства. Нивелированию реализации принципа «бюджетного федерализма» способствует перераспределение национального дохода в пользу корпоративных прибылей. На примере экспертного опроса, проведенного в Воронежской области, анализируются проблемы связанные со сферой репрезентации интересов. Представлена взаимосвязь наиболее типичных проблем, влияющих на реализацию принципа «бюджетного федерализма» как на региональном уровне, так и в отдельно взятом регионе. Выявлены наиболее активные группы в деле продвижения интересов, формирование которых рассматривается пропорционально процессам, происходящим в экономике.

Ключевые слова

Лоббизм; региональная политика; межбюджетные отношения; группы интересов.

Abstract

The activities of lobbyist groups in the context of the “budget federalism” principle actualization are regarded in the article. The political component of investment ratings is considered as having a significant impact on the national economy. The consolidated budget income decrease is regarded as a factor of corporate lobbyist groups’ influence reinforcement. The activity of lobbyist groups in the corporate sector is connected with the debt load of the regions and the state fiscal policy. The redistribution of the national income in favour of corporate profit encourages the leveling of the “budget federalism” principle actualization. The problems of interests representation are analysed on the basis of the expert survey in Voronezh oblast. The connection of the most typical problems influencing the “budget federalism” principle actualization is presented on the regional level as well as in one separate region. The most active in promoting their interests groups are revealed. Their formation is regarded in proportion to the economic processes.

Keywords

Lobbyism; regional policy; interbudget relations; groups of interest.

В условиях нерегулируемой деятельности представителей групп интересов, отдельными их представителями, оказывается давление на институты власти. Отсутствие согласовательных практик между различными уровнями власти по набору формальных признаков, представляющие концентрированное выражение социальных интересов населения, опосредует возникновение феномена полифункциональности социальных интересов. Проблемная ситуация заключается в том, что с одной стороны участие частного капитала способствует росту материального благосостояния населения, с другой, аналогичные функции возложены на государство.

Бюджетная политика федеральных властей всецело связана с ресурсным разнообразием регионов и имеет тесную связь с доходной базой регионов. По мнению академика РАН Е. Примакова «движение в этом направлении обозначилось, однако проявляется медлительность в выработке комплексного подхода на основе продуманных, выверенных решений. В первую очередь это относится к межбюджетным отношениям, которые являются важнейшей частью государственной региональной политики».¹ Важно выделить, что в сложившихся экономических условиях влияние межбюджетных трансфертов на процесс регионального развития – минимален. Основная задача межбюджетных трансфертов – это выравнивание регионов, с целью доведения социально-экономических индикаторов до усредненных показателей крупных городов (Москва и Санкт-Петербург).

Принципом межбюджетной политики Министерства финансов РФ стало сворачивание безвозмездной финансовой помощи и увеличение государственных социальных обязательств, перекладываемых на региональные бюджеты без адекватного подкрепления ресурсами. С 2009 по 2013 г. доля социальных затрат в расходной части территориальных бюджетов увеличилась в 1,2 раза, а доля безвозмездных поступлений в доходной части этих бюджетов уменьшилась в 1,3 раза. Это привело к резкому росту дефицита бюджетов региона, который по итогам 2013 г. достиг 670 млрд. рублей. Практически все субъекты РФ (77 из 83) имели отрицательный бюджетный баланс.² В 2017 г. задолженность регионов бюджету и банкам составила около 2,3 триллионов рублей.³

Экономическая самостоятельность регионов усугубляется уходом, от положений Бюджетного кодекса 1998 г., при котором все доходы по налогам между федеральным центром и регионами распределялись в пропорции 50/50. Прежняя конфигурация распределения доходов между федеральным центром и субъектами несла в себе мощный экономический стимул. Допускается, что первичная задача, которую преследовали федеральные власти при изменении бюджетных пропорций, была борьба с коррупцией, которая пышно «расцвела» в результате всесторонней демократизации. В качестве одного из инструментов борьбы с коррупцией и «расчистки» региональной элиты власть избрала тактику централизации финансовых потоков. Однако в сложившихся условиях наблюдается серьезная централизация полномочий в федеральном центре. Так, в настоящее время «97% региональных расходов формируются под прямым контролем цен-

1 Примаков Е. Россия. Надежды и тревоги М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016, С.101-101

2 Ильин А., Шабунова А.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона.// Социологические исследования. 2015. №8. С.35.

3 Успешным регионам спишут долги. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/economics/uspeshnym-regionam-spishut-dolgi.html>

тральных министерств и ведомств и по их решениям».¹

Финансово-экономический блок Правительства РФ находится под постоянным давлением различных лоббистских групп. Министерство финансов РФ видит свою политику «в перераспределении национального дохода в пользу корпоративных прибылей, позволив бизнесу сохранить конкурентоспособность и обеспечить финансовый ресурс для инвестиций».² К формированию параметров бюджетной политики сопричастны организации, представляющие интересы отраслевых и бизнес-групп. Среди них особо следует выделить те, которые обладают значительной «административной и медийной поддержкой на государственном уровне. В данном направлении активно действуют коммерческие группы интересов: Ассоциация российских банков, Всероссийский Союз Страховщиков, Деловая Россия, Опора России, Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата РФ».³ Именно на площадках этих организаций вырабатываются и обсуждаются стратегии, программы и «дорожные» карты. Помимо межбюджетных отношений и связанных с ними закупок для государственных и муниципальных нужд, важнейшим объектом лоббирования интересов групп с особыми интересами являются ресурсы государственных корпораций и институтов развития (федеральных и региональных).

В качестве примера хотелось бы выделить новацию Министерства финансов РФ в виде «горизонтальных» субсидий,⁴ которая на практике должна способствовать развитию межтерриториальной кооперации. Допускается, что внедрение такого механизма финансирования, есть ни что иное, как инструмент смещения давления лоббистских групп с федерального на региональный уровень. Возможно, нововведение поспособствует лишь большему «нажиму» лоббистских групп на местах. Не случайно, социолог П. Сорокин отмечал, что «факторы или условия, вызывающие пространственное соседство, могут быть факторами коллективного единства».⁵ Однако солидарность, основанная на постоянной бюджетной «подкачке», не в состоянии обеспечить бесконфликтность взаимодействия между конкурирующими лоббистскими группами в борьбе за распределение средств, активность которых резко возросла на фоне проблем в банковском секторе.

Социологическое исследование «Регионы: продвижение социальных и экономических интересов» выполнялось на базе Института социологии РАН (ИС РАН) и Финансового университета при Правительстве РФ.⁶ Место проведения – Воронежская область⁷. Тип исследования – экспертный

1 Там же.

2 Проект Основных направлений бюджетной политики на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. Режим доступа: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=6471

3 Арутюнян А.С. Лоббизм: как превратить зло во благо? // Социологические исследования. 2016. № 5. С.58.

4 Проект Основных направлений бюджетной политики на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. Режим доступа: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=64713

5 Сорокин П. Система социологии. Том I. Социальная аналитика. Часть I. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Изд-ское т-во «Колос», Петроград, 1920, С. 249

6 Выражаю благодарность за предоставленную возможность размещения анкеты на информационных ресурсах Финуниверситета д.э.н., проф., академику РАО, Ректору ФГОБУ ВО «Финансового университета при Правительстве РФ» Эскиндарову М.А.

7 Выражаю благодарность в организации экспертного опроса по исследовательскому проекту «Регионы: продвижение социальных и экономических интересов» в Воронежской области: Ректору МОАУ ВО «Воронежский институт экономики и социального управления», проф. Селютину В.И., проф. Алисовой Л.Н., к. соц. наук Захаровой Е.А., аспирантам Мель-

опрос, в исследовании приняло участие 5 экспертных групп (государственное/муниципальное управление, собственный бизнес, ВИНК, НКО, научная сфера/образование, N=30), профиль экспертов – социальная и экономическая политика. Время проведения: май 2016 – май 2017 г.

Выборка исследования – метод «снежного кома». С целью оптимизации процессов сбора и выгрузки первичных данных, полученных в результате экспертного опроса была сформирована web-анкета.¹ Метод сбора данных – анкетный опрос, процедурно реализованный в виде комбинированного сочетания раздаточного и электронного анкетирования. Инструментарий авторский. Апробация методического инструментария – Тюменская область (Западно – Сибирский филиал ИС РАН).² Экспертами выделяется следующая отраслевая структура региона: аграрный сектор – 4/5 опрошенных, промышленная сфера – 2/7 опрошенных, торгово-промышленная – 2/5 опрошенных. В Воронежской области идет активное формирование отраслевых кластеров: сельскохозяйственный – 2/7, стройматериалов – более 2/3, машиностроение – более 1/7, транспортно-логистический – около 1/8, а также биохимический 4 эксперта.

Регион характеризуется ростом частных инвестиций в основной капитал, снижением уровня безработицы, высоким уровнем развития малого предпринимательства, высокими значениями и положительной динамикой реальных располагаемых денежных доходов населения.³ Воронежская область является традиционно аграрной. В настоящее время в области действует 7 региональных кластеров, объединяющих около 100 производителей нефтегазового и химического оборудования, радиоэлектронной, мебелиной, транспортно-логистической, авиационной отраслей, электромеханики и IT-технологий.⁴

На вопрос «Реализуется ли в Вашем регионе в соответствии законодательством принцип «бюджетного федерализма»?». «Реализуется, в полной мере» – 1/5 ответов, «реализуется, частично» – 5/7 ответов, «реализуется, минимально» – 2 эксперта. Множественный анализ ответов экспертов выделяет социальные группы, которым удается «реализация в полной мере» принципа «бюджетного федерализма»: представители государственной власти – 2/7 ответов, этнические группы, представители разных сфер теневой экономики – 1/4 ответов, представители крупного бизнеса – 1/5 ответов. В 2015 г. доля занятых в неформальном секторе в Воронежской области составляла 39%.⁵

На вопрос «Предоставляет ли российское законодательство возможность для продвижения инициатив групп интересов?» экспертами отмечается: «да, предоставляет» – 2/5 ответов, «отчасти, предоставляет» – 1/2 ответов, «нет, не предоставляет» – 2 эксперта. Среди групп, преуспевающих в деле продвижения интересов следует выделить:

никову И.А., Пелелову С.Т., Чернову А.И.

1 Выражаю благодарность за создание web-анкеты исследования «Регионы: продвижение социальных и экономических интересов» зам. начальника Операционно-аналитического управления «Финансового университета при Правительстве РФ» Елисееву А.А.

2 Выражаю благодарность за ценные замечания к инструментарию анкеты, руководителю Западно – Сибирского филиала Института социологии РАН (ИС РАН) к.с.н Юдашкину В.А.

3 Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации по итогам 2015 года. Режим доступа: <http://government.ru/orders/selection/405/23013/>

4 «Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Воронежской области». Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/NC7rAfv3yTkLcjEPBAitACpKz6mGw6V.pdf>

5 Неформальная и теневая экономика регионов и РФ в 2015 году. Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=5&page=96>

представителей крупного бизнеса – 1/3 ответов, представителей государственной власти – 2/9 ответов, а также силовых структур – 1/6 ответов экспертов. Наиболее типичные высказывания экспертов на предмет наличия возможности в продвижении инициатив групп интересов: «В соответствии с компетенцией, целями и интересами групп», «Возможности используются недостаточно эффективно», «Предоставляет политическим партиям и профсоюзам», «Ясных механизмов продвижения не существует», «Требуется совершенствование действующего законодательства», «Законодательство не сформировано», «Нет специальных законов», «Нет закона о лоббизме».

В социологическом исследовании 2003 года Центра социологии национальных и региональных отношений ИСПИ РАН проведенного в 10 регионах Российской Федерации, экспертами отмечается недостаточность средств, которые возвращаются в регионы после перераспределения в Центре. Некоторые типичные высказывания, зафиксированные в ходе исследования: «Центр не умеет распоряжаться средствами, которые забирает у регионов, но и вернуть их в должном объеме не хочет»; «Налоговые поступления в бюджет исключительно в пользу Центра»; «Перераспределение средств в пользу федерального бюджета, излишняя централизация налоговых поступлений»; «Недостаточная проработка механизмов финансового обеспечения полномочий регионов и Центра». Наряду с этим некоторые эксперты указывали на «недостаточный контроль за расходованием бюджетных средств».¹

Отдельные эксперты связывают реализацию принципа «бюджетного федерализма» с профессиональными качествами руководителя. По мнению экспертов, принцип «бюджетного федерализма» реализуется «очень активно с 2008 г. с назначением в должность губернатора Гордеева А.В.», что в результате могло способствовать, тому что «в области закрепилось самостоятельность бюджетов разных уровней». Экспертами фиксируется проблемы в плоскости межбюджетного взаимодействия: «Связи с тем, что область является дотационной и нуждается в федеральных средствах, но их выделяется недостаточно, что не позволяет решить их, комплекс тех проблем, которые влияют на качество жизни населения»; «Государство обеспечивает исполнение бюджета только федерального, но остальное проблематично»; «Отсутствует система реализации данного принципа в России»; «Область не входит во все программы». Смысловая нагрузка ответов слабо отличается от проблем 13 летней давности, т.к. проблема регионального развития вновь проецируется на межбюджетные отношения. Проблема «бюджетного федерализма», в контексте отдельно взятого региона, связывается с тем, что его реализация осложняется лоббизмом действующего чиновничьего истеблишмента и крупного бизнеса, «занимающего господствующее положение в системе социального взаимодействия».²

Реализация принципа «бюджетного федерализма» и перспективных планов развития регионов связана с существующим диапазоном возможностей артикуляции существующих интересов социальных групп. Наличие возможной аффилированности между лоббистскими группами на коммерческом и государственном уровне способствует распределению финансовых средств, в рамках сложившейся иерархии.

1 Иванов В. Н. Социология федерализма. М.: ИСПИ РАН, 2004, с. 155

2 Экономическая социология: теория и история / Под ред. Веселова Ю.В., А.Л. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2012, с.668

Достижение баланса интересов – это результат выработки компромисса и согласования интересов региональных элит, на основе конструирования взаимовыгодных условий с представителями власти федерального уровня. Решающим фактором, определяющим глубину искажения принципа «бюджетного федерализма» в нынешних экономических условиях, является использование лоббистскими группами процедур согласования интересов, определенных законодательством либо в обход них. При этом, – следует особо подчеркнуть, – игнорирование таких процедур согласования интересов способствует концентрации рисков отложенного порядка в рассматриваемой сфере.

Библиография

1. Арутюнян А.С. Лоббизм: как превратить зло во благо? // Социологические исследования. 2016 № 5
2. Воронов В. Оценка и факторы роста инновационной конкурентоспособности регионов Латвии. // Балтийский регион. 2012. № 4.
3. Иванов В. Н. Социология федерализма. М.: ИСПИ РАН, 2004.
4. Ильин А., Шабунова А.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона. // Социологические исследования. 2015. №8.
5. Приймаков Е. Россия. Надежды и тревоги М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016.
6. Сорокин П. Система социологии. Том I. Социальная аналитика. Часть I. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Изд-ское т-во «Колос», Петроград, 1920
7. Экономическая социология: теория и история / Под ред. Веселова Ю.В., А.Л. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2012.

References

1. A. Harutyunyan. Lobbying: how to turn evil for good? [*Lobbizm: kak prevratit' zlo vo blago?*]// Sociological research. 2016 No. 5
2. Voronov V. Evaluation and Growth Factors of Innovative Competitiveness of the Regions of Latvia [*Ocenka i faktory rosta innovacionnoj konkurentosposobnosti regionov Latvii*] // The Baltic region. 2012. № 4.
3. Ivanov VN Sociology of federalism.[*Sociologiya federalizma*] Moscow: ISPI RAS, 2004.
4. Il'in A., Shabunova A.A. On some trends in the economic development of Russia and the region. [*O nekotoryh tendenciyah v ehkonomicheskom razvitii Rossii i regiona*] // Sociological research. 2015. № 8.
5. Primakov E. Russia. Hopes and anxieties [Rossiya. Nadezhdy i trevogij] M .: ZAO Tsentrpoligraf Publishing House, 2016.
6. Sorokin P. The system of sociology. Volume I. Social analytics. Part I. Teaching about the structure of the simplest (tribal) social phenomenon. [*Sistema sociologii. Tom I. Social'naya analitika. CHast' I. Uchenie o stroenii prostejshego (rodovogo) social'nogo yavleniya*] The publishing house "Kolos", Petrograd, 1920
7. Economic sociology: theory and history [*Ehkonomicheskaya sociologiya: teoriya i istoriya*] / Ed. Veselova Yu.V., A.L. Kashin. SPB .: Nestor-History, 2012.

ГЛАЗАТОВ

Артём Валерьевич аспирант
кафедры «Политология, история
и социальные технологии»
Российского университета
транспорта (МИИТ), Москва,
Россия, glazatov_artem@mail.ru.

GLAZATOV

Artem Valerjevich
post-graduate student of sub-depart-
ment of "Political science, history
and social technologies" of Russian
university of transport (MIIT), Mos-
cow, Russia, glazatov_artem@mail.
ru.

**Спорт высших достижений как инструмент политики
формирования позитивного имиджа государства:
внутриполитическое измерение / The sport of high achieve-
ments as an instrument of policy of forming positive image of the
state: the internal political dimension**

Аннотация

В статье анализируется спорт в целом и спорт высших достижений в частности в их связи с политической сферой общественной жизни, прежде всего в той части, которая касается формирования и продвижения позитивного имиджа государства в современных условиях. Особое внимание уделяется внутриполитическому аспекту формирования имиджа государства посредством спорта высших достижений, отмечаются возможности и пределы использования данного инструмента в текущий момент и в обозримой перспективе.

Ключевые слова

Имидж государства; спорт высших достижений; политика формирования имиджа государства; политические коммуникации.

Abstract

The article examines the sport in general and sport of high achievements in particular in their relationship with the political sphere of public life, especially in that part which concerns the formation and promotion of positive image of the state in modern conditions. Special attention is paid to the internal political aspect of the formation of the image of the state through sports, the possibilities and limits of the use of this instrument currently and in the foreseeable future.

Keywords

The image of the state; elite sport; the policy of forming the image of the state; political communications.

Анализ современных политических реалий дает достаточно оснований говорить о том, что во внутренней политике государства спорт в целом и спорт высших достижений в частности находит наиболее широкое применение как инструмент общественной консолидации и социализации личности. Также он востребован для решения задач воспитания будущих граждан, сохранения здоровья нации, удовлетворения потребностей общества в привлекательных зрелищах, посредством которых распространяются политические идеи, ценности, смыслы и т.д.

Общеизвестно, что в каждом конкретном обществе в сфере спорта сложились определенные особенности, обусловленные не только

историей, культурой, социальными, географическими и климатическими условиями, уровнем общественного благосостояния и т.д., но и типом государственного устройства и характером политического режима. Не случайно П.А. Виноградов писал, что «физическая культура и спорт органически связаны с функциональными основами общественного устройства и развития общества», при этом они могут отображать уровень общественного развития и общее состояние здоровья населения¹.

Этот вывод можно дополнить тезисом о взаимосвязанности и взаимозависимости господствующей идеологии и спорта, который обосновал Р. Томсон. По его мнению, спорт охватывает политику, экономику, образование, искусство, СМИ, международные отношения, а также играет значительную роль в формировании основных ценностей и установок в обществе².

Таким образом, актуальный статус спорта – как нормативно-правовой, так и общественно-политический, в особенности в наиболее яркой и зрелищной своей части – в спорте высших достижений, в условиях конкретного государства может быть своего рода индикатором жизнеспособности нации, а также определенным показателем устойчивости и перспективности политической системы.

Идеи о том, что спортивная сфера каждой страны обусловлена национальной спецификой, а также о том, что имеется тесная взаимозависимость политического и спортивного направлений общественного развития, ложатся в основу анализа спорта как современного социально-политического явления.

На первый взгляд введение спорта в политическую сферу может показаться грубым захватом политиками нового для них ресурса. Однако более глубокое рассмотрение и сопоставление спорта и политики позволяет выявить их общие черты и демонстрирует отнюдь не случайный характер их сближения.

Так, обращает на себя внимание довольно существенная схожесть определений спорта и политики: например, в самом общем виде, по мнению Д. Хелда, политика – это «борьба за организацию человеческих возможностей»³. Одно из самых известных и наиболее часто цитируемых определений спорта дал Л.П. Матвеев, определив его как «Собственно-соревновательную деятельность, которая исторически выделилась и оформилась преимущественно в сфере физической культуры в виде состязаний как способ регламентировано - противоборческого выявления, сопоставления и оценки человеческих возможностей в самой этой деятельности»⁴.

Легко заметить, что обе дефиниции начинаются с синонимичных определяющих слов «борьба» и «состязание». Действительно, природа и спорта, и политики характеризуется соперничеством, соревновательностью на пути к достижению поставленной цели. Здесь уместно вспомнить, что П.С. Степовой рассматривал спорт как пространство идеологического и

1 Виноградов П.А. Щедрость, граничащая с абсурдом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.sportedu.ru/press/sfa/1998N2/p18-19.html> (дата обращения: 31.05.2017).

2 Томпсон Р. Спорт и идеология в современном обществе // Спорт и образ жизни: Сб. ст.; сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. М., 1979. С. 153.

3 См.: Хелд Д. Политическая теория и современное государство. Очерки о государстве, власти и демократии. М., 1989.

4 Матвеев Л.П. Общая теория спорта. М., 1997. С. 6.

политического противостояния¹. В свою очередь, Д. Картер, президент США с 1977 по 1981 г., отмечал, что спорт – это превосходное средство, которое позволяет влиять на умы с определенной целью и которое обеспечивает успех политических операций².

В силу своей непосредственной социальной направленности спорт имеет выраженные социальные функции. Обзор литературы показывает³, что первое место среди таковых занимает «соревновательно - эталонная» функция. Она реализуется в процессе выявления и фиксации спортивных достижений и утверждения их путем общественного признания в качестве образцов общечеловеческих возможностей и одновременно с этим как зримых ориентиров в ходе осуществления этих возможностей. Причем эти ориентиры служат и реперной точкой для последующего прогресса спортивных результатов, стимулом для спортсменов на пути их развития. Превышение одних эталонных результатов и установление новых образцов в спорте не только обеспечивает самоутверждение спортсмена, но и способствует расширению общечеловеческих возможностей, содействует самоопределению индивида и развитию общества в целом.

Общественному и человеческому развитию способствует также и «эвристическо-достиженческая» функция спорта, которая выражается в творческом поиске и открытии возможностей человека и эффективных методов их реализации для совершения новых достижений на более высоком уровне на основе деятельностных способностей спортсмена.

Две указанные функции являются специфическими именно для спорта, присущими именно этой сфере человеческой жизнедеятельности. Вместе с тем, спорт имеет и ряд других функций:

- функция лично-направленного воспитания, обучения и развития (удовлетворение потребностей системы образования для формирования всесторонне развитого члена общества, в первую очередь, за счет свойственных спорту духа соревновательности, неординарных требований, ставки на совершенствование личных физических, психических, интеллектуальных возможностей);

- оздоровительно-рекреативная функция (положительное влияние на состояние и функции человеческого организма, благотворное воздействие занятий спортом на здоровье человека, особенно в детском и юношеском возрасте; содействие возникновению положительных эмоций и снятию стрессов; организация здорового отдыха, досуга, развлечений);

- эмоционально-зрелищная функция (удовлетворение потребностей индивида и общества в привлекательных зрелищах; воплощение эстетических свойств, проявляющихся в граничащей с искусством гармонии различных качеств человеческой личности, что наиболее ярко и зримо проявляется в художественной гимнастике, фигурном катании и др., особенно в эпоху телевидения и Интернета);

- функция общественной консолидации и социализации личности (помощь в овладении социальным опытом, навыками межличностно-

1 Степовой П.С. Спорт. Политика. Идеология. М., 1984. С. 122 (цит. по: Гескин В.М. Кто посягает на олимпийский огонь? М., 1986. С. 28).

2 Цит. по: Гескин В.М. Кто посягает на олимпийский огонь? М., 1986. С. 28.

3 См., например: Абзалов Р.И., Абзалов Н.И. Теория и методика физической культуры и спорта. Казань, 2013. С. 85-97. Гелецкий В.М. Теория физической культуры и спорта. Красноярск, 2008. С. 274-277; Матвеев Л.П. Общая теория спорта. М., 1997. С. 30-36; Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта. М., 2003. С. 315-318; и др.

го общения и социально оправданного поведения, вовлечение людей в общественную жизнь, формирование общественных отношений посредством как специфических спортивных отношений, так и более общих типов социальных взаимодействий; социальная интеграция через массовое спортивное движение, сближение людей в связанные со спортом группы, объединения, клубы);

- коммуникативная функция (раскрывается в универсальном языке спорта, понятном совершенно разным людям; содействие установлению и укреплению межличностных и международных связей на основе взаимопонимания, совместного движения к совершенствованию возможностей всех и каждого в рамках честного состязания во имя общечеловеческих ценностей);

- экономическая функция (раскрывается в многократной окупаемости средств, вложенных в сферу спорта, что, прежде всего, выражается в улучшении здоровья нации, повышении работоспособности населения, увеличении продолжительности жизни граждан, а также в получении прибыли от массовой демонстрации спортивных зрелищ, коммерческой эксплуатации спортивных сооружений и т.д.).

Нам хотелось бы обратить внимание на близость перечисленных функций спорта (пожалуй, за исключением специфических «соревновательно-эталонной» и «эвристическо-достиженческой») с задачами, которые решаются в сфере политики.

Например, функция лично-направленного воспитания связана с формированием личности ответственного гражданина, которое осуществляется в ходе реализации специальных государственных программ патриотического воспитания (клубы, кружки, секции и др.), а также в процессе получения общего и высшего образования в государственных образовательных учреждениях при изучении истории, обществознания, политологии и других социально-гуманитарных дисциплин.

Оздоровительно-рекреативная функция имеет отношение к сохранению здоровья нации, которое обеспечивается соответствующей государственной стратегией и мероприятиями в сфере здравоохранения.

Эмоционально-зрелищная функция очень близка к роли символической составляющей в политике, направленной на создание и внедрение в массовое сознание устойчивых смыслов посредством «инсценирования визуальных эффектов»¹. И зрелищность спорта, и символичность политики предполагают активное использование имиджей. В силу того, что в современном спорте широко используются функции, ресурсы, возможности политики, соответственно, таким же образом обстоят дела в политике. Мы считаем, что на пересечении политической и спортивной сфер возникают интегрированные имиджевые конструкции, соединяющие в своей структуре элементы как спорта, так и политики. Не случайно К. Стивенсон доказывал, что одной из функций политики является использование спорта как политического средства².

Очевидно, что функция общественной консолидации и социализации личности и коммуникативная функция – это еще одна область пересечения

1 Поцелуев С.П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О. Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 17-53.

2 Стивенсон К.Л. Спорт как современный социальный феномен // Спорт и образ жизни: Сб. статей; сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. М., 1979. С. 61.

спорта и политики. С.В. Брянкин, М.В. Починкин, М.Ю. Прозуменщиков, рассматривая опыт применения спорта для решения политических задач, делают вывод о том, что структуры власти посредством спорта оказывают идеологическое воздействие на современное общество; сами спортивные достижения стали оружием напряженной идеологической борьбы, в которую превратилась теория и практика спорта¹. В свою очередь, А.А. Исаев отметил, что чем больше масштабы спортивной социализации, тем более значительное воздействие оказывают процессы социализации на массовую востребованность спорта².

Таким образом, и спорт, и политика во многих случаях решают одни и те же задачи. Выполнение схожих функций во многом определяет взаимопроникновение спортивной и политических сфер, что, в частности, проявляется в процессе формирования позитивного имиджа государства³ посредством спорта высших достижений.

Помимо функционала феномены спорта и политики схожи еще в одном важном аспекте: в том, что они имеют в своей основе игру в широком понимании этой категории. Так, Й. Хейзинга, анализируя игру как таковую, определил следующие ее функции:

- активизация скрытой жизненной силы, дополнительного потенциала (относится и к спорту, и к политике);
- удовлетворение человеческого инстинкта подражания (относится и к спорту, и к политике);
- удовлетворение человеческой потребности в эмоциональной разрядке (относится, скорее, к спорту);
- тренировка и подготовка к реальным действиям в настоящей жизни (относится и к спорту, и к политике);
- обучение человека сдерживанию своих эмоций и негативных проявлений (относится и к спорту, и к политике);
- удовлетворение человеческой потребности к лидерству и инстинкты к соперничеству (относится и к спорту, и к политике);
- избавление от рискованных влечений (относится и к спорту, и к политике)⁴.

Раскрывая взаимосвязь спорта и политики, Й. Хейзинга пишет: «Во-первых, есть основания полагать, что игровые формы более или менее сознательно используются для сокрытия намерений общественного или политического характера. В этом случае речь идет не о вечном игровом элементе культуры, а о притворной игре. Во-вторых, сталкиваясь с явлениями, на поверхности демонстрирующими видимость свойств игры, можно пойти по ложному следу»⁵.

Некоторые спортивные и общественные деятели негативно относятся к переплетению политической и спортивной сфер. В частности, крупный австрийский общественно-спортивный деятель Й. Финдер полагает, что усиление политических интересов в спорте может нивелировать саму идею

1 См.: Брянкин С.В. Структура и функции современного спорта. М., 1983. С. 59; Прозуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004. С. 3; Починкин В.М. Физическая культура и спорт. Идеологическая борьба в современном мире. М., 1985. С. 3.

2 Исаев А. Спортивная политика России. М., 2002. С. 83-84.

3 См.: Федякин А.В. Политика формирования и продвижения общенациональных и региональных имиджей и брендов: современные вызовы и приоритеты // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 6. С. 47–58.

4 Хейзинга Й. Человек играющий. СПб., 2007. С. 19.

5 Там же. С. 275.

спорта и превратить спортсменов в инструмент достижения политических целей¹.

Здесь подмечена серьезная проблема. Действительно, возрастание политического влияния на спорт уже сейчас приводит к случаям, когда базовая роль спорта (его «соревновательно-эталонная» и «эвристическо-достиженческая» функции) отодвигается на второй план и замещается установкой на поддержку существующей политической системы. В свою очередь политическая система склонна к поддержке спорта только для того, чтобы последний служил ее эффективным инструментом. При этом такая поддержка часто осуществляется непубличными политическими способами. В качестве иллюстрации можно привести пример того, как США укрепляют свою позицию мирового гегемона с помощью спорта и создают особые условия для своих спортсменов, позволяющие легально обходить обязательные для всех ограничения по употреблению допинга. Так, в сентябре 2016 г. хакерская группировка «Fancy Bear» взломала сервер Всемирного антидопингового агентства (WADA) и опубликовала его базы данных. Стало известно, что, как минимум, порядка двух сотен американских спортсменов употребляют запрещенные препараты на основании разрешения USADA (Антидопингового агентства Соединенных Штатов) по «медицинским показаниям»².

Политизация спорта – это тренд, характерный и для современной России. А.А. Исаев, анализируя спорт как основной объект государственной спортивной политики, делает вывод о том, что спортивная политика России представляет собой самостоятельное направление социальной политики, в котором соединяются задачи государства в сферах здравоохранения, социальной, экономической, образовательной, внешнеполитической³.

Спорт рассматривается как наиболее показательная и эффективная спортивная деятельность, в которой выявляются абсолютные спортивные результаты и предпринимаются все возможные регламентированные действия, направленные на постоянное и неуклонное повышение и улучшение спортивных достижений. Поэтому спорт высших достижений представляет собой наиболее ценный инструмент для решения задач внутренней политики государства. Кроме того, спорт является фактором развития общенациональной и региональной инфраструктуры и экономики в целом, обеспечивает появление ее «точек роста»⁴.

Таким образом, основное значение спорта высших достижений для внутренней политики состоит в содействии укреплению национального единства, поддержке духовных ценностей, сохранению здоровья нации, общему социально-экономическому развитию. Успехи в этих направлениях становятся объективным основанием для формирования позитивного имиджа государства среди его граждан.

В целом, рассмотрение спорта высших достижений позволяет сделать вывод о том, что в рамках современных государственных политико-

1 My View Of Sport – Vice-President Gerald Ford // Sport Illustrated. 1974. July 8. P. 20.

2 См.: ITF подтвердила, что WADA уведомило ее о взломе своей антидопинговой базы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/sport/20160913/1476832094.html> (дата обращения: 25.07.2012); Fancy Bears' hack team [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fancybear.net/> (дата обращения: 25.07.2012).

3 Исаев А.А. Спортивная политика России. М., 2002. С. 14.

4 Подробно см.: Федякин А.В. Эволюция приоритетов государственной транспортной политики России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994–2015 гг. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социологический журнал. 2016. № 1. С. 70–86.

имиджевых программ, формируемых и реализуемых на общенациональном уровне спорт, во-первых, представляет собой важный элемент имиджа государства, во-вторых, является инструментом формирования такого имиджа.

Библиография

1. Гескин В.М. Кто посягает на олимпийский огонь? М., 1986.
2. Матвеев Л.П. Общая теория спорта. М., 1997.
3. Степовой П.С. Спорт. Политика. Идеология. М., 1984.
4. Прозуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004.
5. Починкин В.М. Физическая культура и спорт. Идеологическая борьба в современном мире. М., 1985.
6. Исаев А. Спортивная политика России. М., 2002.
7. Федякин А.В. Политика формирования и продвижения общенациональных и региональных имиджей и брендов: современные вызовы и приоритеты // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 6. С. 47-58.
8. Федякин А.В. Эволюция приоритетов государственной транспортной политики России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994-2015 гг. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2016. № 1. С. 70-86.

References

1. Geskin V.M. Who infringe on the Olympic flame? [*Kto pos'agaet na olimpijskij ogon'*] Moscow, 1986.
2. Matveev L.P. General theory of sport. [*Obcshaja teorija sporta*] Moscow, 1997.
3. Stepovoy P.S. Sports. Policy. Ideology. [*Sport. Politika. Ideologija*] Moscow, 1984.
4. Prozumenshnikov M.Y. Big sports and big politics. [*Bolshoj sport I bol'shaja politika*] Moscow, 2004.
5. Pochinkin V.M. Physical culture and sports. The ideological struggle in the modern world. [*Fizicheseskaja kul'tura I sport. Ideologicheskaja bor'ba v sovremennom mire*] M., 1985.
6. Isaev A. Sports policy of Russia. [*Sportivnaja politika Rossii*] Moscow, 2002.
7. Fedyakin A.V. Policy for the formation and promotion of national and regional images and brands: current challenges and priorities [*Politika formirovanija I prodvizhenija obcshenatsional'nih I regional'nih imidgej i brendov: sovremennie vizovi I prioriteti*] // POISK: Policy. Social science. Art. Sociology, Culture. 2015. № 6. 47-58 p.
8. Fedyakin A.V. Evolution of the priorities of the state transport policy of Russia in the Addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly 1994-2015 [*Evolucija prioritetov gosudarstvennoj transportnoj politiki Rossii v poslanijah Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju 1994-2015 gg.*] // POISK: Policy. Social science. Art. Sociology. Culture: scientific, social and cultural magazine. 2016. № 1. 70-86 p.

КАШИН

Олег Валериевич

экстерн аспирантуры Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Адыгейский государственный университет», Республика Адыгея, Россия
olegk_1373@mail.ru

KASHIN

Oleg Valerievich

external postgraduate study of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Adyghe State University», Republic of Adyghea, Russia

olegk_1373@mail.ru

Патриотизм и вооруженные силы: проблемы, противоречия и перспективы/ Patriotism and armed forces: problems, contradictions and prospects

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь между состоянием института армии и основными характеристиками общества. Доказывается, что состояние армии и характер протекающих в ней отношений оказывает влияние не только на оборонные характеристики общества, но и косвенно определяет состояние ряда значимых социальных институтов. В контексте рассмотрения факторов, определяющих взаимодействие института армии и общества в целом, производится постановка вопроса о роли патриотизма в оптимизации ситуации. Рассматриваются основные аспекты смысловой связки «армия и патриотизм», анализируются ее регулятивные возможности в условиях российского общества. Ставится вопрос о перспективах регулирования социальных процессов в среде военнослужащих.

Ключевые слова

Армия; социальное сознание; патриотизм; общество; социальные институты.

Abstract

In article the interrelation between a condition of institute of army and the main characteristics of society is considered. It is proved that the condition of army and character of the relations proceeding in her exerts impact not only on defensive characteristics of society, but also indirectly defines a condition of a number of significant social institutes. In the context of consideration of the factors defining interaction of institute of army and society in general formulation of the question about a patriotism role in optimization of a situation is made. The main aspects of a semantic sheaf “army and patriotism” are considered, her regulatory opportunities in the conditions of the Russian society are analyzed. It is asked about the prospects of regulation of social processes among the military personnel.

Keywords

Army; social consciousness; patriotism; society; social institutes.

В настоящее время достаточно высокую интенсивность приобретает проблема криминализации отношений в российской армии¹, что представляет собой существенную проблему, ведущую к системному возникнове-

¹ Иванова А. А. Общественная опасность преступлений против воинской службы

нию деструктивных последствий различного характера. Общественная структура характеризуется наличием большого числа функциональных связей и отношений¹, и, в этом смысле, состояние армии представляет собой как результат совокупной ситуации, так и один из факторов развития современного российского общества.

Состояние Вооруженных Сил определяется совокупностью факторов, включающих в себя техническую оснащенность войск, уровень организации быта военнослужащих, их профессионализм, мотивацию, эффективность структуры армии и уровень соответствия реальных процессов взаимодействия в воинской среде определенным на уровне Устава и законодательства нормам. Не последнюю роль в повышении эффективности армии играет отношение к ней населения, что определяет востребованность профессии военнослужащего, количество призывников и их состояние. Поясняя последний тезис, следует отметить, что широко распространенная практика уклонения от призыва влечет за собой как недобор призывников, так и снижение требований к призывникам, являющееся неофициальной практикой в ряде военкоматов. Как и любая другая сфера, воинская служба предполагает набор кадров, и от уровня востребованности (и, соответственно, конкуренции, направленной на вступление в ряды военнослужащих) данной сферы во многом зависят личные качества кадрового состава Вооруженных Сил, что свидетельствует о существенной роли общественного мнения, как фактора функционирования института армии².

Проблемы и нарушения, возникающие на уровне армии, оказывают влияние не только на уровень обороноспособности государства, но и на состояние общества в целом, что связано со следующими факторами:

- защитная функция Вооруженных Сил направлена не только на противодействие внешним угрозам, но и на локализацию внутренних угроз, связанных с возникновением стихийных бедствий, масштабных аварий, интенсивных социальных конфликтов и т. д. Соответственно, от эффективности подготовки, уровня профессионализма и степени соответствия военнослужащих возложенной на них социальной роли во многом зависит способность общества к противодействию деструктивным процессам и тенденциям;

- армия представляет собой один из важных институтов социализации, и потому ценности, нормы, модели поведения и способы самоидентификации, принятые в армейской среде, определяют характер дальнейшей социальной активности членов общества;

- уровень средств, направляемых государством на поддержание боеспособности армии, в существенной мере зависит от эффективности ее внутренней структуры. Соответственно, высокий уровень кризисных тенденций в армии влечет за собой либо значительное снижение ее эффективности, либо повышение уровня затрат, связанных с оптимизацией ситуации;

комплексный анализ содержания // Совершенствование деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью в современных условиях: в 2 ч. – Выпуск № 10.-Тюмень.-2013.-С. 95.-Ч. 1.

1 Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873с.

2 Михайлова Е. В., Авдеева О. В. К вопросу о формах налаживания связей с общественностью для обеспечения призыва на срочную службу в армии РФ // Вестник НГТУ им. П.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2014. №2 С.24-31

- нарушения характера социального взаимодействия в армейской среде, криминализация отношений между военнослужащими и дискредитация института армии ведут к существенному перенаправлению социальной энергии, связанному с попыткой уклонения от призыва в ряды военнослужащих. Как результат, имеет место деформация системы социальных отношений, что наиболее чувствительно сказывается на эффективности правовой, экономической и образовательной сфер. Высокий приток студентов, мотивированных на получение отсрочки от армии, снижает качество учебных групп, приводит к отвлечению широких масс населения от более эффективных форм деятельности, нежели формальное участие в образовательном процессе (что сказывается на экономической сфере), приводит к повышению уровня коррупции.

Уже из этого краткого обзора становится понятно, что проблемы в организации деятельности военнослужащих и противодействия развращающимся в армии деструктивным тенденциям представляет значимую проблему не только с точки зрения необходимости готовности государства к военно-политическим конфликтам, но и с позиции необходимости оптимизации социальных процессов в целом.

Как уже было показано выше, факторы, определяющие эффективность Вооруженных Сил, многообразны. Однако по характеру своих последствий они могут быть условно подразделены на две группы: факторы, определяющие нарушение основной функции армии и факторы, определяющие характер взаимодействия между институтом армии и населением. Последняя группа факторов особенно актуальна в силу того, что их действие реализуется независимо от характера политической активности государства и уровня внешних силовых угроз, и при этом оказывает существенное влияние на состояние общества в целом.

К числу факторов, определяющих влияние института армии на состояние общества, относятся:

- содержание и уровень подготовки военнослужащих;
- характер взаимодействия военнослужащих, что определяет реализуемые в его процессе модели поведения, направленность социализационных процессов и общее отношение военнослужащих как к собственной социальной группе, так и к гражданскому населению;
- уровень следования военнослужащих сложившейся системе социально-правовых норм;
- отражение воинской службы в общественном сознании.

Обозначенные выше аспекты сводятся к двум основным моментам: институциональная организация Вооруженных Сил (что включает в себя структуру воинских подразделений, юридически закрепленный статус военнослужащих, их социальную поддержку, организацию государством материального обеспечения структурных элементов армии и т. д.) и социально-феноменологический аспект осуществления основных функций института армии. В настоящее время основной упор в регулировании его состояния связан с реформами, ориентированными на изменение характера призыва, повышение уровня социальных гарантий военнослужащих и общее укрепление их статуса в обществе. Что же касается социально-мировоззренческого аспекта существования армии, данная тематика обнаруживает недостаток как на уровне теоретического знания, раскрывающего специфику социокультурной определенности

Вооруженных Сил, так и на уровне идеологических оснований осуществления корректной и добросовестной воинской службы.

В данном контексте высокую актуальность приобретает проблема характера самоидентификации членов общества. Одной из традиционных связей на уровне социального дискурса является соотношение воинской службы и патриотической тематики¹. Служба в армии рассматривается в качестве одной из высших форм служения Родине, а формирование отношения к государству в существенной мере формируется исходя из опыта взаимодействия с государственными структурами, к числу которых относятся и Вооруженные Силы. По этой причине можно судить о наличии прямой взаимосвязи между уровнем патриотического сознания в обществе и степенью конструктивности функциональных процессов в армии. И, напротив, состояние армии определяет политический вес государства и представляет собой одно из оснований национальной гордости.

Проблема заключается в том, что дискредитация института армии, связанная с его существенной криминализацией² и распространением таких деструктивных явлений, как дедовщина и коррупция на уровне офицерского состава, сопровождаемая активным связыванием службы в армии с патриотической идеологией, фактически, влечет за собой дискредитацию последней. Современное кризисное состояние института армии, а также реализация на его уровне деструктивных форм социализации и последующего взаимодействия в существенной мере способствуют последовательному усугублению ситуации³. Ключевым здесь является то, что актуализация патриотической тематики, инициируемая дисфункциональным институтом армии, не способствует оптимизации ситуации в силу того, что рассмотрение воинской службы в связке с патриотической тематикой зачастую происходит с позиции преобладания негативных аспектов. На наш взгляд, более корректным в текущей ситуации было бы осуществление воздействия на институт армии, реализованное естественным образом через актуализацию патриотической тематики на культурно-информационном уровне и одновременно – оптимизация структуры Вооруженных Сил, повышение уровня социального обеспечения военнослужащих, и ряд других мер, направленных на оптимизацию структуры данного социального института.

Что касается возможностей урегулирования ситуации в армии, связанного с актуализацией патриотической тематики на уровне общественного сознания - следует отметить, что патриотизм представляет собой специфическую форму самосознания, центральным ориентиром которого является локально определенное общество и его интересы. Патриотическое сознание в определенной мере противоречит как индивидуализму, так и низким формам группового самоопределения, ориентированным на деление людей по критерию места проживания, уровня достатка, религии, этнической принадлежности и т. д. При этом практика показывает, что именно эти узкие формы самоопределения зачастую выступают в качестве основания конфликта⁴. Патриотизм предполагает ориентацию на общество в целом, и служение его интересам

1 Мордовина Л. В. Историография понятия патриотизма в армии // Аналитика культурологии. 2014. №30. С.96-107

2 Дедовщина – «болезнь» армейской системы // <http://www.levada.ru/2006/02/15/dedovshhina-bolezni-armejskoj-sistemy/> Дата публикации: 15.02.2006.

3 Агранат Д. Л. Институциональная девиация в военизированных организациях // ЗПУ. 2009. №4 С.75-80.

4 Мохов С. В., Простаков С. А. Межэтнические конфликты в армии и оценка опыта

определяет, с одной стороны, позитивный правовой характер деятельности человека, с другой – ценность сограждан, как носителей общего признака включенности в социальную структуру. Последовательная ориентация на интересы общества детерминирует конструктивный характер деятельности членов общества, что исключает такие деструктивные явления, как коррупция, нарушение прав других членов общества, хищение государственного имущества и т. д. При этом даже вне постановки на уровне информационного пространства вопроса о патриотических основаниях воинской службы следует отметить несомненное позитивное значение высокого уровня самоидентификации членов общества в гармонизации социальных отношений.

Ключевым выводом из вышеперечисленного является то, что патриотизм, как мировоззренческая установка, представляет собой мощнейшее основание оптимизации социальной деятельности¹, что находит отражение и в рамках института армии, однако его актуализация на уровне общественного сознания не должна осуществляться в контексте наиболее проблемных аспектов функционирования Вооруженных Сил. Это определяет значимость комплексной деятельности, направленной на урегулирование ситуации одновременно и на социально-мировоззренческом и на структурном уровне.

Важным условием, определяющим возможность стабилизации, является то, что российский народ характеризуется наличием специфических установок менталитета, определяющих склонность к осознанию коллективной ответственности и, соответственно, коллективной включенности. Эта тенденция существенным образом уравнивает направленность западного мировоззрения на продвижение индивидуалистических установок.

Что касается актуализации патриотической тематики, связанной непосредственно с процессом службы в армии, наиболее перспективным, на наш взгляд, является формирование здорового образа военнослужащего, сочетающего в себе высокий уровень профессиональных качеств и одновременно – присутствие таких статусных моментов, как материальный достаток, здоровье, престиж, наличие социальных гарантий и значимость деятельности военнослужащего в контексте интересов общества. По этой причине перспективным является не столько привлечение призывников, связанное с патриотической пропагандой, сколько формирование положительного примера, сочетающего в себе набор социально значимых характеристик. Фактически, речь идет о трансляции позитивных сдвигов в структуре армии на уровне информационного пространства, формирующей конструктивный образ военнослужащего. И здесь наибольшую эффективность имеет создание такой ситуации, когда служба в армии выступает своеобразным «знаком качества», определяющим личный престиж военнослужащего и наиболее значимые его социальные качества. В таком случае и патриотические установки и призыв к выполнению гражданского долга будут рассматриваться органически, в контексте общей позитивной установки рассмотрения.

Библиография

службы в опросах демобилизовавшихся солдат и офицеров // Мир России. Социология. Этнология. 2013. №2 С.126-140.

1 Лебедев А. А., Коханова Л. А. Понятие «Патриотизм» в современном прочтении: этимология и семантика // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2015. №1. С.29-34

1. Дедовщина – «болезнь» армейской системы // <http://www.levada.ru/2006/02/15/dedovshhina-bolezn-armejskoj-sistemy/> Дата публикации: 15.02.2006.
2. Лебедев А. А., Коханова Л. А. Понятие «Патриотизм» в современном прочтении: этимология и семантика // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2015. №1.
3. Мордовина Л. В. Историография понятия патриотизма в армии // Аналитика культурологии. 2014. №30.
4. Агранат Д. Л. Институциональная девиация в военизированных организациях // ЗПУ. 2009. №4
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
6. Иванова А. А. Общественная опасность преступлений против воинской службы комплексный анализ содержания // Совершенствование деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью в современных условиях: в 2 ч. – Выпуск № 10.-Тюмень.-2013
7. Михайлова Е. В., Авдеева О. В. К вопросу о формах налаживания связей с общественностью для обеспечения призыва на срочную службу в армии РФ // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2014. №2
8. Мохов С. В., Простаков С. А. Межэтнические конфликты в армии и оценка опыта службы в опросах демобилизовавшихся солдат и офицеров // Мир России. Социология. Этнология. 2013. №2

References

1. Hazing - "illness" of the army system [*Dedovshchina – «bolezn'» armejskoj sistemy*]// <http://www.levada.ru/2006/02/15/dedovshhina-bolezn-armejskoj-sistemy/> / Publication date: 15.02.2006.
2. Lebedev AA, Kokhanova LA The concept of "patriotism" in modern reading: etymology and semantics [*Ponyatie «Patriotizm» v sovremennom prochtenii: ehtimologiya i semantika*]// Vestnik SUSU. Series: Linguistics. 2015. №1.
3. Mordovina LV Historiography of the concept of patriotism in the army [*Istoriografiya ponyatiya patriotizma v armii*] // Analitika kulturologii. 2014. № 30.
4. Agranat DL Institutional deviation in paramilitary organizations [*Institucional'naya deviaciya v voenizirovannyh organizacijah*] // ZPU. 2009. № 4
5. Merton R. Social theory and social structure [*Social'naya teoriya i social'naya struktura*] - Moscow: ACT: ACT MOSCOW: THE GUARDIAN, 2006.
6. Ivanova AA Public danger of crimes against military service complex analysis of content [*Obshchestvennaya opasnost' prestuplenij protiv voinskoj sluzhby kompleksnyj analiz soderzhaniya*] // Improving the activities of law enforcement agencies in the fight against crime in modern conditions: at 2:00 - Issue No. 10.-Tyumen.-2013
7. Mihaylova EV, Avdeeva O. V. On the question of the forms of establishing links with the public to ensure the conscription in the army of the Russian Federation [*K voprosu o formah nalazhivaniya svyazej s obshchestvennost'yu dlya obespecheniya prilyva na srochnuyu sluzhbu v armii RF*] // Bulletin of the NSTU. R.E. Alekseeva. Series "Management in social systems. Communicative technologies ». 2014. № 2
8. Mokhov SV, Prostakov SA Interethnic conflicts in the army and evaluation of service experience in surveys of demobilized soldiers and officers [*Mezhehtnicheskie konflikty v armii i ocenka opyta sluzhby v oproсах demobilizovavshihsoldat i oficerov*]// World of Russia. Sociology. Ethnology. 2013. № 2

СВЕТИКОВ

*Сергей Александрович
соискатель кафедры философии
и социологии, Краснодарский
университет Министерства
внутренних дел РФ, Краснодар,
Россия
sociometriya@mail.ru*

SVETIKOV

*Sergei Alexandrovich
Searcher of the Department of
Philosophy and Sociology of
the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar, Russia
sociometriya@mail.ru*

Естественное и искусственное социальное неравенство, как факторы развития радикализма/Natural and artificial social inequality as radicalism development factors

Аннотация

Социальное неравенство представляет собой один из наиболее серьезных конфликтогенных факторов в современном обществе. Межгрупповая конфронтация, рост социальной напряженности, противоречие социальных моделей реальным возможностям членов общества – все это в совокупности определяет уровень и характер социальных нарушений. Одним из наиболее серьезных социальных нарушений, связанных с развитием неравенства, является радикализм. В статье проводится обзор основных разновидностей социального неравенства и связанных с их актуализацией форм радикализма. Раскрывается внутренний механизм перехода деструктивного потенциала неравенства на уровень открытой деструктивной активности членов общества.

Ключевые слова

Неравенство; конфликтогенный потенциал общества; радикализм; искусственное неравенство; естественное неравенство; правый радикализм; левый радикализм.

Abstract

Social inequality represents one of the most serious conflictogenic factors in modern society. Intergroup confrontation, growth of social tension, a contradiction of social models to real opportunities of members of society – all this in total determines the level and the nature of social violations. One of the most serious social violations connected with inequality development is the radicalism. In article the review of the main kinds of social inequality and the radicalism forms connected with their updating is carried out. The internal mechanism of transition of destructive potential of inequality to the level of open destructive activity of members of society reveals.

Keywords

Inequality; conflictogenic capacity of society; radicalism; artificial inequality; natural inequality; right radicalism; left radicalism.

Проблема социального неравенства является одной из наиболее актуальных в системе современного социального знания. Это связано с тем, что показатель неравенства определяет интенсивность ряда

Проблема социального неравенства является одной из наиболее актуальных в системе современного социального знания. Это связано с тем, что показатель неравенства определяет интенсивность ряда конфликтных процессов в обществе. Социальная практика демонстрирует, что элемент расхождения в уровне качества жизни членов общества и их социальных возможностей неизбежен, однако мера данного расхождения вариативна. При этом имеет значение как фактический уровень различий в возможностях, так и характер его отражения в общественном сознании. Поясняя данное положение, отметим следующее: в основе социальных конфликтов, связанных с наличием социального неравенства, лежит противоречие между ожиданиями членов общества относительно адекватного распределения социальных благ и фактическим положением дел¹. Это определяет два основных источника актуализации проблемы неравенства – фактические различия в способностях членов общества и изменение оценочных суждений, результатом которого становится либо актуализация различий (если субъект социальной рефлексии констатирует текущие закономерности распределения социальных благ и возможностей), либо утверждение различий, основанное на специфической реализации оценочной функции по отношению к предполагаемым возможностям и правам членов общества. Социальное познание представляет собой регулируемый процесс, и одновременно выступает в качестве фактора общественного развития². Внешние воздействия, приводящие к конкретному деструктивному результату социально-познавательной деятельности, необходимо рассматривать как отдельный деструктивный фактор.

Таким образом, социальное неравенство может представлять собой как результат протекания естественных социальных процессов, так и являться результатом целенаправленной деятельности, основанной на выделении некой привилегированной или, напротив, ущемляемой социальной группы. Основанные на подобном рода социальных установках формы полагания социального неравенства представляют собой особую его разновидность, которая, в противовес естественному, исторически сложившемуся неравенству, может быть рассмотрена как неравенство искусственное.

Социальное неравенство определяет наличие группового разделения в обществе. Одновременно с этим, наличие неравномерности в возможностях, а также конфликт оценки соотношения текущих социальных позиций и сложившихся ожиданий определяет межгрупповую конфронтацию в обществе, присутствие которой характеризуется различной степенью остроты в зависимости от уровня актуализации в общественном сознании. Речь может идти как о скрытом накоплении конфликтного потенциала, так и об открытых противоречиях, выливающих в форму острого социального конфликта³. Что характерно, актуализация социального неравенства определяет внутрисоциальный конфликт, при котором одна часть общества противопоставляется другой. По этой причине

1 *Социальные неравенства и социальная политика в современной России / под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. - М., 2008.*

2 *Плотников В.В., Плотников Н.В. Специфика и роль научного познания в процессах трансформации социальной структуры / Теория и практика общественного развития. 2014. № 18.*

3 *Плотников В.В. Трансформация социальных инструментов как генетический фактор феномена экстремизма [Текст] / В. В. Плотников ; Краснодарский ун-т МВД России. - Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2016. - 228 с.*

неравенство представляет собой один из мощных факторов развития различных форм радикализма и, соответственно, экстремизма. С учетом того, что в обществе находят реализацию различные модели проявления неравенства, целесообразным является проведение аналитического обзора основных форм радикализма, источником которого становится актуализация неравенства в обществе. С этой целью будет проведен обзор основных форм проявления социального неравенства и связанных с ними типов радикализма.

Рассмотрим подробнее, какова реализация естественной и искусственной форм неравенства в социальной среде. Прежде чем приступить к аналитическому обзору обозначенной проблемы, проведем первоначальный обзор теоретической и логико-категориальной определенности социального неравенства, что способствует прояснению вопроса о характеристиках естественного неравенства. Неравенство рассматривается как различие в уровне возможностей, что наиболее часто связывается с моментом сравнения по критерию уровня материального достатка. Данный подход, основанный на имущественном критерии, имеет преобладающую представленность на уровне исследовательской литературы. Вместе с тем, помимо имущественного аспекта большое значение имеет также проблема властных отношений и иерархичности социальных позиций, а также различия между членами общества, основанного на расхождении в уровне доступа к определенным знаниям. Примером неравенства, основанного на статусном расхождении различных социальных групп, является сословное или кастовое деление, при котором различия между членами общества определяется специфическим характером социальных ограничений, налагаемых на членов различных социальных групп, и, соответственно, расхождением в уровне возможностей. В исторически сформировавшихся формах общественной организации групповое деление зачастую производится по функциональному признаку, что предполагает, с одной стороны, момент иерархичности социального деления, с другой – наличие непересекающихся наборов социальных возможностей, связанных с выполнением конкретной функции. Примерами подобных функционально определенных групп, обладающих специфическими возможностями, являются такие социальные прослойки, как дворяне (социальная группа, изначально сформированная из представителей воинской элиты) и представители духовенства. При этом присутствие в определенной функционально определенной группе может быть связано с родовой принадлежностью и, соответственно, исключать возможность социальной мобильности (как это имеет место на уровне принадлежности к дворянскому сословию), либо являться результатом включения в деятельность конкретного социального института (примером чего является социальное становление представителей духовенства). В современном обществе подобного рода ограничения сводятся к минимуму ввиду реализации на правовом уровне идеи равенства возможностей. Однако на неформальном уровне сохраняется значимость родственных связей при приобретении тех или иных социальных возможностей (например, в рамках трудоустройства), что представляет собой одно из социальных измерений неравенства.

Анализ социального неравенства предполагает рассмотрение соотношения между различными членами общества по критерию уровня их возможностей, причем последние рассматриваются в широком спектре

– от материального достатка и вплоть до возможностей, связанных с социальным статусом и выполняемой в обществе ролью. При этом эффективной позицией является рассмотрение различий между уровнем возможностей, определяемых личными качествами человека и его возможностями, происхождение которых имеет социальную природу. Так, например, трудоустройство человека может быть связано с его профессиональными характеристиками (что представляет собой личные качества), либо, как было показано выше, представлять собой результат реакции на его социальный статус, происхождение, родственные или дружеские связи и т. д.

Одной из серьезных теоретических проблем, связанных с разделением индивидуальных факторов расхождения в уровне возможностей и социально детерминированных, является то, что ряд личных качеств развивается в ходе социальной практики, и в данном случае имеет место единство реализации социального и индивидуального аспектов. Это не столько свидетельствует о неактуальности или спорности применяемого критерия, сколько демонстрирует сложность рассматриваемой проблемы и невозможность ее редукции к простой системе социальных категорий. Вместе с тем, как личные возможности отдельных членов общества, так и их социальная определенность представляют собой результат естественного протекания общественных процессов.

Следует отметить, что в настоящее время большинство государств ориентировано на демократические ценности, предполагающие равенство изначальных возможностей по самореализации для всех членов общества. На правовом уровне это получает утверждение в рамках конституционного права, определяющего равенство прав и свобод граждан. В этом отношении проблема социального неравенства приобретает особое измерение, поскольку его наличие предполагает либо совершение неправовых действий, ущемляющих права и свободы членов общества, либо существование вне правовой определенности условий для социального расслоения. Так или иначе, правовая регламентация основных сфер общественной жизни стремится к созданию равных возможностей для всех участников общественного взаимодействия, примером чего является антимонопольная политика, дающая рядовым участникам экономической деятельности простор для развития. В этом смысле естественное неравенство представляет собой либо результат неправовой регуляции социальных отношений (и, в целом, дисфункции отдельных институциональных сфер¹), либо результат естественного проявления различий в исходных данных участников общественной деятельности.

На основании проведенного обзора становится видно, почему такие социальные проблемы, как коррупция и организованная преступность, зачастую связываются в исследовательской практике с проблемой неравенства. Вместе с тем, даже при условии корректного функционирования основных общественных институтов, наличие неравенства неизбежно, поскольку структура большинства развитых социальных подсистем предполагает момент иерархичности, а различные формы деятельности имеют разную социальную приоритетность.

1 *Кубякин Е.О., Плотников В.В. Феномен дестабилизации локальной социальной системы (государства) / Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4 (59).*

Постановка вопроса о естественном неравенстве представляет собой отражение текущего распределения социальных благ и возможностей. Естественное неравенство существует в рамках правовой системы общества и, при условии его институциональной адекватности, определяется личным выбором и конкурентными возможностями членов общества, а также различиями в исходных данных их развития. В качестве примера можно привести жителей сельской местности, не имеющих прямого доступа к ряду образовательных и спортивных учреждений, и жителей крупных городов, обладающих расширенными возможностями по реализации и развитию личных способностей.

Рассматривая аналитически значение естественного неравенства в процессе развития радикальных течений, следует обратить внимание на то, что носителями конфликтных установок становятся представители прослоек населения, в наибольшей степени ущемленных в социальном плане. Наиболее явным аспектом противоречий становится уровень материального достатка и, соответственно, расхождение в качестве жизни, однако, помимо них, существует ряд социальных сфер, в рамках которых проявляется различие в социальных возможностях населения. К их числу относятся: образовательная система; система здравоохранения; правовая структура общества; социальный институт армии; экономическая сфера.

Расхождение в уровне возможностей проявляется на уровне статусной определенности взаимодействия, наличии неформальных механизмов получения необходимого результата, доступных членам общества, обладающим высоким социальным статусом, а также представляет собой опосредованное проявление различий в материальных возможностях. Непосредственным результатом столкновения с практикой наличия неравнозначных социальных позиций является рост недовольства членов общества, возможности которых ограничены. Как результат – актуализация проблем коррупции и «вседозволенности» на уровне общественного сознания, постановка вопроса о социальной справедливости (нередко без уточнения данной категории), недовольство социально ущемленных групп состоянием и качеством государственного регулирования. Таким образом, нарушение эффективности институциональной сферы общества влечет за собой тенденцию роста социальной напряженности¹. Все это в совокупности представляет собой серьезные факторы развития левого радикализма, основная направленность которого связана с изменением политического устройства общества и перераспределением социальных благ².

Основной отличительной чертой искусственного неравенства является то, что оно предполагает утверждение различий в обществе, его иерархизацию по критерию групповой принадлежности. В результате неравенство представляет собой не расхождение в актуальных возможностях, но, в первую очередь, идеологическое целеполагание различий в социальной среде. В качестве примера искусственного неравенства можно рассмотреть признание исключительности какой-либо группы людей по национальному, расовому признаку, духовный

1 *Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы / Теория и практика общественного развития. 2014. № 21.*

2 *Usmanov R. Kh., Kinzhuvaev R.Z. Left-wing radical youth associations in the context of security of ethnopolitical processes in the south of Russia // Man. Community. Control. № 4. 2012.*

фундаментализм, фашизм и т. д. Искусственное неравенство, будучи, в первую очередь, радикальной идеологической надстройкой общественного сознания, противоречит конституционным нормам современного общества. При этом «целевой аудиторией» данной идеологии являются социальные группы, в рамках которых имеет место накопленный и нереализованный деструктивный потенциал, связанный с недовольством текущей социальной ситуацией. Фактически, идеологическая структура, полагающая неравенство по групповому признаку, ориентирована на перенаправление социальной агрессии в сторону групп, идеологически связываемых с текущими социальными проблемами¹. В данном случае имеет место символическое мышление, при котором негативное рассмотрение отдельных социальных групп сопрягается с полаганием их ответственности за актуальные неблагоприятные условия, в которых пребывают отдельные члены общества. Эта мировоззренческая схема предполагает создание «образа врага», чаще всего проецируемого на какую-то отдельную часть общества (реже – вовне, на уровне создания агрессивной внешнеполитической идеологии). Результатом развития искусственных форм неравенства в обществе является формирование праворадикальных течений. В современном обществе это представлено на уровне таких деструктивных явлений, как религиозный экстремизм, национализм, фашизм.

Следует отметить, что естественное и искусственное неравенство, как факторы развития радикализма, взаимосвязаны. Рассмотренное ранее наличие конфликтогенного потенциала в отдельных социальных группах представляет собой результат наличия естественного неравенства в обществе, и одновременно – один из ведущих факторов, определяющих востребованность идеологических конструктов искусственного неравенства. По этой причине естественное неравенство можно рассматривать как исходное основание развития основных форм радикализма, а искусственное – как результат активной реализации деструктивных моделей в обществе. При этом, поскольку основания естественного неравенства пролегают в области актуальных общественных отношений, снижение его уровня связано с оптимизацией институциональной структуры общества. Борьба с проявлениями искусственного неравенства, по большей части, связана с воздействием на социально-феноменологическую сторону развития общества, что связано с преобладанием идеологического аспекта в его формировании. Таким образом, борьба с радикализмом на уровне купирования его оснований предполагает оптимизацию институциональной структуры общества и контроль над механизмами актуализации в общественном сознании деструктивных социальных моделей.

Библиография

1. Социальные неравенства и социальная политика в современной России / под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. - М., 2008.
2. Плотников В.В., Плотников Н.В. Специфика и роль научного познания в процессах трансформации социальной структуры / Теория и практика общественного развития. 2014. № 18.
3. Плотников В.В. Трансформация социальных инструментов как генетический

¹ Кузьмин А.Г. Праворадикальное движение в современной России: особенности идеологии и перспективы развития // Политэкс. URL: <http://www.politex.info/content/view/350/30/>

фактор феномена экстремизма [Текст] / В. В. Плотников ; Краснодарский ун-т МВД России. - Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2016.

4. Кубякин Е.О., Плотников В.В. Феномен дестабилизации локальной социальной системы (государства) / Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4 (59).

5. Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы / Теория и практика общественного развития. 2014. № 21.

6. Усманов Р.Х., Кинжуваев Р.З. Леворадикальные молодежные объединения в контексте безопасности этнополитических процессов юга России // Человек. Сообщество. Управление. № 4. 2012.

7. Кузьмин А.Г. Праворадикальное движение в современной России: особенности идеологии и перспективы развития // Политэкс. URL: <http://www.politex.info/content/view/350/30/>

References

1. Social inequalities and social policy in modern Russia [Social'nye neravenstva i social'naya politika v sovremennoj Rossii]/ Ed. Gorshkov M.K., Tikhonov N.E. - M., 2008.

2. Plotnikov V.V., Plotnikov N.V. Specificity and role of scientific knowledge in the processes of transformation of social structure [Specifika i rol' nauchnogo poznaniya v processah transformacii social'noj struktury] / Theory and practice of social development. 2014. No. 18.

3. Plotnikov V.V. Transformation of social instruments as a genetic factor of the phenomenon of extremism [Specifika i rol' nauchnogo poznaniya v processah transformacii social'noj struktury]/V. Plotnikov; Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. - 228 p.

4. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. The phenomenon of destabilization of the local social system (state) [Transformaciya social'nyh instrumentov kak geneticheskij faktor fenomena ehkstreimizma] / Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4 (59).

5. Plotnikov V.V. Destruction and dysfunction of social institutions: analysis of the viability of the state system [Destrukciya i disfunkciya social'nyh institutov: analiz zhiznesposobnosti gosudarstvennoj sistemy]/ Theory and practice of social development. 2014. No. 21.

6. Usmanov R. Kh., Kinzhuaev R.Z. Left-wing radical youth associations in the context of security of ethno-political processes in the south of Russia [Levoradikal'nye molodezhnye ob"edineniya v kontekste bezopasnosti ehtnopoliticheskikh processov yuga Rossii]// Man. Community. Control. № 4. 2012.

7. Kuzmin A.G. Right-radical movement in modern Russia: features of ideology and development prospects [Pravoradikal'noe dvizhenie v sovremennoj Rossii: osobennosti ideologii i perspektivy razvitiya] // Politex. URL: <http://www.politex.info/content/view/350/30/>

СТОЙКО

Олег Анатольевич

*заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по работе с личным составом, Краснодар, Россия
stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru*

STOYKO

Oleg Anatolievich

*Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia for work with personnel, Krasnodar, Russia
stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru*

Евразийские ценности в аспекте национального характера россиян: опыт осмысления/ Eurasian values in the aspect of the national character of Russians: the experience of comprehension

Аннотация

В статье затрагивается проблема евразийских ценностей в аспекте национального характера россиян. Автор обращается к трудам русских философов-эмигрантов И.А. Ильина и С.Л. Франка, размышляющих о специфических особенностях национального характера, формирование которого складывается в концепцию победителя. Имеется в виду победа человека над своими природными рефлексам и выход на рефлексию методологического типа. Обобщив специфические особенности «русской души», автор приходит к мысли о тотальной формализации и, как следствие, рационализации жизни россиян, что исключает возможность гармонизирующего диалога, в пространстве которого происходит согласование имеющихся противоречий.

Ключевые слова

Евразийские ценности; национальный характер; формализация; религиозный опыт; язык; внутренний человек.

Abstract

The article touches upon the problem of Eurasian values in the aspect of the national character of Russians. The author turns to the works of Russian philosophers-emigres IA. Ilyina and S.L. Frank, reflecting on the specific features of the national character, the formation of which is formed in the concept of the winner. It means the victory of man over his natural reflexes and the emergence of a methodological type of reflection. Summarizing the specific features of the “Russian soul”, the author comes to the idea of total formalization and, as a result, the rationalization of the lives of Russians, which excludes the possibility of a harmonizing dialogue in the space of which the existing contradictions are coordinated.

Keywords

Eurasian values; national character; formalization; religious experience; language; inner person.

Решая проблему евразийских ценностей, приобретающих особое значение в условиях глобализации и мировой интеграции, весьма небесполезным будет обращение к трудам представителей русской философской мысли, в первую очередь, философов-эмигрантов. Оказавшись вопреки своей воле за пределами Отечества, И.А. Ильин,

С.Л. Франк и многие другие мыслители до конца своих дней размышляли о судьбе России, оставаясь в лоне взрастившей их культуры. Примечательно, что обозначенный ими путь, следуя которому Россия сумеет сохранить все лучшее, что обуславливает уникальность и, одновременно, загадочность

«русской души»¹, как никогда видится единственно верным по одной простой причине. Этот путь есть не что иное, как дорога к себе, своему национальному характеру, своему пространству духа.

Соответственно, в ситуации, когда именно евразийские ценности, отмеченные наднациональным, надрелигиозным и надгосударственным статусом, позиционируются как необходимый фундамент для становления правовой культуры молодого поколения россиян, исследования И.А. Ильина и С.Л. Франка оказываются более чем современными. На фоне непрекращающейся дискуссии о национальной идее, способной объединить россиян, сплотить представителей самых разных этнических групп и религиозных конфессий, точка зрения представителей русской эмиграции на духовное обновление нации как нельзя актуальна и своевременна.

Подобный опыт тем более важен, что он звучит в унисон с теми истинами, которые запечатлены в священных книгах христиан, мусульман, буддистов, иудеев, а также других, проживающих на территории России, духовных лидеров и их апологетов². Имеется в виду ситуация, в рамках которой вопреки существующим различиям, все мы, в той или иной степени, владеем русским языком, знаем русскую культуру и обладаем особой языковой картиной мира.

Фокусируя внимание на выработанной русской философской мыслью концепции победителя³, И.А. Ильин и С.Л. Франк предостерегают будущее поколения россиян от «образованщины». Речь идет о формализации процесса обучения и воспитания, следствием которого оказывается не столько создание духовно зрелой личности, победившей своей эгоизм, преодолевшей распространяющийся на отношения с другими людьми своекорыстный интерес, в том числе, отказавшейся от «шкурнического» проживания жизни, приоритетом которой становится неумная жажда потребления, сколько разнузданную особь. Главная цель последней – получить как можно больше удовольствий, ничего не отдавая взамен.

То обстоятельство, что именно сегодня формальный подход в отечественном образовании достиг своего апогея, подтверждает не только опыт профессорско-преподавательского состава вузов страны, в том числе опыт школьных учителей, одинаково погрязших в бесконечных отчетах,

1 В данном контексте лексема «русский» менее всего связывается нами с этническим понятием. Скорее всего, имеется в виду цивилизационно-культурное понятие, в том числе понятие экстерриториальное.

2 Несмотря на то, что в каждой из религий действует своя собственная ценностная установка, в качестве которой в индуизме, например, выступают знания об окружающей действительности, а также конкретные поступки и религиозная любовь; в исламе – сотрудничество с Богом в совместной борьбе со злом; в буддизме – погружение в глубины собственного я, что является залогом покоя, способствуя просветлению духа; в иудаизме – знания как точка отсчета всех культурных стремлений, обеспечивающих духовное единство, чувство удовлетворения и, в конечном счете, святость; в христианстве – любовь, в целом ни одна религия не ставит материальное выше духовного.

3 Бекетова Н.В. Концепция победителя в опыте русской православной философии // Образование граждан мира: материалы докладов Международной конференции 30 сент.-4 окт. 1996 г. М., 1996. С. 29-30.

сводках, «срезах», планах и прочем «бумажном творчестве», но и опыт российского студенчества. В частности, обращение к социологическому исследованию А.Н. Пинчук делает очевидной следующую истину.

«В системе высшего образования наблюдается выпадение из привычного учебного процесса части образовательных практик, призванных отвечать за личностно-профессиональное становление студентов»¹. Вследствие того, что «практики использования источников информации и учебных материалов сужаются до практик использования сети Интернет и конспекта лекций», происходит «несформированность практик критического поиска и отбора» информации»², что свидетельствует о примитивизации опыта по освоению знаний, умений и навыков.

Согласимся, подобное положение дел позволяет признать, что на сегодняшний день мы имеем дело не столько с образованием как таковым, сколько с имитацией образования. Неслучайно поэтому значительная часть (20 %) студенческой молодежи признаются в том, что присутствуют на занятиях исключительно формально, намеренно создавая иллюзию своей включенности в учебно-воспитательный процесс с целью избежать конфликтов с педагогом³.

Определенно, сложившаяся в отечественном образовании ситуация во многом коррелирующая с концепцией спектаклярности Ги Дебора⁴, где подлинная реальность опознается исключительно посредством потребления, в корне противостоит идее служения. «Кто бы я ни был, – писал по этому поводу И.А. Ильин, – каково бы ни было мое общественное положение – от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, – я служу России..., не «маммону» и не «начальству»; не «личной похоти» и не «партии»; не «карьере» и не просто «работодателю», «но именно России, ее спасению, ее строительству...»⁵.

Возвращаясь к тотальной формализации, охватившей практически все сферы жизнедеятельности социума, заметим, что столь приоритетное для современной социокультурной ситуации непрерывное образование, по сути, оказывается недостижимым вне тех ценностных доминант, о которых упоминают И.А. Ильин и С. Л. Франк. В первую очередь речь идет о внутренней свободе как «способности духа самостоятельно увидеть верный закон, самостоятельно признать его авторитетную силу и самостоятельно осуществить его в жизни»⁶.

Другими словами, наличие внутренней свободы выступает залогом «жизненно-интуитивного постижения мира в сочувствии и сопереживании»⁷, что, в конечном счете, обеспечивает человеку возможность быть включенным в процесс мироздания. Только в этом случае мы перестаем выступать в качестве сторонних наблюдателей, ценностно переживая каждое мгновение жизни.

Поскольку «жизненно-интуитивное» постижение мира или, что то же – «живое знание» (И. Киреевский) напрямую связано с языком, который

1 Пинчук А.Н. *Образовательные практики современных студентов социально-гуманитарного профиля подготовки. Автореф.* ...канд. соц. н. (специальность – 22.00.06 – социология культуры). *Майкоп*, 2017. – с.14

2 Там же.

3 Там же.

4 Дебор Ги. Общество спектакля. [Электронный ресурс].

5 Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993, с.146

6 Ильин И.А. Наши задачи. Париж; М.: Парог, 1992, с.188

7 Франк С. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996, с.56

В. фон Гумбольдт рассматривал на уровне духа народа¹, понятно, что тезис о наднациональном характере евразийских ценностей носит столь же формальный характер, что и риторический вопрос Д. Л. Проскурякова. «А нужна ли вообще России национальная идея как таковая?»². То обстоятельство, что современный автор не может объяснить, «почему не хватает обычных общечеловеческих ценностей, принятых в цивилизованном мире – приоритета человеческой жизни над интересами государства, гражданских прав и свобод, социальной защищенности, подконтрольности властных институтов?»³, говорит лишь об одном. Формализация затронула святая святых – человеческое сознание, которое в итоге свелось к голый рациональности.

Словно предвидя будущее России, которое для каждого из нас стало неотвратимым настоящим, И.А. Ильин предупреждал о том, что «не следует сводить человека к его ...рассудку», поскольку каждый из нас «могущественнее своего рассудка». По мнению философа, «истинная образованность есть сила созерцания и зрелость суждения. И потому образование есть, прежде всего, воспитание к самостоятельному созерцанию и мышлению, к исследованию»⁴. Другими словами, суть образования заключается не «в наполнении памяти» и не в развитии «интеллекта, а в зажигании сердца»⁵.

В силу того, что собственно «зажигание сердца» есть процесс смыслообразующей деятельности сознания, который реализуется посредством рефлексии методологического типа, заметим, что именно рефлексивный опыт противостоит необходимости идти на поводу у своих врожденных рефлексов, задавая вектор движения от внешнего человека к человеку внутреннему. Принципиальная разница между одним и другим заключается в том, что человек, «не обуздавший своего животного себялюбия, своего практического эгоцентризма, не открывший себе глаза на свое призвание служить, не научившийся преклоняться перед высшим Смыслом и Делом, перед Богом, будет всегда существом социально опасным»⁶

Разве выход на такого внутреннего человека не является знаком преобразования человеческого существа, согласно предписаниям, содержащимся в священных книгах? Безусловно, осознание своей божественной сути несовместимо с действиями, более свойственными животным, однако принципиальным здесь видится нечто другое. Дело в том, что исповедующий ту или иную религию россиянин движется навстречу к этому внутреннему человеку исключительно в опоре на те духовные практики, которые характерны для его вероисповедания, для людей его национальности и культуры. Потому пренебрежение национальным и культурным различием, равно как и провозглашение надгосударственного характера евразийских ценностей, чревато выхолащиванием сути народного духа, а значит – предельной формализацией жизни населяющих Россию граждан, что заведомо исключает возможность культурного

1 Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М. Прогресс, 1984

2 Проскуряков Д. Л. Вечный двигатель российской истории, или Спасите! Наконец-то найдена российская национальная идея.

3 Проскуряков Д. Л. Вечный двигатель российской истории, или Спасите! Наконец-то найдена российская национальная идея.

4 Ильин И.А. Наши задачи. Париж; М.: Парог, 1992. С.330

5 Там же, с.307

6 Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993, с.146

диалога.

Имеется в виду тот факт, что, как правило, рациональный подход к чему бы то ни было оборачивается жестким прагматизмом, преследующим цель добиться желаемого результата любым путем, вплоть до подавления либо уничтожения противника. Напротив, единство рационального и иррационального (эмоционально-чувственного), познавательного и этического, внешней формы языка и его внутренней формы становится залогом гармонизации отношений участников диалогической ситуации, реализуемой через согласование противоречий.

Принимая во внимание тот факт, что специфическими особенностями национального характера выступают:

- российский тип мышления («живое знание» [И. Киреевский]);
- российский тип общения («всемирная отзывчивость» [Ф. Достоевский]);
- российский тип деятельности (служение [И. Ильин])¹, нельзя не согласиться отечественным философом в том, что «духовно живой человек всегда внимлет Духу – и в событиях дня, и в невиданной грозе, и в мучительном недуге, и в крушении народа. И, вняв, отзывается не пассивно созерцательным пиетизмом, но и сердцем, и волей и делом»².

Примечательно, что исконные черты национального характера опознаются в ситуациях, не обязательно связанных с русским этносом. В частности, аргументацию положения, согласно которому именно гармонизирующий диалог во многом определяет культурное развитие населяющих нашу страну народов, находим в работе М.С. Уланова «Евразийская специфика буддийской культуры монгольских народов России». Отмечая, что «русская культура оказала значительное влияние на культуру монгольских буддийских народов России – калмыков и бурят»³, автор подчеркивает: «важную роль в формировании евразийского субстрата сыграло причисление части калмыков и бурят к казачеству»⁴.

Тот факт, что, бережно сохраняя собственную культуру, калмыцкое и бурятское казачество «активно перенимало у русских различные элементы материальной и духовной культуры»⁵ сказался в следующих специфических особенностях этих народов:

- религиозное зодчество;
- иконопись;
- декоративно-прикладное искусство;
- характер богослужебной практики.

Как пишет М.С. Уланов, несмотря на то, что «термин “русский буддизм” в определенной степени имеет условный характер и относится не к теологическим вопросам, а к области социально-политической социокультурной жизни, в то же время нельзя не отметить того факта, что российские буддисты отличаются своей евразийской ментальностью,

1 Бекетова Н.В. Концепция победителя в опыте русской православной философии //Образование граждан мира: материалы докладов Международной конференции 30 сент.-4 окт. 1996 г. М., 1996, с.698

2 Ильин И.А. Наши задачи. Париж; М.: Рарог, 1992, с.208

3 Уланов М.С. Евразийская специфика буддийской культуры монгольских народов России //Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017, с 956

4 Там же, с.957

5 Там же, с.963

идентичностью, образом жизни, культурными традициями от буддистов Тибета, не говоря уже о буддистах Китая, Японии или Кореи».

Аналогичным образом следы христианства обнаруживают себя в народной культуре адыгов. По свидетельству Н.Х. Емыховой, «помимо материальных свидетельств история христианства среди адыгов оставила и духовные¹. В их числе:

- почитание крестов (джор);
- празднование пасхи (Iyтыжь);
- соблюдение постов;
- почитание «Матери Великого Бога» (Тчъашхо-ЯнэТхъф-Гуаш)²;
- богослужебные песни (тхъапщыщ орэд);
- молитвы (тхъальэу)³;
- адыгская топонимия⁴.

В обоих случаях налицо такой культурный диалог, в рамках которого каждый из участников диалогической ситуации демонстрирует готовность к неизбежному отречению от собственного «я» с целью его сохранения в качестве неотъемлемой части новой, прежде не существующей целостности. Соответственно, процесс согласования противоречий с неизбежностью предполагает отказ от чего-то в себе с тем, чтобы не утратить своего «я» во вновь возникшем сообществе.

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что актуализация евразийских ценностей у молодого поколения россиян невозможна вне осознания своей национальной принадлежности, религиозного опыта и традиционной культуры, опредмеченных в языковой картине мира. Только в опоре на эти три составляющие граждане России окажутся способны к построению такого общества, единство которого будет определяться общей для всех готовностью вести культурный диалог, выходящий за рамки локального общения в общемировое пространство.

Библиография

1. Бекетова Н.В. Концепция победителя в опыте русской православной философии //Образование граждан мира: материалы докладов Международной конференции 30 сент.-4 окт. 1996 г. М., 1996. С. 29-30.

2. Грановская Р.М. Психология веры. Спб.: Питер, 2010. [Электронный ресурс]. URL: eknigi.org/psihologija/114987...very.html (Дата обращения 12.06.2017).

3. Тумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М. Прогресс, 1984. 400 с.

4. Дебор Ги. Общество спектакля. [Электронный ресурс]. URL: <https://att.kubsau.ru/Account/Login?ReturnUrl=%2f> (Дата обращения: 07.03.2017).

5. Емыхова Н.Х. Следы христианства в культуре адыгов //Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017.

6. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. –413 с.

7. Ильин И.А. Наши задачи. Париж; М.: Рарог, 1992. – 272 с.

8. Пинчук А.Н.Образовательные практики современных студентов социально-гуманитарного профиля подготовки. Автореф. ...канд. соц. н. (специальность–22.00.06 –социология культуры).Майкоп, 2017. – 25 с.

9. Проскуряков Д. Л. Вечный двигатель российской истории, или Спасите! Наконец-то найдена российская национальная идея. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlid.ru/p/proskurjakow_d/rni.shtml (Дата обращения 12.01.2013).

1 Емыхова Н.Х. Следы христианства в культуре адыгов //Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017, с.644

2 Там же

3 Там же, с.645

4 Там же, с.646

10. Уланов М.С. Евразийская специфика буддийской культуры монгольских народов России //Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С.954-964.

11. Франк С. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. – 738 с.

References

1. Beketova N.V. The concept of the winner in the experience of Russian Orthodox philosophy // Education of citizens of the world: the materials of the reports of the International Conf. [Образование grazhdan mira: materialy dokladov Mezhdunarodnoj konferencii] 30 Sep-4 Oct. 1996 M., 1996. P. 29-30.

2. Granovskaya R.M. The psychology of faith [Psihologiya very] Spb.: Peter, 2010. [Electronic resource]. URL: eknigi.org/psihologija/114987...very.html (Date of circulation 12.06.2017).

3. Humboldt von W. Selected works on linguistics [Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu] M. Progress, 1984. 400 p.

4. Debor Guy. The Society of the Performance [Obshchestvo spektaklya] [Electronic resource]. URL: <https://att.kubsau.ru/Account/Login?ReturnUrl=%2f> (Date of circulation: 07.03.2017).

5. Emykhova N.Kh. Traces of Christianity in Adygee culture [Sledy hristianstva v kul'ture adygov //Bogosluzhebnye praktiki i kul'tovye iskusstva v sovremennom mire] // Liturgical practices and cult arts in the modern world. Maikop: Publishing house "Magarin OG", 2017. pp. 641-654.

6. Ilyin IA The way to evidence [Put' k ochevidnosti] M.: Republic, 1993. -413 p.

7. Ilin I.A. Our tasks [Nashi zadachi] Paris; M.: Papor, 1992. - 272 p.

8. Pinchuk AN The educational practices of modern students of the socio-humanitarian profile of training [Образовательные практики современных студентов социаль-но-гуманитарного профиля подготовки] Author's abstract. ... cand. soc. n. (specialty-22.00.06 -Sociology of Culture). Maykop, 2017. - 25 p.

9. Proskuryakov DL Perpetual motion of Russian history, or Save! Finally, the Russian national idea was found [Vechnyj dvigatel' rossijskoj istorii, ili Spasite! Nakonec-to najdena rossijskaya nacional'naya ideya] [Electronic resource]. - Access mode: http://samlid.ru/p/proskuriakow_d/rni.shtml (Date of circulation 12/01/2013).

10. Ulanov, M.S. Eurasian specificity of the Buddhist culture of the Mongolian peoples of Russia // Liturgical practices and cult arts in the modern world. Maikop [Evrazijskaya specifika buddijskoj kul'tury mongol'skih narodov Rossii //Bogosluzhebnye praktiki i kul'tovye iskusstva v sovremennom mire] Publishing house "Magarin OG", 2017. P.954-964.

11. Frank S. Russian outlook [Russkoe mirovozzrenie] SPb.: Science, 1996. - 738 p.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

РЫБАКОВ

*Андрей Вячеславович
доктор политических наук, профессор,
Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет),
Москва, Россия
rybackov@rambler.ru*

RYBAKOV

*Andrey Vyacheslavovich
Doctor of political Sciences,
Professor,
Moscow Aviation Institute
(National Research University),
Moscow, Russia
rybackov@rambler.ru*

Неоинституциональный подход к стратегиям коллективных действий/ The new institutional approach to collective action strategies

Аннотация

В статье анализируются проблемы коллективного действия и пути их решения в рамках неоинституционального подхода. Рассматриваются наиболее распространенные дилеммы, воспроизведение которых в логике индивидуального рационального поведения в итоге приводит к иррациональным групповым результатам деятельности. Показано, как аналитический инструментарий неоинституционализма может быть применен для обоснования механизмов преодоления неэффективности коллективных действий в обход обычных способов решения этой проблемы – государственного патернализма и рыночных механизмов.

Ключевые слова

Неоинституционализм, коллективное действие, дилемма заключенного, трагедия общин, логика коллективного действия

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ДИЛЕММ

Abstract

The article analyzes the problems of collective action and possible solutions within the new institutional approach. institutional approach. The author examines the most popular dilemmas in which rational individual behavior causes irrational collective result. behavior causes irrational collective result. The article also attempts to demonstrate how the new The article also attempts to demonstrate how the new institutionalism analytical tools can be used to study mechanisms which are able to overcome the institutionalism analytical tools can be used to study mechanisms which are able to overcome the inefficiencies of collective action, bypassing the typical way to solve this problem - state paternalism inefficiencies of collective action, bypassing the typical way to solve this problem - state paternalism and market mechanisms. and market mechanisms.

Keywords

New institutionalism, collective action, prisoner's dilemma, tragedy of the commons, the logic of collective action. the logic of collective action.

Проблема коллективного действия имеет фундаментальное

значение для социальных наук, поскольку побуждает исследователей выявлять глубинные механизмы кооперации между индивидами, которые срабатывают (либо не срабатывают) в процессе достижения общих целей. Последние могут приобретать разное предметное содержание – от максимизации эффективности при использовании совместных ресурсов до утверждения консолидированной демократии, но алгоритм их достижения каждый раз воспроизводит определенную логику. И именно парадоксы этой логики часто бросают вызов, казалось бы, априорным основам экономической теории, социологии и политической науки.

Такими базовыми постулатами, с одной стороны, является первичность индивида в отношении любых надиндивидуальных детерминант общественных процессов, с другой - признание общества достаточным и необходимым условием достижения индивидуальных целей, удовлетворения потребностей и интересов. Исходя из этого, а также принимая во внимание презумпцию рациональности индивида, можно сделать правомерное допущение, что для достижения своих целей отдельные члены данного общества должны непременно ориентировать свою деятельность на результаты деятельности социальной группы, в которую они входят. Но, как показывает опыт, такое предположение далеко не всегда носит эмпирически релевантный характер.

На практике регулярно повторяются случаи, когда рациональное поведение отдельного представителя сообщества в итоге вызывает нерациональный результат для всей группы и, как, следствие для каждого ее члена. Большинство ситуаций, когда индивиды эксплуатируют ресурсы общего пользования, не делая свой вклад в их сохранение и приумножение, подтверждает невозможность эффективного сосуществования индивидуальных рациональных стратегий и результатов коллективной деятельности. Другими словами, множество эмпирических фактов показывает, что достижение коллективного блага невозможно при условии, что индивиды будут руководствоваться исключительно стратегиями рационального поведения.

Более того, в итоге исключается не только коллективное благо, но и индивидуальная выгода, источником которой был общий ресурс. Это противоречие получило название «проблема безбилетника» (*free rider problem*). Широкое распространение она получила в экономической науке, но поскольку речь идет не только об использовании экономических ресурсов, а, прежде всего, о схеме анализа проблем кооперативного поведения, может быть продуктивно применена и в политологии. Самая наглядная демонстрация «проблемы безбилетника» заключается в пользовании общественным транспортом без оплаты за услуги перевозки. Индивид получает соответствующее благо, однако не несет никаких расходов на содержание инфраструктуры. С точки зрения соотношения затрат и выгод такое поведение максимально рентабельно, а следовательно, имеет самый большой мотивационный потенциал. Можно упрекнуть индивида в том, что он ведет себя аморально, нечестно, но нет оснований обвинять его в нерациональном поведении. Исходя из задачи максимизации собственной пользы, он действует рациональным способом. Правда, указанный способ действия приносит максимальную выгоду только тогда, когда другие заплатят за проезд, то есть возьмут на себя бремя содержания безбилетника. Если аналогичную стратегию возьмет на вооружение каждый, общественный транспорт вообще

прекратит функционировать, общее благо больше не будет удовлетворять потребности пользователя. Собственно, в этом и заключается парадокс, который описывается многими моделями коллективного действия: порознь выбирая наиболее рациональные варианты поведения, все вместе индивиды приходят к менее рациональным результатам.

Чаще всего исследователи используют три основные модели, которые имеют многочисленные вариации: 1) трагедия общин (*tragedy of commons*, что дословно переключается *commons*, что дословно переводится как «трагедия общего») 2) дилемма узника 3) логика коллективного действия.

В 1968 г. Г. Хардин описал феномен под названием «трагедия общин», который обозначает процесс деградации окружающей среды в ситуации одновременного использования многими индивидами ограниченного ресурса. Для иллюстрации проблемы автор обращается к мыслительному эксперименту, в котором предлагает читателям представить доступное для всех пастбище, которое эксплуатируют отдельные рациональные владельцы стада. Каждый владелец получает непосредственную выгоду от своего стада и несет отложенные расходы из-за истощения пастбища. Это мотивирует хозяев постоянно увеличивать поголовье, используя больше общих площадей, весь доход от владения стадом достается им полностью, тогда как затраты, связанные с испорченным выпасом, разделяются на всех. Г. Хардин делает следующий вывод: «В этом и заключается трагедия. Каждый замкнут в рамках системы, которая побуждает его бесконечно наращивать свое стадо. Конечным пунктом, к которому все торопятся, становится катастрофа, - каждый преследует свой интерес в обществе, верит в свободу общин».¹ Конечно, если бы трагедия общин касалась только совместного использования пастбищ, она вряд ли бы имела существенное теоретическое значение. Кроме локальных проблем эта модель применялась также при анализе попыток Конгресса США уклоняться от наращивания государственных расходов, городской преступности, взаимодействия государственного и частного сектора в экономике, проблем международного сотрудничества и кооперации и т. п. Как отмечает Э. Остром, большая часть мира зависит от ресурсов, которые потенциально уязвимы перед трагедией общин.² В свою очередь, масштаб проблемы непременно требует политического решения.

«Дилемма заключенного» является одной из наиболее распространенных моделей в теории игр, формализация которой осуществлена А. Такером в 1985 году. В классической формулировке модель предполагает наличие двух подозреваемых, содержащихся отдельно друг от друга. Прокуроры уверены в их виновности в совершении преступления, но не имеют достаточных доказательств для осуждения. Они сообщают каждому отдельно, что тот имеет две альтернативы – давать показания или молчать. Если оба будут молчать, то их ждет незначительное наказание (скажем, 1 год тюрьмы). Если будут свидетельствовать, то получат уже больший срок (5 лет). В ситуации, когда один подозреваемый будет молчать, а другой давать показания, первому дадут максимальный срок заключения (10 лет), тогда как второго вообще освободят и, наоборот. Как видно, самым оптимальным вариантом, который обеспечивает лучший совокупный результат, является стратегия

1 Hardin, G. *The Tragedy of the Commons* / G. Hardin // *Science*. - 1968. - Vol. 162. - No. 3859. P. 1246

2 Остром Э. *Управляя общин: эволюция институтов коллективной деятельности* / Э. Остром: пер. с англ. - М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. С. 25

молчания. Но поскольку никто из задержанных не может быть уверен в том, что промолчит и его сообщник, соблазненный возможностью выйти на свободу путем признания, минимизация рисков требует от каждого давать показания. Как следствие, оба получают больше наказание, чем могли бы получить в случае взаимного молчания. Приведенная модель является некооперативной и не предусматривает коммуникации между участниками в качестве исходных условий.¹ Поэтому для эгоистической мотивации индивидов с одной стороны, необходима коммуникация, с другой – гарантии соблюдения определенного алгоритма поведения (в нашем случае – гарантии взаимного молчания заключенных). О том, что может выполнять роль подобных гарантий и механизмов их образования, речь пойдет ниже.

В общем, важно отметить, что в игре «дилемма заключенного» каждый участник оказывается в выигрыше, когда выбирает доминантную стратегию, причем независимо от выбора другой стороны. Безотносительно к тому, какой линии поведения будет придерживаться другая сторона, никто из игроков не имеет стимулов менять положение дел, что приводит к малопродуктивным результатам.

Близком является подход М. Олсона, представленный в его работе «Логика коллективного действия». В ней автор подвергает критическому анализу ключевой тезис теории групп о том, что наличие в сообществе групповых целей побуждает ее рациональных членов добровольно способствовать их достижению, даже если удовлетворение целей содействует улучшению индивидуального благосостояния. М. Олсон утверждает: «На самом деле не факт, что идея о действии групп во имя своих собственных интересов логически следует из предпосылки о рациональном и эгоистичном поведении. Она не следует потому, что все индивиды в группе выиграют от достижения общей цели, будут они действовать для достижения этой цели или нет, но если они будут действовать, то, несмотря на всю их рациональность и эгоистичность. В самом деле, до тех пор, пока не существует какого-либо принуждения или группа недостаточно мала, рациональные, своекорыстные индивиды не будут прилагать никаких усилий к достижению общегрупповых целей. Другими словами, даже если все индивиды данной большой группы рациональны, действуют в рамках группы, они все равно не станут добровольно прилагать усилий к достижению этой цели».² Важность аргументации Олсона заключается в том, что он оспаривает предположение о возможности получения групповой выгоды как достаточного основания для коллективного действия, направленного на достижение этой цели. Автор убежден, что «если участники большой группы пытаются максимизировать свое индивидуальное благосостояние, они не станут прилагать усилий для достижения общегрупповых целей до тех пор, пока на них не будет оказано давление или каждому из них не будет предложен индивидуальный мотив к подобному действию, не совпадающий с общим интересом группы, мотив, реализуемый при условии, что члены группы возьмут на себя часть издержек по достижению общей».³

Занимаясь поиском решения соответствующих проблем,

1 Остром Э. Управляя общими: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром: пер. с англ. - М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. с. 27

2 Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп: Пер. с англ. / М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. (Сер. «Экономика»; Т.1.), с. 1

3 Там же, с. 2

исследователи выявили ряд возможностей для оптимального выхода из порочного круга проблем коллективного действия. Практически все существующие рекомендации базируются на интеллектуальном инструментарии нового институционализма. Основные постулаты неoinституционализма во многом перекликаются с ключевыми тезисами неоклассической экономической теории. Однако это не означает, что этот метод интерпретирует все сферы общественной жизни, в том числе политику, по аналогии с экономическим рынком, как утверждают некоторые исследователи.¹ Неoinституционализм – это, прежде всего, общая аналитическая схема изучения связи между индивидами и институтами, объяснение природы их взаимного влияния. Экономизм подхода заключается только в том, что он рассматривает общество через призму рыночной модели, а это далеко не означает рассмотрения политической жизни как сферы обмена специфическими товарами и услугами на основе особых ценовых механизмов (политические программы как товар, избиратели как покупатели и т. д.). Речь идет скорее о рынке как особом пространстве всеобщего обмена между индивидами в процессе социальной коммуникации. При этом предмет обмена не имеет значения, это могут быть как экономические блага, так и политические, социальные, духовные.

Исходным элементом анализа в неoinституционализме выступает не институт, а как раз индивид со своими индивидуальными целями и психологическими, ментальными параметрами. Если бы индивид был полностью рациональным (как это предполагалось в теории рационального выбора),² то есть обладал полной информацией, достаточными возможностями для ее оперативной обработки и принятия решений, можно предположить, что институты в таком случае были бы лишними. Но, очевидно, что модель совершенно рационального экономического человека на практике не подвергается верификации. Более релевантной является модель ограниченной рациональности,³ согласно которой информация, находящаяся в распоряжении индивида, почти всегда неполная и асимметричная, интеллектуальный потенциал – ограничен, а набор предпочтений всегда нестабилен и изменяется во времени.

Как следствие, эффективное достижение целей во взаимодействии с другими людьми становится или невозможным или требует немалых транзакционных издержек, что значительно уменьшает результативность взаимодействия. Возникает необходимость компенсировать эти индивидуальные недостатки путем установления конкретных «правил игры» и санкций за их нарушение, что позволит уменьшить непредсказуемость в поведении других и минимизировать затраты на поиск информации, необходимой для достижения поставленных целей. Такими устоявшимися правилами игры и являются общественные институты. Д. Норт пишет: «Институты - это правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Соответственно, они создают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере и в экономике....Институты уменьшают

1 Бьюкенен Дж. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж., Таллок Г. Соч. Т. 1. - М.: Таурис Альфа, 1997. - 172 с.

2 Coleman, JS Rational Choice Theory: Key Issues in Sociological Theory / JS Coleman, TJ Fararo. - New York: Sage, 1992. - 245 p.

3 Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления / THESIS, 1993, вып. 3. - С. 16-38.

неопределенность, структурируя повседневную жизнь. Они организуют взаимоотношения между людьми так, что когда мы хотим поздороваться с друзьями на улице, поехать на автомобиле, купить апельсины, взять в долг деньги, организовать свой бизнес, похоронить близких и совершить какие-либо другие действия, с которыми сталкиваемся в повседневной жизни, мы знаем (или легко можем научиться), как это сделать».¹

Преодоление всех вышеописанных проблем сводится к поиску тех или иных институциональных решений. Э. Остром отмечает, что типичными рекомендациями в сфере государственной политики, которые призваны решить проблемы из разряда «трагедии общин» или «дилеммы узника», являются патернализм или приватизация.² В первом случае роль гаранта соблюдения индивидами своих обязанностей выполняет третья сторона – государство, институты которого призваны заботиться об общем благе и брать на себя хлопоты по содержанию благ совместного использования. В случае приватизации общие ресурсы для более эффективной эксплуатации предлагается передать в частную собственность, поскольку в таком случае будут четко разделены сферы ответственности, а ресурсы получат те, для кого они представляют наибольшую ценность, что гарантирует эффективный способ их использования. Однако, Остром отмечает, что эти универсальные рецепты во многих случаях демонстрируют полную нежизнеспособность, а потому не могут претендовать на универсальность.³

Вместо того чтобы банально констатировать невозможность достижения рациональных коллективных результатов без государства и рынка, Остром предлагает глубже проанализировать природу коллективного действия и выявить в ней те механизмы, которые мотивируют индивидов на кооперативное поведение и, в конечном итоге, позволяют сообществу достигать эффективных результатов деятельности. Среди таких механизмов Остром указывает на необходимость четкого определения границ институтов, привлечение взаимодействующих сторон к разработке правил, наличие санкций для наказания нарушителей установленных правил и наличие алгоритмов решения конфликтов.⁴

К интересным выводам пришел Р. Аксельрод. В книге «Эволюция кооперации» он исследовал расширение сценария «дилеммы заключенного», которое назвал «повторяющаяся дилемма заключенного». В ней участники раз за разом делают выбор и помнят предыдущие результаты. Для экспериментальной апробации модели Р. Аксельрод устроил международное соревнование компьютерных программ, которые разрабатывались на основе определенных стратегий поведения в условиях «повторяющейся дилеммы заключенного». В результате соревнования выяснилось, что «жадные» программы показывали результаты хуже, чем «альтруистические». Абсолютным победителем турнира стала стратегия «око за око» канадского ученого А. Рапопорта. Первым шагом программы всегда было сотрудничество, после чего она просто копировала действия соперника. Значение подобного эффекта заключается в том, что в долгосрочной перспективе альтруистические стратегии являются более эффективными с точки зрения удовлетворения собственного же интереса.

1 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Норт Д. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. - с.8

2 Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром: пер. с англ. - М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. с.35-43

3 Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности /

Э. Остром: пер. с англ. - М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010, с.30

4 Там же. с.175-199

В повторяющемся взаимодействии выигрывает тот, кто инициирует и, в случае взаимности, поддерживает кооперацию. В то же время само повторяющееся взаимодействие дает возможность для возникновения кооперативного поведения из механизмов, которые изначально имеют эгоистичный характер.¹ Анализируя лучшие результаты, Аксельрод назвал несколько условий, необходимых, чтобы стратегия получила высокий результат. По его мнению, высокий результат стратегии коррелирует с такими ее свойствами как доброта (не предавать, пока этого не сделает оппонент); мстительность (симметрично отвечать на измену соперников, поскольку на альтруистических игроках непременно будут паразитировать «жадные» партнеры); прощение (способность прерывать замкнутый круг взаимной мести, возвращаясь к сотрудничеству, что позволяет выйти из бесконечного предательства); независтливость (не пытаться получить большую выгоду, чем оппонент). Стратегии, основанные на этих принципах, показали лучшие результаты. Это позволило Аксельроду утверждать, что ради собственной пользы рациональные индивиды мотивированы быть добрыми, способными к прощению и независтливыми.²

Что позволило ученому сделать эти выводы? Ведь опыт эксперимента фактически диаметрально противоположен гипотезе классической «дилеммы узника», согласно которой мотивация предавать у сторон всегда выше, чем мотивация сотрудничать. Ответ можно найти в упоминавшейся работе Э. Остром, в которой она отмечает: «Эти модели (дилеммы коллективного действия – А. Р.) опасны в тех случаях, когда они используются в качестве не более чем метафор, заменяющих реальное основание экономической политики, потому, что ограничения, которые для удобства анализа полагаются в них постоянными, принимаются постоянными на веру, как если бы они были постоянными эмпирическими условиями и оставались бы таковыми до тех пор, пока их не изменили бы власти».³ Заключенные классической дилеммы не могут изменять условия, навязанные им прокурорами, они ограничены рамками институтов, что порождает неэффективное взаимодействие. И, если принять эти институциональные ограничения как абсолютные, получить положительный результат будет невозможно. Но Р. Аксельрод изменил некоторые исходные условия игры, что позволило отыскать ключ к постепенному формированию кооперативного поведения. Собственно, такая интенция и отличает неоинституционализм от его предшественника – традиционного институционализма. В отличие от последнего, новый институционализм интерпретирует институты не субстанционально, понимая их в качестве объективных, существующих независимо от конкретных людей надындивидуальных реальностей, а в контексте конструктивизма, закрепляя за индивидами исключительное право трансформировать институциональную структуру общества в соответствие с целями эффективной групповой деятельности. Поэтому важное значение приобретает тезис Остром о необходимости привлечения всех участников сообщества к разработке и установлению институтов – правил игры, которые организуют общежитие индивидов, уменьшая транзакционные издержки в процессе коллективного взаимодействия.

1 Axelrod R. The Evolution of Cooperation / R. Axelrod, WD Hamilton // Science. - 1981. - Vol. Vol. 211. - No. 4489. - P. 1391 // URL: <http://www.personal.umich.edu/~axe/research/Axelrod%20and%20Hamilton%20EC%201981.pdf>

2 Там же V

3 Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром: пер. с англ. - М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. с.31

Это гарантирует легитимность институциональной структуры, а значит, повышает ее стабильность и эффективность. Подобный рецепт лучше работает в локальных условиях, в среде небольших сообществ, которые способны поддерживать высокий уровень институциональной надежности межличностным доверием и тесной сетью непосредственной коммуникации, а не путем поддержки обезличенных абстрактных норм. Таким образом, вывод Э. Остром не совпадает с господствующими в современном мире тенденциями глобализации, корпоратизации и, как следствие, централизации. Более обоснованной с точки зрения эффективности результатов деятельности сообществ является как раз экономическая и управленческая децентрализация власти.

Библиография

1. Бьюкенен Дж. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж., Таллок Г. Соч. Т. 1. - М.: Таурус Альфа, 1997. - 172 с.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Норт Д. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. - 180 с.
3. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп: Пер. с англ. / М. Олсон. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 165 с. (Сер. «Экономика»; Т.1.)
4. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром: пер. с англ. - М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. - 447 с.
5. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления / Г. А. Саймон // THESIS, 1993, вып. 3. - С. 16-38.
6. Axelrod R. The Evolution of Cooperation / R. Axelrod, WD Hamilton // Science. - 1981. - Vol. Vol. 211. - No. 4489. - P. 1390-1396 // URL: <http://www.personal.umich.edu/~axe/research/Axelrod%20and%20Hamilton%20EC%201981.pdf>
7. Coleman J.S., Fararo T.J. Rational Choice Theory: Key Issues in Sociological Theory / J.S. Coleman, T.J. Fararo. - New York: Sage, 1992. - 245 p.
8. Hardin, G. The Tragedy of the Commons / G. Hardin // Science. - 1968. - Vol. 162. - No. 3859. - P. 1243-1248 // URL: <https://www.sciencemag.org/site/feature/misc/webfeat/sotp/pdfs/162-3859-1243.pdf>

References

1. Buchanan J. The Calculus of consent. Logical foundations of constitutional democracy [*Raschet soglasiya. Logicheskie osnovaniya konstitucionnoj demokratii*] // Buchanan J., Tullock G. Soch. T. 1. - М.: Taurus Alpha, 1997. - 172 p.
2. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance [*Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ehkonomiki*] // North D. - М.: Fund of the economic book "Elements", 1997. - 180 p.
3. Olson M. The logic of collective action: Public goods and group theory: [*Logika kollektivnyh dejstvij: Obshchestvennye blaga i teoriya grupp*] Per. with English. M. Olson. Moscow: Foundation for Economic Initiatives, 1995. 165 p. ("Economy", T.1.)
4. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action [*Logika kollektivnyh dejstvij: Obshchestvennye blaga i teoriya grupp*] // E. Ostrom: per. with English. - Moscow: IRISEN, Thought, 2010. - 447 p.
5. Simon G.A. Rationality as a process and a product of thinking. // G. A. Simon [*Racional'nost' kak process i produkt myshleniya*] / THESIS, 1993, no. 3. - P. 16-38. URL: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf.
6. Axelrod R. The Evolution of Cooperation R. Axelrod, WD Hamilton // Science. - 1981. - Vol. Vol. 211. - No. 4489. - P. 1390-1396 // URL: <http://www.personal.umich.edu/~axe/research/Axelrod%20and%20Hamilton%20EC%201981.pdf>
7. Coleman J.S., Fararo T.J. Rational Choice Theory: Key Issues in Sociological Theory / J.S. Coleman, T.J. Fararo. - New York: Sage, 1992. - 245 p.
8. Hardin, G. The Tragedy of the Commons / G. Hardin // Science. - 1968. - Vol. 162. - No. 3859. - P. 1243-1248 // URL: <https://www.sciencemag.org/site/feature/misc/webfeat/sotp/pdfs/162-3859-1243.pdf>

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ REGIONAL SOCIOLOGY

КРЕКОТНЕВ

Сергей Николаевич кандидат политических наук, член Научно-консультативного совета Общественной палаты Российской Федерации, Москва, Россия
mrppsd@yandex.ru.

KREKOTNEV

Sergey Nikolaevich candidate of political sciences, member of Scientific-consultative council of Public chamber of Russian Federation, Moscow, Russia
mrppsd@yandex.ru.

Актуальные аспекты политики современного государства в отношении городов и регионов с моноспециализацией/ Actual aspects of the policy of the modern state towards cities and regions with monospecialties

Аннотация

В статье предпринимается попытка выделить адекватные современным реалиям приоритеты, принципы и механизмы такого комплексного направления государственной политики, как политика в отношении городов и регионов с моноспециализацией. Автор обращает внимание на необходимости учета всего комплекса факторов и обстоятельств – глобальных, общенациональных, собственно региональных (муниципальных), в той или иной мере оказывающих влияние на текущее состояние и дальнейшее развитие городов и регионов с моноспециализацией. Именно из этих предпосылок, как доказывается в статье, необходимо исходить, выбирая ту или иную концептуальную модель государственной политики в отношении данных пространственных образований.

Ключевые слова

Моноспециализация; моногорода; монопрофильные территории; государственная политика; региональное развитие; зарубежный опыт и Россия.

Abstract

The article attempts to identify adequate to modern realities the priorities, principles and mechanisms of such complex areas of public policy, as the policy towards cities and regions with monospecialties. The author draws attention to the necessity of taking into account the whole complex of factors – global, national, precisely regional (municipal), in one way or another influencing the current state and further development of cities and regions with monospecialties. From these assumptions, as proved in the article, it is necessary to proceed, by choosing a particular conceptual model of public policy in relation to these spatial entities.

Keywords

Monospecialty; company towns; single-industry areas; public policy; regional development; foreign experience and Russia.

Реалии продолжающегося последнее десятилетие глобального финансово-экономического кризиса обострили целый ряд имевшихся ранее и вызвали к жизни новые проблемы, многие из которых так или иначе связаны с обеспечением роста национальных экономик и повышением устойчивости их функционирования в крайне непростых условиях. При этом во главу угла все чаще ставятся вопросы оптимального размещения производительных сил на территории страны, рационального использования имеющихся ресурсов – природно-сырьевых, материальных, финансовых, интеллектуальных, трудовых и т.д., а также эффективного управления пространственным развитием, что делает актуальным формирование и реализацию адекватной современным условиям государственной политики. Последняя, имея множество направлений и областей, а также субъектов и объектов административно-управленческого воздействия, которые постоянно видоизменяются количественно и качественно, является неотъемлемым и при этом весьма масштабным, комплексным и динамичным элементом предметного поля политической науки. Занимая в нем особое место, государственная политика как социальный феномен на каждом этапе своей эволюции, траектории которой обнаруживают тесные взаимосвязи с явлениями, процессами, тенденциями и т.д., имманентными миру политическому в целом, демонстрирует все новые измерения, приоритеты и сферы, к числу которых относятся и весьма специфические, хотя характерные для многих стран мира пространственные образования – города и регионы с моноспециализацией.

Возникшие, как правило, целенаправленно на базе или вблизи созданного ранее одного предприятия (такого, в частности, как шахта, металлургический завод, научно-исследовательское или опытно-конструкторское учреждение и пр.) или ориентированные на единственную отрасль хозяйственной деятельности, чаще всего узкоспецифичную (например, оборона, государственная безопасность, освоение космического пространства и т.д.), монопоселения, как правило, осуществляют производство уникальных товаров и услуг и всецело зависят от него. В условиях относительной экономической стабильности такого рода пространственные образования являются формой организации и размещения производительных сил, которая позволяет получать определенные преимущества от концентрации в рамках одной административно-территориальной единицы ресурсов, мощностей, рабочей силы и т.д. для реализации жизненно важных интересов и приоритетов общества и государства.

Однако, в условиях экономических потрясений – и текущий кризис являет собой одно из наиболее серьезных из них – города и регионы с моноспециализацией оказываются в наиболее уязвимом положении, поскольку устойчивое функционирование градообразующего предприятия или регионообразующей отрасли хозяйства оказывается под угрозой, а тем самым затрагивает все сферы жизни монопоселения. Иными словами, из фактора конкурентного преимущества монопрофильность населенных пунктов становится серьезной проблемой, причем не только локального и регионального, но и общегосударственного масштаба, а потому ее решение становится возможным в полной мере и максимально эффективно лишь при непосредственном участии наделенных соответствующей компетенцией органов власти и управления, при проведении системной и целенаправленной государственной политики¹.

1 См.: Крекотнев С.Н. Развитие городов с моноспециализацией как национальный

Для современной России именно глубоко продуманная, системная и активная государственная политика, имеющая своей целью поступательное развитие регионов и отдельных территорий страны, нацеленная на модернизацию национальной экономики и переход к инновационным формам хозяйствования, импортозамещению и производству конкурентоспособной отечественной продукции, является обязательной и решающей предпосылкой не только преодоления последствий современного кризиса, но и достижения качественно нового уровня основных сфер общественной жизни в XXI в. Только в этом случае Россия сумеет не просто сохранить положение важного политического и экономического субъекта на международной арене, но и занять более достойное место в системе мирового разделения труда, упрочить свои позиции в условиях постоянно ужесточающейся глобальной конкуренции, получить в полной мере преимущества нового технологического уклада.

Однако движение к устойчивому росту национальной экономики и стабильному развитию страны делает необходимым преодоление целого ряда препятствий, наиболее существенные из которых связаны в том числе с неравномерностью условий и результатов пространственного развития отдельных ее частей, включая наличие специфических по своей структуре территорий и проблемных зон. В числе последних, особое место как раз и занимают города и регионы с моноспециализацией.

В целом, генезис и эволюция монопоселений в ведущих зарубежных странах и России обнаруживают как общие, так и специфические, характерные для конкретных национально-исторических условий черты. Их учет становится необходимым при разработке теоретико-концептуальных моделей политики государства в отношении данного типа пространственных образований, а также при определении возможностей и пределов использования зарубежного опыта формирования и реализации данной политики в отечественных условиях. Среди научного и экспертного сообщества, а также лиц, принимающих политические решения, – как в нашей стране, так и за рубежом – весьма остро встает вопрос о выделении критериев эффективности и результативности той или иной практической модели государственного курса в отношении городов и регионов с моноспециализацией, равно как и о том, что следует считать конечной целью этого курса: коренную модернизацию или перепрофилирование производства, диверсификацию местной экономики и превращение поселения из монопрофильного в многофункциональное; сохранение существующего монопроизводства, повышение его конкурентоспособности, в том числе посредством активного внедрения инноваций; демонтаж производственной базы, закрытие предприятия и переселение жителей в другие города и регионы.

При всей кажущейся, на первый взгляд, определенности целей и задач современной российской политики пространственного развития, включая города и регионы с моноспециализацией¹, вместе с тем, более глубокое погружение в проблематику обнаруживает весьма сложные вопросы, ре-

---

приоритет и направление государственной политики // Вестник Российской нации. 2014. № 4. С. 165–174; Крекотнев С.Н. Функции городов и регионов с моноспециализацией в рамках государственной политики // Вестник Российской нации. 2015. № 3. С. 186–195.

¹ Федякин А.В., Федякин И.В. Сбалансированное и устойчивое развитие регионов – стратегический курс российского государства // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2017. № 2. С. 44–58.

шение которых требует комплексного подхода, учитывающего всю совокупность имеющихся факторов, текущих и перспективных обстоятельств, актуальных и потенциальных возможностей, явных и скрытых вызовов и т.д.

Так, не вызывает сомнений целесообразность следования принципу экономической эффективности, в соответствии с которым, технологически отсталые производства проще закрыть, оборудование – демонтировать, устаревшие цеха – снести, а расположенные вблизи населенные пункты – переселить. Однако принимающим политические решения властным структурам и уполномоченным лицам необходимо помнить, что монопоселение – это не только совокупность жилых домов, зданий и сооружений коммунально-бытового, социального и т.п. назначения, транспортной, хозяйственной и т.д. инфраструктуры. Это прежде всего люди, причем нередко старшего возраста, многие из которых отдали всю свою жизнь работе на градообразующем предприятии, экономически, социально и психологически «привязаны» к своему магазину, поликлинике, соседям, а потому могут просто не пережить переселение в незнакомое им место. Иными словами, гуманитарное измерение не должно становиться периферийным в определении основных приоритетов, принципов, направлений и т.д. государственной политики в отношении монопоселений.

Или, например, не является дискуссионным принцип равномерного размещения производительных сил на территории страны. Однако он требует определенной адаптации к конкретным условиям, к существующей специфике пространственно-географического положения, когда такое обстоятельство, как малочисленность населения в отдельной части национальной территории, делает контрпродуктивным и просто невозможным размещение в ней производств, тем более конкурентоспособных, основанных, в том числе на инновациях. Если же малонаселенные территории страны являются приграничными (как например, российский Дальний Восток), то есть все основания задуматься о создании предпосылок и условий для подключения их к соответствующим сегментам глобального рынка – промышленному, продовольственному, энергетическому, транспортным услугам и т.п. Другими словами, равномерность размещения не должна отождествляться с всеохватностью, тем более, если речь идет о государствах с большой площадью национальной территории, ее сложной структурой, пространственной конфигурацией и т.д.

При всем этом, какими бы ни были приоритеты государства в отношении монопоселений, а также в какой бы редакции ни принимались и ни фиксировались конечные цели проводимого им политического курса, равно как и ожидаемые результаты развития данных пространственных образований, ни в коем случае не должна оказаться за рамками стратегий, планов, конкретных программ и т.д. экологическая составляющая данного направления политики. Модернизация существующих производств и диверсификация экономики монопоселений не возможны без повышения эффективности природоохранных мер, санации и регенерации подвергавшихся на протяжении целого ряда лет (а нередко – многих десятилетий) загрязнению территорий. Большое количество моногородов вследствие довольно продолжительного использования грязных технологий и весьма пренебрежительного отношения к природе превратились в зону экологического бедствия, а потому восстановление

окружающей среды, достижение ее безопасного и комфортного для жизнедеятельности уровня должно занять одно из главных мест в повестке дня проводимых политических мероприятий.

Словом, это только некоторые вопросы, решение которых объективно необходимо в процессе выбора соответствующей концептуальной модели и практического инструментария государственной политики в отношении городов и регионов с моноспециализацией, а также ее воплощения в жизнь.

Важными эти и многие другие смежные вопросы являются для современной России. Как уже не раз отмечалось различными исследователями¹, возникновение и развитие монопоселений в нашей стране было вызвано необходимостью создания конкретного производства в определенный исторический период, которая, в свою очередь, была обусловлена внутри- и/или внешнеполитическими причинами и обстоятельствами. При этом, в отличие от зарубежных аналогов, отечественные моноспециализированные населенные пункты в подавляющем большинстве своем создавались по инициативе и при непосредственном участии государства, реализовывавшего приоритеты своей политики в той или иной сфере экономики, иных областях общественного и приватизацией, открытием страны для внешней конкуренции. Фактический отказ государства от проведения системной и целенаправленной политики в отношении данных пространственных образований привел их на грань выживания: градообразующие предприятия значительно сокращали выпуск продукции или вовсе останавливали производство, основные фонды стремительно устаревали, заработная плата резко падала, а безработица – наоборот росла. В начале 2000-х гг. возобладавшей в государственной деятельности практикой стали попытки решить проблему моногородов посредством разовых финансовых «вливаний» и «ручного» управления, однако позднее стало ясно, что одним лишь адресным воздействием на «очаги» кризиса проблемы российских монопоселений не решить.

Сегодня, как никогда, очевидно, что города и регионы с моноспециализацией являются неотъемлемой частью национальной экономики и политического пространства, а потому от определения их места и роли в современной жизни российского общества и государства, от постановки стратегических приоритетов, обозначения магистральных направлений и конкретных задач их развития зависит не только будущее этих образований, но и страны в целом. Соответственно, формирование и реализация государством глубоко продуманного, взвешенного, обеспеченного необходимыми ресурсами и ориентированного на

1 Федякин И.В. Политика формирования и развития городов и мегаполисов в дореволюционной России: особенности отечественной традиции // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2014. № 4. С. 102-104.

2 Федякин А.В. Федеративные отношения, национальная и региональная политика государства в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994–1999 гг. // Вестник Российской нации. 2016. № 2. С. 12-61.

долгосрочную перспективу политического курса в отношении городов и регионов с моноспециализацией становятся одним из важнейших пунктов политической повестки. При этом данный политический курс, в отличие от практики дореволюционного и советского периодов отечественной истории, должен в значительной степени опираться на поддержку широкого круга социальных субъектов, включая региональные администрации, предпринимательские структуры, органы местного самоуправления, общественные организации, отдельных инициативных граждан, учитывать их интересы и потребности. Лишь в этом случае политика государства в отношении моноспециализированных поселений будет не только эффективно отвечать современным вызовам, но и упреждать их, ориентироваться на решение таких стратегически значимых задач, как переход к модели устойчивого развития национального хозяйства в целом и данных пространственных образований в частности, на формирование в них и на их базе конкурентоспособных отраслей региональной и общенациональной экономики, основанной на активном внедрении инноваций, уверенном вхождении в новый технологический уклад при утверждении доминирующей роли отечественного производителя.

Библиография

1. Крекотнев С.Н. Развитие городов с моноспециализацией как национальный приоритет и направление государственной политики // Вестник Российской нации. 2014. № 4. С. 165-174.
2. Крекотнев С.Н. Функции городов и регионов с моноспециализацией в рамках государственной политики // Вестник Российской нации. 2015. № 3. С. 186-195.
3. Федякин А.В., Федякин И.В. Сбалансированное и устойчивое развитие регионов – стратегический курс российского государства // ПООИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2017. № 2. С. 44-58.
4. Федякин А.В. Федеративные отношения, национальная и региональная политика государства в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994–1999 гг. // Вестник Российской нации. 2016. № С. 12-61.
5. Федякин И.В. Политика формирования и развития городов и мегаполисов в дореволюционной России: особенности отечественной традиции // ПООИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2014. № 4. С. 102-104.

References

1. Krekotnev S.N. The development of towns with monospecialty as national priority and direction of state policy [*Razvitiye gorodov s monospecializatsiey kak natsionalnyy prioritet i napravlenie gosudarstvennoy politiki*] // Bulletin of Russian nation. 2014. No. 4. P. 165-174.
2. Krekotnev S.N. Functions of cities and regions with monospecialties in frames of state policy [*Funktsii gorodov i regionov s monospecializatsiey v ramkakh gosudarstvennoy politiki*] // Bulletin of Russian nation. 2015. No. 3. P. 186-195.
3. Fedyakin A.V., Fedyakin I.V. Balanced and sustainable development of the regions – a strategic course of the Russian state [*Sbalansirovannoye i ustoychivoe razvitie regionov – strategicheskii kurs Rossiyskogo gosudarstva*] // SEARCH. Social science. Art. Sociology. Culture: scientific, social and cultural magazine. 2017. No. 2. P. 44-58.
4. Fedyakin A.V. Federal relations, national and regional policy of state in the Addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly 1994-1999 [*Federativnye otnosheniya, natsional'naya i regional'naya politika gosudarstva v poslaniyakh Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu 1994–1999 gg.*] // Bulletin of the Russian nation. 2016. No. P. 12-61.
5. Fedyakin I.V. The policy of formation and development of towns and cities in pre-revolutionary Russia: peculiarities of the national traditions [*Politika formirovaniya i razvitiya gorodov i megapolisov v dorevolyutsionnoy Rossii: osobennosti otechestvennoy traditsii*] // SEARCH: Policy. Social science. Art. Sociology. Culture: scientific, social and cultural magazine. 2014. No. 4. P. 102-104.

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ CULTURAL MEANINGS

ВОРОПАЕВА

Ася Васильевна

*кандидат философских наук,
старший научный сотрудник*

*Института социологии ФНИСЦ
РАН, Москва, Россия*

voropaeva@isras.ru

VOROPAeva

Asya Vasilievna

*Candidate of Philosophy, Senior
Researcher*

*Institute of Sociology FNISTS RAS,
Moscow, Russia*

voropaeva@isras.ru

Основные факторы адаптации мигрантов в инокультурной среде/The Basic factors of adaptation of migrants in transcultural environment

Аннотация

Миграция охватывает все сферы жизни общества, привнося изменения в общественные структуры и изменяя жизнь отдельной личности. В этом процессе важны практики и стратегии адаптации мигрантов, основные факторы социальной адаптации. В равной степени определяющим является как выстраивание стратегии адаптации самих мигрантов, так и признание различий и уважения к культуре и традициям приезжих местного населения. Адаптацию невозможно рассматривать как однозначно позитивный процесс.

Ключевые слова

Адаптация; интеграция; практики и стратегии; культура; конфликтность.

Abstract

The migration covers all aspects of society, bringing changes in social structure and changing the life of the individual. In this process, an important practice and adaptation strategies of migrants, basic factors of social adaptation. Equally decisive is how the alignment of adaptation strategies of migrants and the recognition of differences and respect for the culture and traditions of immigrants to the local population. Adaptation cannot be seen as unequivocally positive process.

Keywords

Adaptation; integration; practices and policies; culture; conflict

Россия, как и все европейские страны, столкнулась с мощным миграционным потоком, что явилось серьезной причиной изменений в экономической, социальной и культурной сферах. Новая ситуация, с появлением массовых переселенцев и беженцев, легальных и нелегальных трудовых мигрантов, нуждается в системном подходе к миграционному процессу, требующему тщательного изучения проблемы адаптации мигрантов в кризисном российском обществе.

Миграция охватывает все сферы жизни общества, привнося изменения

в общественные структуры и изменяя жизнь отдельной личности. В советское время переселялись в большие города, как правило, те, кто не мог в полной мере реализовать на родине свой профессиональный потенциал, получить хорошо оплачиваемую работу, а также желаемое образование. Вместе с тем, они привнесли в жизнь городов свой национальный колорит, обогащая и себя другой культурой. Сейчас российские города пополняют, в основном, самые бедные переселенцы со своими жизненными устоями, нравами и обычаями. У новых мигрантов отсутствуют не только достаточные для социализации знания об основах российского законодательства, но и элементарные знания о культуре и истории России, о традициях и нормах поведения в быту. Кроме того, они слабо владеют русским языком, а многие не владеют им вообще, что затрудняет процесс интеграции в российское общество. Средой их общения в России становятся все те же мигранты, диаспоры и землячества. Они не хотят принимать существующую культуру, нормы общежития и поведения, а их дети сохраняют те же поведенческие стереотипы. В семьях мигрантов проблемы еще более обостряются тем, что они не только не имеют необходимых материальных возможностей для проживания со всей семьей на новом месте, но из-за отсутствия заработка просто не могут прокормить детей. Семья превращается в источник неблагополучия. Эта ситуация заставляет родителей оставлять своих детей на родине, а самим заниматься поиском заработка в других странах.

Адаптация. Главными для трудовой миграции в решении переселения на новое место представляются проблемы адаптации и интеграции, поэтому в этом процессе важны практики и стратегии адаптации мигрантов, влияние предыдущей его жизни на взаимодействие с новой средой. Если данные принципы являются определяющими в выстраивании стратегии адаптации для мигрантов, то для местного населения должны стать принципы признания различий и уважения к культуре приезжих.

Не учитывать сейчас процессы деинтеграции мигрантов нельзя, что может привести к острой этнокультурной напряженности, связанной, прежде всего, с молодыми мигрантами. Для этого необходим социальный порядок, «в котором наличествуют такие компоненты, как ценности, инструменты социальной регуляции, социокультурной адаптации, коммуникативные средства»¹.

Среди основных факторов, оказывающих заметное влияние на социальную адаптацию вынужденных мигрантов, есть объективные, которые характеризуют регионы выезда и въезда, социальные признаки, кризисное состояние общества, и субъективные, связанные с характеристиками переселенцев, социальным и финансовым положением или зависящими от них причинами. В установлении адекватных отношений в системе «мигрант-среда» значимую роль играет психологическая адаптация. Определяя социально-психологическую адаптацию личности, социологическая наука характеризует этот процесс как оптимизацию взаимоотношений личности и общественной среды, сближение их общих целей, ценностных ориентаций, усвоение личностью норм и традиций окружающей среды, вхождение в ее структуру². Определение позволяет выявить факторы адаптационного процесса, которые оказывают

1 Маршак А.А. Социология культурно-духовной сферы. М., Изд-во гуманитарной литературы. 2007. С. 339.

2 Юдин Б.Г. Адаптация // Социологическая энциклопедия. М., 2003. С. 16.

различное влияние на мигранта – это социальные, социокультурные, коммуникативные и экономические.

Рассмотрим сначала наиболее общую классификацию разновидностей адаптации личности. Ее можно представить следующим образом: нормальная адаптация, девиантная и патологическая адаптация¹. Нормальным можно назвать такой адаптивный процесс, который приводит личность к устойчивости в типичных проблемных ситуациях и, одновременно, без нарушений норм среды проживания. Девиантными, или отклоняющимися, – те процессы адаптации, которые обеспечивают удовлетворение потребностей личности в данной группе или социальной среде, в то время как остальные участники социального процесса не оправдывают такое поведение. Патологическая адаптация полностью или частично осуществляется с помощью не адекватных форм поведения и приводит к образованию патологических комплексов характера. Исходя из представленной классификации, можно дать следующее определение адаптации: социальная адаптация – это приспособление личности или социальной группы к общественной среде, в процессе которого согласовываются требования и желание участвующих в нем субъектов.

Но и та, и другая стороны («мигрант–среда») часто лишены умения взаимодействия. Этнические мигранты опираются на свои землячества, диаспоры, цель которых не взаимное обогащение культур, а их параллельное существование. Но мигранты и коренное население существуют в одной среде, пользуются услугами тех же государственных и общественных учреждений, получают образование в тех же образовательных структурах, а также происходит их взаимодействие на бытовом уровне. Зачастую процессу общения мешают представления принимающей стороны о миграции как угрозе.

Для местного населения взаимодействие с мигрантами происходит в разных сферах деятельности, которые и являются определяющими факторами межкультурного взаимодействия. Мигрант не может проявить себя как личность, пока он не освоил действующие нормы и ценности, не овладел приемами и средствами деятельности. Только через деятельное участие проявляется культура общения с другими людьми. Поэтому изначально предполагается, прежде всего, социально-культурная адаптация мигранта, выражающаяся в формировании культуры межнационального общения, что является показателем цивилизованности общества. Данные принципы в равной степени являются определяющими и в выстраивании стратегии адаптации для самих мигрантов и в признании различий и уважения к культуре и традициям приезжих местного населения. Рассматривая обе стороны, необходимо понимать не только тех, которые оказались в трагической роли переселенца, но и ту сторону, которая принимает этих людей, сталкиваясь с множеством проблем.

В адаптационном процессе немалую роль играют личностные особенности мигранта, сформировавшиеся на предшествующих этапах жизни. Важным является умение контактировать с другими людьми, владение необходимыми навыками общения, способность воспринимать позицию коренного населения. Как правило, в основе возникающих у мигрантов негативных эмоций лежит его собственный внутренний

1 См.: Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности. Ереван, 1988. С. 112.

конфликт, выраженный в столкновении потребностей и интересов, потере ориентиров, что вызывает дезадаптацию. Отсутствие социальной адаптация зачастую показывает состояние растерянности, страха.

Если с помощью прежних поведенческих стереотипов мигрант не может достигнуть желаемых целей, то ситуация ведет адаптанта к освоению ценностей и норм новой социокультурной объективности, что в результате приводит к пониманию значимых для него объективных факторов. В этом процессе новая среда определяет для адаптанта социальные роли и новые стереотипы поведения. Эта интеграционная стратегия необходима для успешной и эффективной деятельности мигранта в новой среде. Так осуществляется перевод внешних запретов, требований и символов во внутренний мир адаптанта, т.е. интернализация¹.

Диаспоры и землячества. Как уже отмечено, адаптационный процесс строится с учетом потребностей и интересов мигранта. Однако интересы, как явления общественной жизни, обладают такими свойствами, которые осознанно или принудительно заставляют людей объединяться, осуществляя те или иные действия, прочные стереотипы которых закрепляются в дальнейшем в сознании в виде межличностных установок. Стереотипы влияют и на поведение молодых мигрантов, их мотивацию, работают в формальных и неформальных формах общения.

В результате миграционного потока в России появились, кроме уже исторически сложившихся, новые этнические группы. В 2016 году, по данным ФМС, на территории России зарегистрировано 11 миллионов иностранных граждан. Эти общности представителей различных народов проживают в разных российских регионах. Одни диаспоры увеличились (армяне, азербайджанцы, киргизы, узбеки, таджики), а другие (литовцы, украинцы, эстонцы и др.) значительно уменьшились.²

В качестве структур коммуникации в России выступают диаспоральные сообщества мигрантов. Интересные результаты экспертного опроса представлены исследователями по различным аспектам жизнедеятельности мигрантов в диаспорных и земляческих сообществах на примере Тюменского региона, ХМАО и ЯНАО (41 экспертное интервью), Нижегородской области (37), Краснодарского края и Республики Адыгея (30) и дополнительно экспертов федерального уровня из Москвы и Ростова-на-Дону (12)³. Эксперты, оценивая факторы, влияющие на межнациональные отношения в РФ и в ее регионах, на первое место ставят экономические проблемы (производство, занятость, доходы, коррупция и т.д.) (45% опрошенных), а на второе место – внутривластные факторы (традиции культуры, религии, этнические стереотипы и т.д.) (22% опрошенных). Наиболее острые проблемы, если говорить о социальной напряженности и конфликтных ситуациях в отношениях диаспор и землячеств во взаимодействии с принимающим населением РФ, эксперты связывают с культурой, а именно, несоблюдение норм культуры принимающего общества, навязывание ему своих норм, незнание норм общества, в котором он сейчас живет и

1 Корель Л.В. Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. С. 290.

2 Воронов В.В., Дмитриев А.В. Региональные проблемы диаспорно-земляческих сообществ: экспертное измерение. М., Новый хронограф, 2016. С. 4.

3 Воронов В.В., Дмитриев А.В. Региональные проблемы диаспорно-земляческих сообществ: экспертное измерение. М., Новый хронограф, 2016. С. 12.

т.д. Появление непривычных поведенческих стереотипов, в свою очередь, вызывает острую негативную реакцию у большинства населения.

Рост нетерпимости, обострение межнациональных отношений, проблемы мигрантов и беженцев имеют тенденцию к увеличению. Обострение неприязни коренных жителей к «понаехавшим», объясняется терактами, экстремизмом, социально-политической ситуацией в стране в целом. Кроме того, местное население в регионах воспринимает этнические группы как конкурентов на рынке труда, возникают проблемы в религиозной сфере. Наблюдается проявление интолерантности к чуждой культуре, ценностям, нравам во вседозволенности среди молодежи. Именно молодежь часто рассматривается как нестабильная и потенциально конфликтная категория.

Важным структурным элементом интеграции мигрантов является средство массовой информации, его информационное воздействие. Демонстрируемые по телевидению зарубежные программы и фильмы психологически разрушают молодежь, в том числе и молодых мигрантов. Телевидение нередко дает не совсем объективную информацию о позиции людей по острым межнациональным проблемам. Чаще всего негативный образ формируется по этническим и культурным признакам. На второй план отходит само событие, согласно которому существует определенный человек, нарушивший правовые нормы и совершивший преступление.

Эксперты исследования отметили, что СМИ, кроме негативных сторон, должны говорить и о положительной стороне пребывания мигрантов как о мощном трудовом ресурсе. От СМИ существенно зависит характер показа этнических мигрантов, их проблем, взаимодействия с местным населением. В первую очередь, по определению экспертов, это касается федеральных СМИ¹. Социальная политика, образовательные и культурные программы и правовое регулирование всех мероприятий – это комплекс государственных мер, позволяющий мигрантам адаптироваться к новой общественной среде.

Возникшая в российском обществе интолерантность – это не следствие столкновения различных культур, а полученные результаты кризиса внедряемой системы, которая разрушила социальные устои и предоставляет обществу идеологическую и политическую неразбериху. Необходимость воспитания культуры толерантности будет сталкиваться с теми препятствиями, которые стоят на пути реформируемого российского общества. Тот ущерб, который нанесен за последние десятилетия нашей стране и приведший все общество к моральной деградации, к криминализации сверху донизу, невозможно компенсировать культурой толерантности на любой стадии его внедрения в воспитательный процесс. В этом – одна из главных проблем морального кризиса всего общества.

Интеграция. Важными препятствиями полноценной интеграции мигранта, диаспорно-земляческих этнических групп в Российской Федерации, а также в отдельных регионах, эксперты социологического исследования назвали следующие:

- недостаточное знание русского языка,
- отсутствие желания интеграции,
- неприятие их местным сообществом,
- проблемы культурной дистанции,

1 Там же. С. 88.

– бюрократия и коррупция местных чиновников.

Если же у мигрантов отсутствует ориентация на интеграцию, то к этому приводит одна из главных причин – несовершенство законодательства и коррупция органов власти в стране и в регионах¹. Это – самая важная проблема. Мигранты прибывают в Россию работать, обеспечивать свою семью, но они часто сталкиваются с нарушением законодательства со стороны работодателей. В этом случае развивается процесс анклавизации, сегрегации, когда компактное проживание отдельных этнических общностей влечет за собой различные негативные последствия.

Если же происходит успешная интеграция мигрантов, то этот процесс позволяет выделить ряд факторов. Во-первых, социально-психологическая адаптация мигранта на требования новой социальной среды, а также изменения самой социальной среды. Во-вторых, экономический фактор (достаточный заработок); в-третьих, коммуникативный (реализация потребностей человека в общении); в-четвертых, когнитивный фактор (образование, квалификация и т.д.). Адаптация мигранта к новым условиям также включает и трудности этого процесса: правовые (несовершенная законодательная база), социально-экономические (трудоустройство, жилье) и социально-психологические (кризис идентичности, ощущение утраты, стресс и т.д.). Поэтому можно сделать вывод, что проблема интеграции гораздо шире, она связана с проблемами страны. Нужна единая система, единый механизм, взаимодействие различных государственных институтов, чтобы не возникало противоречий и конфликтов. При применении системного подхода ведущими элементами, особенно для молодых мигрантов, являются образовательные программы, методы обучения, информационные средства и т.д., показывающие те сложившиеся общественные отношения, где происходит интеграция мигранта.

Выше сказанное далеко не исчерпывает все многообразие сущности социально-культурной адаптации. Существует множество факторов, потенциально влияющих на характер взаимодействия мигранта и принимающего сообщества. Выявление того, какой именно фактор, влияющий на характер взаимодействия мигранта и принимающего сообщества, актуален в данной среде, является одной из важнейших задач исследователей этих процессов. Понятно, чем меньше культурная дистанция между принимающим и обществом выезда мигранта, тем легче проходит процесс адаптации и тем вероятнее, что мигрант быстрее интегрируется в социальную, культурную, экономическую и другие сферы жизни. Тем не менее, эта проблема в упомянутых регионах исследования воспринимается экспертами многоуровневой и многоаспектной, не поддающейся однозначному решению.

Идентичность диаспор/землячеств в России, а также в ее регионах, характеризуется этническим происхождением и родным языком, но вместе с тем эксперты отмечают, что этническими группами все же принимается русская социокультурная идентичность. Необходимость в идентичности вызвана тем, что каждый человек нуждается в упорядоченности своей жизнедеятельности, которую он может получить только в сообществе других людей. Носителями же конфликтогенности в социокультурном пространстве, по мнению экспертов, являются вновь прибывшие мигранты в отличие от «старых» диаспор и землячеств².

1 Воронов В.В., Дмитриев А.В. Региональные проблемы диаспорно-земляческих сообществ: экспертное измерение. М., Новый Хронограф. 2016. С. 83, 85.

2 Там же. С. 109.

Нелегальная миграция. По степени общественной опасности нелегальная миграция выходит на одно из первых мест среди новых вызовов и угроз. В Российской Федерации находится от 8 до 10 млн. нелегальных мигрантов, что порождает и социальную напряженность, и нарушение прав самих мигрантов. В РФ постоянно более 90 суток находятся 3,4 млн. человек, не оформившие свои документы, дающие им право на пребывание в нашей стране¹. Одни попадают в руки работодателя, который их использует как самую дешевую рабочую силу, другие рассматривают Россию в качестве транзитного пункта и пытаются любыми способами выехать в развитые капиталистические страны. Незаконная миграция является источником пополнения рядов этнических преступных группировок, специализирующихся на контрабанде наркотиков, незаконном обороте оружия, торговле людьми, организации нелегальной миграции. Согласно соглашениям с разными странами о реадмиссии нелегальный мигрант может быть депортирован.

Но есть среди них желающие получить статус беженца, политическое убежище и обосноваться именно в России. Для работы с ними требуется большое число специалистов со знанием редких языков, работа которых оценивается десятками миллионов рублей за одну семью. Затраты на адаптацию и размещение этих лиц, согласно действующему законодательству и конвенции ООН, целиком должны осуществляться за счет средств федерального бюджета, что в настоящей экономической ситуации является тяжелой финансовой нагрузкой для Российской Федерации.

Заключение. Адаптацию невозможно рассматривать как однозначно позитивный процесс, напротив, она включает все возможные варианты взаимодействия: от ситуации, когда мигранты вполне успешно приспосабливаются к новым условиям, до ситуации, когда они оказываются неспособны найти для себя место в новом обществе.

Сближение культур, взаимодействие и взаимопроникновение культур, возникающие противоречия – это свободный, естественноисторический процесс, который исключает подчинение одних культур другим, но которое создает предпосылки формирования ценностей общенациональной культуры.

Активизация культурного диалога между трудовыми мигрантами и коренным населением, взаимное понимание, усвоение мигрантами базовых ценностей, норм поведения в новой социокультурной среде, адаптация социальных институтов к запросам и потребностям мигрантов – это и есть условия успешной стратегии интеграции. Приведенный социологический опрос экспертов, их ряд высказываний и выводов, использованные в данной статье, а также рассуждения автора, позволяют надеяться, что многоаспектность проблемы социальной адаптации мигрантов станет необходимой информацией для федеральных и региональных управленческих структур.

Библиография

1. Юдин Б.Г. Адаптация // Социологическая энциклопедия. М., 2003. С. 16.
2. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности. Ереван, 1988.

¹ Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. // URL: https://xn-plai/upload/site1/document_news/009/359/228/stat_2016.pdf.

3. Корель Л.В. Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. С. 290.
4. Маршак А.А. Социология культурно-духовной сферы. М., Изд-во гуманитарной литературы, 2007. С. 339.
5. Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // ж. Социологическая наука и социальная практика. № 1. 2015. С. 16-29.
6. Воронов В.В., Дмитриев А.В. Региональные проблемы диаспорно-земляческих сообществ: экспертное измерение. М., Новый хронограф, 2016. С. 4.
7. Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. // URL: https://xn-plai/upload/site1/document_news/009/359/228/stat_2016.pdf.

References

1. Yudin B.G. Adaptation [Adaptaciya]// Sociological Encyclopedia. M., 2003. P. 16.
2. Nalchadzhyan AA Socio-psychological adaptation of personality [Social'no-psihologicheskaya adaptaciya lichnosti] Yerevan, 1988.
3. Korel L.V. Sociology of adaptations. Questions of theory, methodology and methodology [Sociologiya adaptacij. Voprosy teorii, metodologii i metodiki]. Novosibirsk: Science, 2005. S. 290.
4. Marshak AA Sociology of the cultural and spiritual sphere [Sociologiya kul'turno-duhovnoj sfery] M., Publishing house of humanitarian literature. 2007. P. 339.
5. Dmitriev A.V. Conflictogenicity of migration: theoretical and practical problems [Konfliktogennost' migracii: teoreticheskie i prakticheskie problem]. Sociological science and social practice. No. 1. 2015. P. 16-29.
6. Voronov VV, Dmitriev A.V. Regional problems of Diaspora and Eartaking communities: an expert dimension [Regional'nye problemy diasporno-zemlyacheskih soobshchestv: ehkspertnoe izmerenie] M., New Chronograph, 2016. S. 4.
7. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2016 [Doklad o deyatel'nosti upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2016 god] // URL: https://xn-plai/upload/site1/document_news/009/359/228/stat_2016.pdf.

КОСТРИКОВ

Константин Николаевич

*д. филос. н., профессор кафедры
«Русский язык и межкультурная
коммуникация» Российского уни-
верситета транспорта (МИИТ)
kostrikov.k.n@yandex.ru*

Kostrikov

Konstantin Nikolaevich

*Doctor of Philosophy, Professor of the
Department "Russian Language and
Intercultural Communication" of the
Russian University of Transport (MIIT)
kostrikov.k.n@yandex.ru*

**Художественная культура, художественное творчество,
искусство: критерии развития/Artistic culture, artistic creation,
arts: criteria of development**

Аннотация

Статья посвящена современным тенденциям развития художественной культуры как мощного начала преобразования действительности посредством взаимодействия с широкими народными массами: чем шире круг выражаемого искусством общественного содержания, тем эстетически содержательнее само искусство, сама художественная культура.

Ключевые слова

Художественная культура; искусство; народное художественное творчество; самодеятельное искусство; профессиональная художественная деятельность; общество; народное мироощущение; сознание; историческая культура народа.

Abstract

The article concerns modern trends in the development of artistic culture as a powerful force for transformation of reality through interaction with the masses: the wider the range of socially substantial subjects that are expressed by the art, the more substance is gained in return by the art and the artistic culture as such.

Keywords

Artistic culture; folk arts; amateur arts; professional artistic activity; world-view of a people; society; consciousness; traditional culture of a people.

Художественная культура своими корнями уходит к истокам развития человеческой цивилизации. С прогрессом духовной жизни человечества, с развитием и дифференциацией знаний, умений, навыков, с расширением запасов ассоциативной памяти, формированием национального склада характера, с обогащением социального опыта человечества (способов разрешения социальных противоречий, развитие науки и техники и многое другое) должно усложняться, совершенствоваться формы художественно-культурной деятельности. В результате появляются новые виды искусства, обогащаются приемы художественного творчества, меняются методы и стили, возникают разнообразные области научного знания, исследующие разные стороны художественно-культурных процессов. В переходный период в жизни общества содержание и функция художественной культуры меняются.

Критериями, на основе которых судят о характере развития художественной культуры, служат степень участия людей, народа, или, как раньше говорили, широких масс в создании новых и освоение раннее созданных художественных ценностей, а также уровень создаваемых художественных ценностей и их эстетическое и идейное содержание. Но при оценке художественной культуры того или иного общества важно иметь ввиду не только, какое количество людей вовлечено в художественное производство и художественное общение, но и на каком эстетическом и этическом уровне осуществляется это производство и общение.

Художественную культуру как сложную и динамичную систему можно рассматривать с разных точек зрения. Во - первых, с точки зрения составляющих ее элементов. Во - вторых, она может рассматриваться с точки зрения ее социального и идейно - эстетического содержания. В этом случае, в центре исследования – теории, взгляды, художественные ценности, особенности художественно - образного воплощения тех или иных произведений и так далее, которые в решающей степени зависят от характера общественного строя, социально – мировоззренческих позиций творцов художественной культуры. В – третьих, с точки зрения ее функционирования: создание, воспроизводство, освоения и распространения художественных ценностей в обществе. Все эти стороны художественной культуры представляют собой единое, неразрывное целое, которое возможно отделить друг от друга только в абстракции, в целях научного анализа. Собственно структура художественной культуры состоит из трех основных элементов. К первому относится ядро художественной культуры – искусство; ко второму – художественные элементы материальной и социальной среды; к третьему – науки, изучающие художественную культуру. Эти структурные элементы художественной культуры с разной степенью полноты отражают ее содержание, играют свою специфическую роль в художественной жизни общества.

Известно, что по субъекту создания искусство подразделяется на народное художественное творчество, самостоятельное искусство и профессиональную художественную деятельность.

Народное художественное творчество лежит в основе художественной культуры. Отражая стихийно складывающиеся в процессе исторической практики мировоззрение, эстетические идеалы и вкусы людей, народное творчество отличается своеобразием, самобытностью, национальным характером, гуманистической направленностью, свободолобием, стремлением к справедливости и добру. В народном коллективном искусстве используется веками накопленные, проверенные и уточненные многими поколениями художественные образцы и приемы творчества. Преимущество и устойчивость художественных традиций успешно сочетаются в нем с индивидуальным мастерством и новаторством в обращении к привычным изобразительно – выразительным средствам, знакомым сюжетным линиям и тому подобному. Многовариантность, доступность, яркость и импровизационность – неотъемлемые черты народного искусства.

Таким образом, взаимодействие искусства с народом нельзя мыслить как нечто внешнее для искусства: оно на практике осуществляется внутри процесса художественного творчества. Художник не был бы художником, а его произведения не имели бы никакого общественного и культурного значения, если бы он не проникся идеями, интересами и чувствами народа,

его традициями.

Прав Николай Васильевич Солнцев, когда пишет: «В поисках модели будущего России русские реформаторы всегда обращали свои взоры на Европу, и немного находилось людей, желающих обновить страну на традиционной основе. Между тем отечественная, экономическая и политическая история, национальная культура располагает богатым наследием, которое, как показывает практика современной Перестройки, почти не пользуется вниманием сегодняшних социальных преобразователей.

У нас есть ценности, которые ввиду своей национальной принадлежности и почвенности, имеют для наших реформ особое значение. Главное здесь в том, что их не нужно «завозить» из-за рубежа, внедрять, насаждать. Они традиционно свои, но их необходимо восстановить, возродить».¹

Народное мироощущение выступает для художника как необходимая точка опоры, как позиция в отношении к действительности, как содержание, которое должно, в свою очередь, быть отражено в народном сознании.

В этом смысле любое действительно крупное и действительно глубокое художественное произведение обязательно должно быть народным по своему духу. Так, мы судим о культурном облике того или иного народа в прошлом и настоящем по его искусству. Коль скоро художник, согласно понятию, должен выражать народное сознание, то почему бы не видеть в произведениях больших, бесспорно, признанных художников зеркало этого

народного сознания? Правомерность этого хода мыслей представляется настолько самоочевидной, что обоснование ее выглядит простой тавтологией.

Но в этой-то тавтологичности вся суть проблемы. Построенные по принципам простой формально – логической силлогистики выводы, приведенные выше, страдают абстрактностью, пренебрежением реальными сложностями культурно-исторических процессов.

Нечто подобное происходит, когда ребенок, только что изучивший географическую карту, начинает воображать, будто путешествовать по морям и континентам так же просто, как прочертить маршруты карандашом. Долины представляются ему сплошь зелеными, горы – коричневыми, а водоемы – голубыми. Разумеется, сама по себе географическая карта во всем этом отнюдь не повинна. Составители ее, конечно же, не предполагают, будто они могут завершить познание своего предмета. Они создают лишь схему, могущую послужить инструментом познания, если ею правильно пользоваться.

Но, наложив такого рода схему на живой материал искусства и народной культуры, легко получить широко использующиеся сейчас абстракции касательно «современного» человека, «современного» художественного видения и так далее. Выведенные из некоторых образцов искусства, принятых и признанных критикой, они на практике приводят к созданию своеобразной иллюзии, не столько раскрывающей состояние духа современных народных масс, сколько скрывающей от познающего субъекта это состояние, не столько обнаруживающей действительность, сколько выдающей желаемое за действительное. В сущности, нигде, кроме как в соответствующих художественных произведениях и посвященных им теорети-

1 Солнцев Н.В. Наследие и время. – М., 1996. – С.94.

ческих анализах, так называемого современного человека мы не найдем.

Художественная культура – это результат творчества и отдельно-го индивидуума, и народа, однако, отмечает Эдуард Федорович Володин, «при избытке и при недостатке интеллигенции нация, так сказать, провиденциально концентрирует свой гений в творчестве нескольких людей, которые способны выполнять дело исторической важности – сказать о смысле жизни и подлинных целях жизни. Если этого не происходит, нация (и это характерно для буржуазных наций) теряет свою историческую перспективу, переходит на уровень бездуховного существования граждански одномерных личностей. Вся сложность, все богатств духовных связей замещается тогда соизмеримостью действия с помощью законодательства собственной духовности государственной машины.

Мы стремимся к единению собственной народной культуры и культуры, вырабатываемой для народа и на народном основании интеллигенцией».¹

Характерно, что с другой стороны, утрачивая всякую историческую конкретность, становясь голой и тощей абстракцией, представление о «народности» искусства отождествляется фактически с понятием «общечеловечности», «вечности» художественных ценностей. Возможность различия между внутренним содержанием искусства и духовным обликом конкретных носителей народного сознания не только не учитывается в отношении современных произведений, но и переносится в прошлое. Поэтому, скажем, гениальное произведение, созданное художником одного народа, предполагается быть обязательно близким для любого другого народа, для любого человека, в любой социальной среде сформировавшегося и воспитанного.

Действительно, трудно удержаться от умиления, когда, например, видишь, как в ярком документальном фильме «Анаконда», туземцы, едва научившиеся прикрывать наготу, с глубокомысленным вниманием слушают граммофонную запись струнного квартета Бетховена. Ведь, кажется своими собственными глазами, в нагляднейших крупных планах мы можем убедиться во всепокоряющей силе гениальной музыки, которая через века и континенты прокладывает безошибочную дорогу – каждому сердцу!

Вопреки этой устоявшейся, социально – философской и эстетической догме история художественной культуры знает достаточное количество случаев, когда самые, казалось бы, красноречивые произведения искусства вдруг лишались своих «собеседников», выпадали из живого «диалога» с живыми людьми и нВ многие века становились безгласными памятниками ушедших в небытие социальных миров.

Одно за другим из тысячелетия в тысячелетие рушились в опустошительных войнах царства, и почти единственным языком, посредством которого «общались» завоеватели с захватываемыми произведениями мастеров и художников, был язык огня и меча. Уничтожение Вавилона и Ниневии ассирийцами, варварский разгром, который учинил Александр Македонский в Парсе – столице Персидской империи, уничтожение римлянами Карфагена, сожжение Иерусалима, разрушение Пергама, истребление Игилловцами памятников мировой культуры Пальмиры – это лишь отдельные страницы истории, сильно поубавившие общечеловеческие арсеналы культуры.

И если христианские народы Средневековья уничтожали произ-

1 Володин Э.Ф. Ухожу от вас в империю. – М.: Палея, 1996. – С. 3-4.

ведения языческой античности, если мусульмане – турки устроили пороховой склад в самом Парфеноне, а венецианцы бомбардировали его, то единственное объяснение этому можно видеть в том, что они не ведали, что творили. Величайшие художественные шедевры не имели в их глазах никакой цены.

Некоторые представители современной зарубежной эстетики, среди которых следует упомянуть, прежде всего, Андрэ Мальро, делают из этого ряда фактов весьма пессимистические выводы. Они вносят в историю искусства абсолютный релятивизм, полагая, что произведение одного народа и одной эпохи никогда не могут быть поняты другим народом и другой эпохой.

Едва ли это так. Общечеловеческий характер искусства все-таки не праздная выдумка. Только и здесь не следует прибегать к голому схематизму, наложению абстрактных истин на живой исторический процесс. Необходимо всегда учитывать конкретные исторические условия, в которых формируется эстетическая культура народа. Действительно важным и определяющим является то, насколько содержание данного произведения переключается с реальным содержанием жизни данного народа в данную эпоху его развития.

Древние цивилизации представляли собой относительно замкнутые местные образования, отграниченные от всего остального мира своими традициями, обычаями, социальными и политическими институтами, религией и тому подобное. Рабовладение, на котором они держались, побуждало их еще более отчуждаться от своих соседей, видеть в них либо потенциальных рабов, либо потенциальных завоевателей. Так или иначе, но эти соседи почти всегда считались «варварами», людьми низшего порядка. Поэтому на той стадии исторического развития было затруднено «незаинтересованное» и духовно насыщенное восприятие художественных произведений других народов.

Но и в древнем мире происходил более или менее постоянный обмен культурными достижениями. Культура Двуречья, например оказала влияние на Египет, а Египет – через крито-микенскую культуру - на культуру Эллады. Но тогдашние обмены и влияния столь полно ассимилировались и перерабатывались каждым замкнутым социальным организмом, что могло лишь в незначительной мере способствовать взаимному пониманию и уважению в культуре чужого народа. Когда на закате античности возникла комплексная эллинистическая, а затем римская культура времен империи, она, вобрав в себя элементы искусства разных народов, смогла создать только пеструю смесь этих элементов, так и не воссоединившуюся в органическое единство. К тому же, приобретая все более «ученый» вид, эти культуры обнаруживали явные симптомы отрыва от народной жизни. Они знаменовали собой упадок.

Аналогичные черты можно отметить также и в феодальных культурах Средневековья. Правда, круг культурных взаимодействий расширился, что сказалось, между прочим, в образовании межнациональных «мировых» религий: христианства, мусульманства, буддизма. Но все же католическая Европа, православная восточная Европа, мусульманский арабский мир оказались в значительной мере отчуждены друг от друга, и их взаимовлияния напоминают то, как они осуществлялись в древнем мире. Тем более, что существовавшие тогда народы оставались, в сущности, слепы или почти слепы к прежним, умершим художественным культурам.

Неслучайно в католических монастырях этих центрах средневековой образованности, беззаботно записывали текущей бухгалтерией литературные шедевры античных поэтов.

Только художественная культура Возрождения, которая вообще знаменовала собою переход в новое качество, смогла быть настолько универсальной, чтобы заново открыть для себя бессмертные творения художников греко-римского мира. Но дальше дело тогда пойти все же не могло. И современники Веласкеса и Эль Греко – испанцы и португальцы – уничтожали художественные ценности южноамериканских и африканских цивилизаций с таким же хладнокровием, с такой же эстетической слепотой, какая была свойственна древним народам.

В настоящее время общечеловеческий характер общечеловеческой культуры и искусства становится реальностью. И это целиком и полностью обусловлено тем обстоятельством, что современное человечество в силу экономической и социальной необходимости, несмотря на все препоны, преодолевает былую культурную замкнутость и неудержимо стремится к духовному единству. По этому вопросу русский мыслитель и писатель В.В. Розанов замечает: «Там, где есть гармоническое соответствие частей, где процессы, зародившиеся вдали друг от друга, в своем движении и развитии таинственно согласуются между собой, - там мы не можем отрицать, что кроме того психологического начала, которое обнаруживается в каждой из частей порознь, есть иное и высшее» И далее: «Есть мысль в истории, которая проявляется в тысячелетиях и согласует развитие народов, не знающих взаимно о своем существовании».¹ При универсальности современных мировых связей становится все более очевидным, что важен и необходим вклад в мировую культуру каждого народа, что только при освоении всего культурного богатства человечества можно встать вровень с возможностями современного эстетического развития.

Но и сегодня все это предстает скорее в виде возможности и потребности, чем в виде живого результата. И хотя, в недрах специализированных областей современного искусства и искусствоведения вырабатывается понимание колоссальной художественной ценности, например, негритянской скульптуры или древнерусской иконописи, это понимание отнюдь не является всенародным.

Оказывается, привычная эстетическая абстракция, утверждающая общечеловеческий характер художественной культуры, искусства ухватывает лишь одну сторону взаимодействия, художественных ценностей и народного сознания. Из двух величин, от которых зависит протекание этого процесса, она практически основывается только на одной, принимая другую – конкретный, социально и исторически обусловленный характер народного эстетического восприятия – за некую постоянную, устойчивую, неизменную. Односторонняя абстракция закрывает всякую возможность понять те острейшие противоречия, через которые проходит эстетическое сознание человечества в своем реальном развитии. Она побуждает предполагать хорошо наезженную дорожку там, где художника подстерегают рытвины и ухабы.

Но самое главное, что эта абстракция закрывает всякую возможность исследования специфических современных противоречий во взаимоотношении искусства с народом. Создается впечатление, будто современный массовый зритель ничем не отличается не только

1 Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. – М.: Республика, 1992. – С.30.

от нынешнего папуаса или древнего египтянина, но и от современного искусствоведа, критика, художника.

Библиография

1. Володин Э.Ф. Ухожу от вас в империю.– М., 1996.
2. Костриков К.Н. Феномен художественной культуры: детерминационные процессы современного развития. – М., 2005.
3. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
4. Солнцев Н.В. Наследие и время. – М., 1996.

References

1. Volodin E.F. I'm leaving you for an empire. [*Uhozhu ot vas v imperiyu*] - M., 1996.
2. Kostrikov KN Phenomenon of artistic culture: deterministic processes of modern development[*Fenomen hudozhestvennoj kul'tury: determinacionnyye processy sovremennogo razvitiya*] - M., 2005.
3. Rozanov V.V. Religion. Philosophy. Culture.[*Religiya. Filosofiya. Kul'tura*] - M., 1992.
4. Solntsev N.V. Heritage and time.[*Nasledie i vremya*] - M., 1996.

МАРШАК

Аркадий Львович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

info@журналпоиск.рф

MARSHAK

Arkady Lvovich

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the IP of FNISCRAS, Moscow, Russia

info@журналпоиск.рф

Адаптационная политика молодежной иммиграции: опыт социокультурного анализа/ Adaptation policy of youth immigration: experience of socio-cultural analysis

Аннотация

В статье на основе социологических данных состояния молодежной иммиграции дается анализ основных путей и направлений адаптационной политики в сфере молодежной иммиграции. Приводится конкретное состояние современных молодежных диаспор, их роли в культурной адаптации с опорой на статистические данные. Подробно рассматривается проект Закона, предложенный ФАДН России, показана его роль в деле реализации государственной политики в области социальной и культурной адаптации и интеграции. Предлагается структура возможного изучения данной проблемы на основе концептуальных, эмпирических и прикладных данных для реализации политики культурной адаптации молодежных иммигрантов.

Ключевые слова

Адаптация; адаптационная политика; социокультурная интеграция; молодежная иммиграция.

Abstract

In the article, based on the sociological data of the state of youth immigration, an analysis is given of the main ways and directions of the adaptation policy in the field of youth immigration. The concrete state of modern youth diasporas, their role in cultural adaptation with the support of statistical data is given. The draft law, proposed by FADN of Russia, is considered in detail, its role in the implementation of state policy in the field of social and cultural adaptation and integration is shown. The structure of possible studying of the given problem on the basis of conceptual, empirical and applied data for realization of policy of cultural adaptation of youth immigrants is offered.

Keywords

Adaptation; adaptation policy; socio-cultural integration; youth immigration.

За годы советской власти и постсоветский период в России накопилось значительное количество людей молодежного возраста, которые во многом приобщились к существующему в стране образу жизни. Этому способствует целый ряд адаптационных побуждений. Во-первых, образовательная среда с ее коммуникационными и дисциплинарными особенностями, которые опираются на сложившиеся в стране пребывания порядки. Во-вторых, возрастные особенности молодежной субкультуры основной нации страны реципиента. В-третьих, влияние досуговых

предпочтений молодежи, форм их осуществления. В - четвертых, преломление семейных устоев в сторону адаптации к традициям страны пребывания. В пятых, неизбежность взаимного социокультурного обмена знаниями, взглядами, нормами поведения, усвоения их и трансформация в духовное состояние и действенный дискурс личности.

Согласно последним исследованиям,¹ в Москве сложилось несколько устойчивых диаспорных групп и землячеств. Именно в них в наибольшей степени происходят социокультурные адаптационные процессы. Сегодня по данным Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) в России насчитывается свыше 11 миллионов мигрантов. Среди них почти одну треть составляют молодые люди в возрасте до 30 лет, в том числе определенная часть молодежи, которая осела на местожительство в стране пребывания. В их число входят дошкольники, младшие школьники, молодежь. Национальные диаспоры пополняются, прежде всего, за счет мигрантов из бывших союзных республик, часть из которых остаются на жительство в крупных городах России. Именно эти люди, превращаясь в иммигрантов, привозят с собой семьи, создают новые, том числе межнациональные браки и из числа их и формируются молодежные диаспоры. Однако, нужно отметить, что в городах - миллионниках земляческие группы среди молодежи получают свое оформление из числа приезжающих из-за рубежа на учебу в крупные высшие учебные заведения. Очень часто, пройдя социокультурную адаптацию, эта молодежь частично остается в стране пребывания и составляет интеллектуальную основу диаспор.

Среди этих групп в Москве особое место занимает молодежная диаспора Вьетнама. Это определяется рядом исторически сложившихся обстоятельств. Еще в период существования СССР с ДРВ сложились прочные научно-культурные связи. Вьетнамская молодежь охотно ехала в СССР на учебу, осваивала ведущие профессии, а, уезжая на родину, не порывала связи со своими студенческими товарищами и преподавателями. Эта традиция продолжилась и в постсоветское время. Более того, многие вьетнамцы - выпускники наших вузов, развивали коммерческие, научные и предпринимательские связи, создавая совместные предприятия в этих отраслях. Все это служит основой для формирования иммиграционных групп, которые выбирают местом жительства Россию. Исследователь В.Ю. Леднева выделяет восемь групп во вьетнамской диаспоре в Москве.²

Существенна в плане анализа социокультурной адаптации узбекская диаспора. По данным МВД РФ, она составляет 1,8 мил. человек. Из этого числа в последнее время около 100 тыс. узбеков осели в Москве и области. И хотя примерно 80% их числа составляют люди молодого возраста, социокультурная адаптация в их среде происходит чрезвычайно трудно, так как для узбекской диаспоры, их образа жизни характерна мононациональность. Узбекские молодежные иммигранты чрезвычайно закрыты в своих профессиональных действиях и чуждаются общения с другими национальными группами. Молодежная группа в московской узбекской диаспоре малочисленна и практически не подвержена социокультурным адаптационным процессам.

Иная ситуация сложилась в молодежных диаспорах Азербайджана

1 См. Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах. Сб. статей. Под ред. чл.-корр. РАН Дмитриева А.В. М. Новый хронограф 2016.

2 См. там же. В.Ю.Леднева. Место и роль диаспор в Москве в интеграции мигрантов. С.156-160.

и Армении. Здесь существенную роль играет культурная традиция связей представителей творческих кругов этих стран с Россией. Они существовали всегда, но особенно оживились в советское время, когда культурная революция распространилась на территории национальных окраин. Способная молодежь Закавказья потянулась в Центр и стала проводником межнациональных культурных связей. В настоящее время эта тенденция сохраняется: молодежь успешно учится в высших учебных заведениях России, серьезно усваивает творческие профессии и инновационные знания. Молодежные диаспоры этих стран активны, они помогают в трудоустройстве соотечественников, в их адаптации в социокультурном и языковом пространстве России.

Отдельное место в иммиграционном потоке занимают выходцы из Средней Азии – таджики, киргизы, туркмены. Эти группы непостоянны, их численность составляет от почти одного миллиона (таджики) до мизерных 24,3 тыс. (туркмены). Временная мобильность их проживания, в основном, представителей мужского пола, занятость на участках низкоквалифицированного труда, создают определенные трудности, способствуют конфликтогенной ситуации в отношениях с местным населением. Молодежь этих диаспор трудно адаптируется к социокультурным условиям жизни, чему также мешает их конфессиональная принадлежность.

Особое место занимают земляческие группы украинской, белорусской и казахской диаспор, насчитывающие в общей сложности временно пребывающих в России около 4 млн. человек. Соответственно: украинцы – 2,54 млн., белорусы – 727,7 тыс. человек, казахи – 597,2 тыс. человек.¹ Представляя собой многочисленную и профессионально разнообразную группу временно проживающих иммигрантов, землячества этих диаспор (кроме Украины) играют определенную роль в пропаганде своей культуры и способствуют культурному обмену.

Такова в общем этнокультурная ситуация в современных условиях проживания молодежных иммиграционных групп. Возникающие время от времени конфликтогенные ситуации и риски требуют особого внимания к этим слоям населения. Руководствуясь этой необходимостью, ФАДН России по поручению Президента России разработало и внесло в Правительство законопроект о социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Ранее существовала попытка разработки подобных нормативных правовых актов. В частности, в 2014 году Федеральная миграционная служба предложила свой проект урегулирования данной проблемы, но он не получил поддержки, а в настоящее время показал невозможность его применения.

Новый законопроект впервые в российском законодательстве не только закрепляет понятие «социальная и культурная адаптация» и «социальная и культурная интеграция», но и «государственная политика в сфере социальной и культурной адаптации» «государственная политика в сфере и социальной и культурной интеграции», что имеет важное значение для обеспечения деятельности в регулировании адаптационных процессов. Законопроектом предусматривается выстраивание системы взаимодействия властей всех уровней, включая федеральный. В настоящее время законодательство регулирует вопрос полномочий в этой сфере только на региональном и муниципальном уровнях. Включение

1 По данным МВД РФ на конец 2017 года. См. «Комсомольская правда» 30.08.2017.

в этот процесс федеральных органов исполнительной власти позволит разработать и внедрить единые адаптационные и интеграционные механизмы. При этом законопроект не предлагает формировать новые инфраструктуры для этих целей, а делает возможным использование потенциала уже существующей системы некоммерческих организаций, таких как Торгово-промышленная палата РФ. Законопроектом предусматривается активное участие некоммерческих организаций. Они должны стать связующим звеном между властью, обществом, бизнесом и самими мигрантами. Законопроект максимально снижает бюджетные затраты. Предполагается выделить субсидии регионам на организацию и проведение комплекса мер и мероприятий, направленных на помощь мигрантам в адаптации и интеграции. При этом будет соблюдаться дифференцированный подход при распределении субсидий, т.е. больше денег будут получать те регионы, где проблема миграции стоит острее.

Законопроект исходит из того, что системная адаптация и интеграция мигрантов – важнейшее условие эффективной реализации государственной национальной политики, обеспечения мира и согласия в нашей стране. Принятие закона позволит снизить уровень нелегальной трудовой миграции, поскольку он рассчитан на тех иностранных граждан, которые пребывают на территории страны на законных основаниях. Это, в свою очередь, будет способствовать снижению социальной напряженности, обеспечению межнационального согласия, повышению эффективности управления миграционными процессами, формированию у мигрантов и населения принимающей страны навыков межкультурного общения, решению демографических и экономических проблем.¹

В соответствии с принятым Правительством и Государственной Думой закона на ближайшее время будет выстраиваться адаптационная политика в сфере молодежной иммиграции. В связи с этим, следует обратить внимание на то, что реализация закона потребует научно разработанного сопровождения. В этой связи необходимо получить методологические обоснования концептуальных подходов к адаптационным процессам среди иммиграционных групп молодежи. Для этого следует провести комплексное социологическое исследование данных процессов, разработать и предложить теоретико-методологическую базу для постоянно действующего мониторинга социокультурной адаптации иммигрантов из числа молодежи. В свою очередь, мы могли бы предложить следующие шаги в осуществлении адаптационной политики.

На концептуальном уровне:

- определение социологической операционной модели адаптационной политики молодежной иммиграции
- выявление уровня соотношения этнополитических и социально-духовных факторов в иммиграционной константе
- разработка типологической модели и классификатора адаптационной политики в среде молодежной иммиграции
- анализ основных тенденций социально-демографических влияний на адаптационную политику
- описание основных процессов социокультурной сферы и их воздействия на построение адаптационной политики молодежной иммиграции
- разработка политического менеджмента организационных и информационно обучающих систем для осуществления адаптационной политики

На эмпирическом (исследовательском) уровне:

- анализ субъектного поля, социально-демографической структуры акторов молодежной иммиграции
- определение социальных индикаторов этничности, адаптационных побуждений и динамики национальных особенностей в сфере молодежной иммиграции
- моральные и нравственные ценности в сфере адаптационной политики, этические нормы, ценности и качества личности, нравственная культура поведения, оценка конфликта и риска в национальном взаимодействии и национальной интеграции
- социальный портрет политического руководителя, анализ структур политического действия по формированию адаптационных процессов
- выработка модели межэтнического согласия на базе изучения социальной дифференциации молодежных этнических групп

На прикладном уровне:

- изучение общественного мнения о сущности и содержании молодежной иммиграции, определение понятия «эмигрант», «мигрант», «иммигрант» применительно к современному российскому обществу
- исследование типологических характеристик молодежной иммиграции, ее социальных корней, конкретных групп молодежи, представляющих состав иммиграции
- рассмотрение системы кадрового обеспечения проведения адаптационной политики, обоснование принципов подготовки кадров для этой сферы, анализ состояния государственных органов власти в данной области
- построение показателей принципов управления адаптационной политикой, выявление ресурсов межнационального согласия, внедрение методов корпоративного руководства с учетом тенденций в динамике изменений в политической реальности современного общества
- определение конечных целей адаптационной политики. Разработка обстоятельного прогноза будущности адаптации молодежных иммигрантов, их включение в реальные жизненные процессы.

Таким образом, обеспечение условий проведения адаптационной политики в сфере молодежной иммиграции отвечает двум важнейшим задачам инновационного развития общества. Во-первых, достижение в возможных рамках межнационального согласия в современном российском обществе и, во-вторых, необходимости разработать адекватную социально-политическую и морально-духовную модель решения сложных проблем этносоциального пространства России.

Это позволит сформировать качественно новое состояние общественных отношений, где этнокультурный ресурс будет неразделим с духовным состоянием общества, что даст импульс к началу нового цивилизационного развития.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ SOCIOLOGY OF EDUCATION

ДЕНИСОВА

Галина Сергеевна

*доктор социологических наук,
профессор,*

*Южный федеральный университет
(ЮФУ) Ростов-на-Дону, Россия*

denigs@aaanet.ru

DENISOVA

Galina Sergeevna

*Doctor of Sociological Sciences,
Professor,*

*Southern Federal University (SFE-
DU) Rostov-on-Don, Russia*

denigs@aaanet.ru

ЛУБСКИЙ

Анатолий Владимирович

*Доктор философских наук, про-
фессор,*

*Южный федеральный университет
(ЮФУ) Ростов-на-Дону, Россия*

n_lav@mail.ru

LUBSKY

Anatoliy Vladimirovich

*Doctor of Philosophy, Professor,
Southern Federal University (SFE-
DU) Rostov-on-Don, Russia*

n_lav@mail.ru

ВОЙТЕНКО

Валерия Петровна

Кандидат философских наук,

*Южный федеральный университет
(ЮФУ) Ростов-на-Дону, Россия*

leravvp@mail.ru

VOYTENKO

Valeriya Petrovna

Candidate of Philosophy

*Southern Federal University (SFE-
DU) Rostov-on-Don, Russia*

leravvp@mail.ru

Гражданское образование как форма конструирования гражданственности в российском обществе¹ / Civic education as a form of constructing citizenship in Russian society

Аннотация

В статье в рамках концептуального научного мышления рассматриваются проблемы гражданского образования как одной из форм конструирования гражданственности в российском обществе с учетом его социокультурной и политической специфики. **Целью статьи является** реконструкция в рамках концептуального мышления гражданственности в современном российском обществе, формируемой в рамках гражданского образования с учетом его социокультурной специфики. В рамках данной статьи авторы представили результаты социологических опросов школьников г. Ростова-на-Дону в 2014–2015 гг. в виде опросов по проблемам гражданского образования и гражданственности, которые показали, что гражданское образование в России еще не стало эффектив-

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект №16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

ной формой конструирования гражданственности, в том числе и с учетом социокультурной и политической специфики российского общества. Об этом свидетельствует бинарный характер правового сознания старшеклассников, в котором существуют противоречия между его когнитивными, аксиологическими и конативными компонентами. В представлениях школьников устойчиво воспроизводится отождествление государства как властного института. В их правовом сознании большую роль играет принцип государства централизма, связанный с доминированием этатистских ценностей, ориентирующих на лояльность государству и отдающих приоритет государству по сравнению с правами человека.

Ключевые слова:

Гражданское образование; гражданско-патриотическое образование; гражданская идентичность; гражданин; гражданственность; гражданская активность; правовое сознание; права человека; патриотизм.

Abstract

The article in the context of conceptual scientific thinking considers the problems of civic education as one of the forms of constructing citizenship in the Russian society, taking into account its socio-cultural and political specificities. The purpose of this article is to reconstruct the concept of thinking of civic engagement in contemporary Russian society, formed in the framework of civic education, taking into account its socio-cultural specificity. In this article the authors presented the results of sociological surveys of schoolchildren in Rostov-on-don in 2014-2015 in surveys on issues of civic education and citizenship, which showed that civic education in Russia has not become an effective form of constructing citizenship, including taking into account social, cultural and political specifics of Russian companies. This is evidenced by a binary character of legal consciousness of pupils, in which there are contradictions between its cognitive, axiological and cognitive components. In the views of students consistently reproduced the identification of the state as imperious Institute. In their legal consciousness plays a big role the principle of state, which is associated with the dominance of statist values that focus on loyalty to the state and giving priority to state over human rights.

Keywords:

Civil education; civil and Patriotic education; civic identity; citizen; citizenship; civic activity; legal consciousness; human rights; patriotism.

В конце XX в. модернизационные усилия российского реформаторов были направлены на изменение вектора общественного развития в либеральном направлении. Был предложен проект формирования гражданского общества, в рамках которого особую значимость приобрели проблемы гражданского образования и гражданственности в постсоветской России.

Гражданское образование уже давно существует в западноевропейских странах, где подготовка новых поколений к самостоятельной жизни в гражданском обществе является обязательной¹. В США федеральным правительством финансируется «Центр гражданского образования», координирующий на всей территории страны деятельность, связанную с реализацией таких образовательных программ, как «Мы, народ»

1 Civic Education // Philosophy of Education: An encyclopedia / Ed. J. J. Chambliss. New York; London: Oaland; Civic Education // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/civic-education>; Quigley Charles The Role of Civic Education. Task Force on

и «Проект гражданина»¹. Однако опыт гражданского образования и формирования гражданственности, накопленный в западных странах, использовать в России оказалось делом достаточно проблематичным. Это было обусловлено, во-первых, тем, что чужой опыт, приобретенный в иной социокультурной среде, трудно перенимать вообще, во-вторых, тем, что гражданское образование в западных странах осуществляется в условиях гражданского общества, которое в России все еще остается нереализованным проектом. Поэтому миссия гражданского образования в современной России, в конечном счете, состоит в том, чтобы помочь молодым людям научиться жить в реальном российском обществе, обрести гражданственность и гражданскую субъектность. В связи с этим, изучение проблем, связанных с формированием гражданственности в современном российском обществе, одной из основных форм которого является гражданское образование, вызывает повышенный когнитивный интерес.

В реальной жизни гражданственность определяется гражданской идентичностью индивида. В научном дискурсе гражданскую идентичность в России часто отождествляют с общероссийской или национальной идентичностями². Существуют также различные представления о гражданской идентичности, применительно к специфике ее формирования в российском обществе. При этом одни исследователи полагают, что возникновение такой идентичности – это дело будущего в силу отсутствия в стране гражданского общества, другие считают, что в современном российском обществе можно выделить две модели формирования гражданской идентичности –государственно-гражданскую и национально-гражданскую. Основу государственно-гражданской идентичности составляют, как отмечают исследователи, государственное самосознание индивидов и этатистская культура, предполагающие лояльность по отношению к государству. Основой национально-гражданской идентичности выступают гражданское самосознание и гражданская культура, которая предполагает отождествление индивида с гражданским сообществом как гражданской политической нацией. При этом исследователи подчеркивают, что в западноевропейской традиции государственно-гражданская и национально-гражданская идентичности на определенном этапе стали совпадать, поэтому применительно к Западу часто говорят о гражданской политической нации. В российской традиции понятия государственного и гражданского самосознания не совпадают, поэтому россияне, отвечая на вопрос о гражданстве, гражданской идентичности, имеют в виду именно принадлежность к государству. При этом исследователи замечают, что между государственной и гражданской идентичностью нет непроходимой стены, а самое главное, наши соотечественники не всегда различают эти свои идентичности³.

В научном дискурсе существуют также различные представления о гражданственности в российском обществе. Одни из этих представлений базируются на научном тезаурусе, сложившемся в западноевропейском

Civic Education Paper. Communitarian Network. 1995. Washington, DC.

1 Civic Education // Philosophy of Education: An encyclopedia / Ed. J. J. Chambliss. New York; London: Oaland.

2 Лубский А.В. Российская идентичность: методологические проблемы интердисциплинарных научных исследований // Сборник научных трудов Sworld: Материалы международной научно-практической конференции. 2013. Т. 25. № 2. С. 68–75.

3 Дробижева. Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // *Вестник Российской нации*. 2012. № 4–5.

социокультурном контексте. Другие даются с учетом российской социокультурной традиции, в рамках которой гражданственности приписываются особые значения и смыслы. Некоторые исследователи считают, что гражданственность можно рассматривать как способность человека выполнять определенную роль в соответствии с установленной социетальной моделью и в этом случае говорить о гражданственности как качестве личности¹. Другие исследователи рассматривают гражданственность как социальный институт или «совокупность интериоризованных социальных норм, регулирующих отношения общества с властными институтами»².

В связи с этим целью статьи является реконструкция в рамках концептуального мышления гражданственности в современном российском обществе, формируемой в рамках гражданского образования с учетом его социокультурной специфики.

В методологическом сознании существуют различные представления о том, что такое идентичность вообще и гражданская идентичность, в частности, обусловленные разными парадигмальными предпочтениями. В 90-х гг. прошлого века в научно-исследовательских практиках конкурировали «жесткие» и «мягкие» концепции идентичности, сложившиеся соответственно в рамках эссенциалистского и конструктивистского подходов. В рамках «жестких» концепций идентичность сводилась к приписыванию индивиду неизменного набора естественных качеств и свойств. В рамках «мягких» концепций утвердилась трактовка идентичностей как дискурсивных конструкций, весьма подвижных, неоднозначных и зависимых от контекста³. При этом исследователи подчеркивали, что «идентичности подвижны не только во времени и пространстве, но даже когда они относятся к одним и тем же субъектам в той же самой точке времени и пространства»⁴. Кроме того, как отмечают конструктивисты, «идентичности создаются в процессе репрезентации, а не за его рамками»⁵.

«Жесткие» и «мягкие» концепции идентичности, в силу их парадигмальной односторонности являются эвристически недостаточными, и поэтому, как считают исследователи, необходимо расширять поле возможных стратегий научного изучения реальных идентичностей с помощью многообразных теоретических и практических инструментов⁶. Новые возможности изучения идентичностей в настоящее время связываются с междисциплинарными научными исследованиями⁷, предполагающими переход от одномерных интерпретаций идентичности к многомерным на основе принципа конструктивного реализма, синтезирующего методологические возможности эссенциалистского и

1 Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / Ин-т философии РАН; Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. – М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. – 528 с.

2 Смирнов В.Э. Институционально-ролевой подход к пониманию феномена гражданственности // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 246-255.

3 Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. 2005. № 3. С. 8-20.

4 Neumann I. European identity, EU expansion, and the integration/exclusion nexus // Alternatives. Boulder (Col.). 1998. Vol. 23.

5 Hall S. Introduction. Who Needs «Identity»? // Questions of cultural identity / Ed. By Hall S., Du Gay P. London.: Sage. 1996.

6 Calhoun C. Critical social theory: Culture, history and challenge of difference. Oxford: Blackwell. 1995.

7 Лубский А.В. 2015. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная

конструктивистского подходов. В рамках конструктивного реализма некоторые ученые рассматривая идентичность как «процесс конструирования смысла на основе определенного культурного свойства», выделяют так называемую *проектную идентичность, создающуюся социальными акторами*, которые на основе доступного им культурного материала строят новую идентичность, переопределяющую их положение в обществе¹.

В связи с этим идентичность рассматривается как результат информационного воздействия и культурной актуализации². При этом в изучении идентичности важное место отводится анализу в ней универсального и партикулярного³. Так, в структуре общероссийской идентичности можно выделить в качестве универсального компонента национально-государственную идентичность, носящую конструктивистский характер, а в качестве партикулярных компонентов – «естественную» этническую идентичность и «искусственную» гражданскую идентичности.

Гражданская идентичность определяет гражданственность индивидов, которую можно рассматривать как способ бытия субъектной личности в обществе. Гражданственность как идеальный тип можно охарактеризовать такими чертами, как сознательность и ответственность; свобода индивидуального выбора и творческая направленность; активная жизненная позиция и критическое отношение к действительности; субъектность и гуманность; стремление к раскрытию своего потенциала и способность жить в согласии с самим собой. В этом плане гражданственность следует отличать от лояльности и личной преданности, более характерных для добродетельных подданных, а не для свободных граждан. Гражданин обладает суверенными правами и свободами, в отличие от подданного, которому права и вольности даруются государством. Условием гражданской активности первого является собственный добровольный и сознательный выбор, условием гражданского поведения второго – принуждение и социальный статус. Не смотря на особенность национальной гражданственности, обусловленные спецификой социокультурного и политического развития, можно выделить некоторые общие направления в формировании гражданственности. Во-первых, это создание условий для развития сущностных сил человека, заботящегося об общественной пользе, и овладение им способами сознательной деятельности в интересах других людей или ради их общего блага. Во-вторых, это готовность личности к самоограничению во имя достижения общественных идеалов. В-третьих, это способность субъекта открывать не стандартные способы и проектировать новые формы гражданской деятельности, позволяющие эффективно решать сложные задачи, которые постоянно встают перед людьми в современном обществе.

Одной из основных форм конструирования гражданственности в современном российском обществе является гражданское образование. В настоящее время можно выделить три парадигмы гражданского образования в России. В рамках одной из этих парадигм под гражданским образованием понимается общественно-государственная, социально-«мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. № 10. С. 3–11.

1 Castells M. The power of identity. Cambridge, Mass.: Blackwell. 1997.

2 Melucci A. Challenging codes: Collective action in the information age. Cambridge: Cambridge univ. press. 1996.

3 Laclau E. Universalism, particularism and the question of identity // The identity in question / Edited and with an introduction by J. Rajchman. New York: Routledge. 1995.

ориентированная система непрерывного обучения и воспитания, направленная на формирование гражданской компетентности, демократической культуры, удовлетворение потребностей в социализации в интересах личности, гражданского общества и правового государства. Перед таким гражданским образованием ставится цель формирования гражданской личности, способной в будущем жить в гражданском обществе и правовом государстве. В рамках другой парадигмы гражданское образование рассматривается как система воспитания и обучения личности, предусматривающая создание условий для становления нравственной гражданской позиции, гражданской компетентности и обретения опыта общественно-полезной гражданской деятельности. Целью гражданского образования в этом случае является формирование личности гражданина, имеющего опыт общественно-полезной гражданской деятельности. В рамках третьей парадигмы гражданское образование в России – это подготовка законопослушных граждан, патриотов-государственников. В последнее время гражданское образование в России все больше приобретает черты гражданско-патриотического, целью которого является формирование такой гражданственности, в структуре которой важное место отводится патриотизму.

Цели и ориентиры предметного поля гражданского образования задаются прежде всего таким концептом, как «гражданственность», в контексте актуального состояния российского общества. Советом Европы 2005 г. был объявлен Европейским годом гражданственности через образование. В «Концепции специального комитета экспертов по Европейскому году гражданственности через образование» отмечалось: «Цель года – познакомить людей с фактом, что гражданственность – всеобъемлющее, а не только юридическое и политическое понятие. С одной стороны, гражданственность подразумевает, что все граждане, женщины и мужчины, должны в полной мере пользоваться правами человека и чувствовать свою защищенность со стороны демократического общества. С другой стороны, гражданственность также подразумевает, что каждый должен вовлечься в вопросы, касающиеся жизни в обществе, и действовать на протяжении своей жизни в качестве активного и ответственного гражданина, уважающего права других»¹. Через всю «Концепцию» проводится идея о необходимости через образование учиться жить вместе, развивая критическое мышление и соблюдая демократические принципы, а также права человека.

В российском дискурсе понятие гражданственности наполняется несколько иной смысловой нагрузкой, что обусловлено различными коннотациями слова «гражданин» в западноевропейском и российском социокультурном и политическом контекстах. На Западе гражданин одновременно идентифицирует себя с политической нацией (сообществом граждан, имеющих политико-правовую связь с государством), и с гражданской нацией (гражданским обществом), базовыми ценностями которого являются автономия индивида по отношению к государству, свобода как возможность ответственного выбора, права человека, активность и участие в решении социальных проблем.

В России гражданского общества в западноевропейском его

¹ *European Year of Citizenship through Education. Learning and living democracy. Concept paper.* Ad Hoc Committee of Experts for the European Year of Citizenship through Education (CAHCIT). Strasbourg, 29 November 2004. URL: <http://garantedirittipersonaminori.consiglioveneto.it/scuola/allegati/273.pdf>.

понимании нет, поэтому слово «гражданин» у нас несет иную смысловую нагрузку. Так, на Красной площади в Москве, в 1818 г. был открыт памятник Минину и Пожарскому. Что необыкновенного было в этом памятнике? Это – надпись на постаменте, которая гласит: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия». Впервые памятник в России был поставлен гражданину, а «титул» гражданина был обнародован как общественно значимый, хотя россияне в политико-правовом смысле были не гражданами, а подданными. Поэтому надпись «гражданин» на постаменте имела прежде всего нравственный смысл: князь Пожарский защищал страну по службе, а гражданин Минин спасал Россию по долгу. Правда, не всех в России, это устраивало. В частности, А.С. Пушкин, как отмечают исследователи, в «Прогулке по Москве» (1836 г.) отмечал, что «надпись Гражданину Минину, конечно, не удовлетворительна». Это было связано с тем, что представление А.С. Пушкина о гражданине в России не вязалось с социальным положением Минина как мещанина. Для А.С. Пушкина граждане – это представители благородного сословия, дворяне, служащие своему Отечеству (государству). Однако над А.С. Пушкиным довлеет не только «Медный всадник», учредивший в России регулярное государство, но и «дух» европейской свободы: гражданин у поэта – одновременно и слуга Отечеству, и человек «с душою благородной, возвышенной и пламенно свободной»¹.

Вопросом о том, кто такой гражданин в России, задается также Н.А. Некрасов и отвечает: «Отечества достойный сын». У поэта смысл понятия гражданина сопрягается не со службой государству, а с долгом перед родиной, отчизной. Афоризм Н.А. Некрасова – «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» – подчеркивает, что для российского общества в контексте его социокультурных традиций важным является не столько юридическое определение понятия гражданина, сколько его духовно-нравственный смысл. Однако, надо отметить, что императив Н.А. Некрасова «гражданином быть обязан» относился не к простым людям, а к критически мыслящим личностям. У поэта гражданин – это «достойный сын», для которого судьба Отечества является делом глубоко личным и нравственным. Таким образом, в русской литературе и русской жизни, начиная с XIX в., обнаружилась коллизия: гражданин – тот, кто служит отечеству, и гражданин – тот, для кого служение отечеству является нравственным долгом. Преодолеть эту коллизию пытались разными путями. Одной из таких попыток была апелляция к государству не как к политической системе, а как к его «духовной сущности», и тогда в один смысловой ряд выстраиваются такие понятия, как «государство», «Родина», «Отчизна», «Отечество», «Россия». В соответствии с этим рядом, как считал И.А. Ильин, государство должно жить в душе гражданина, но и гражданин должен жить интересами своего государства. «Сущность государства, – писал он, – состоит в том, что все его граждане имеют и признают, – помимо своих различных и частных интересов и целей еще единый интерес и единую цель, а именно: общий интерес и общую цель, ибо государево есть некая духовная община»².

Однако это – некий идеал. На практике народ в России не очень-то стремился участвовать в делах государства, чаще всего он безмолвствовал.

1 Муринд.Н. Проблема гражданственности в русской литературе XIX века // Гражданское образование – педагогический, социальный и культурный феномен. СПб.: Изд-во «Союз», 2006.

2 Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993.

Кроме того, на всем протяжении русской истории государство, деспотически нависая над народом и возбуждая у него патерналистские чувства, не пробуждало у людей особой потребности к гражданской активности. Поэтому в российском обществе сложилось два типа взаимоотношений человека и государства и, соответственно, сформировалось два полярных лика гражданственности: гражданственность официальная, верноподданническая, лояльная и гражданственность оппозиционная, критическая, бунтующая.

В современной научной литературе существуют различные представления о гражданственности в российском обществе с учетом его социокультурной специфики. Одни авторы, рассматривая гражданственность как личное качество, считают, что она базируется на идее гражданского долга и заботе об общественном благе и находит выражение в осознании человека своих прав и обязанностей по отношению к обществу, а также в готовности добровольно следовать его правовым и нравственным предписаниям. Другие связывают гражданственность с активным участием в общественной жизни, чувством сопричастности человека к судьбе Отечества и наличием у него социально значимых нравственных ориентиров, определяющих готовность принять на себя моральную ответственность за прошлое, настоящее и будущее России. Для третьих гражданственность, находящая выражение в социальной деятельности человека, проявляется в его готовности и способности активно участвовать в делах общества и государства, сознательно пользоваться своими правами, свободами и выполнять свои обязанности¹.

Практика формирования гражданственности в России через образование характеризуется, как показывают результаты социологических исследований, противоречивостью ценностных установок в этой сфере. Эти исследования проводились Научно-образовательным центром региональных исследований и коммуникативных технологий Южного федерального университета в общеобразовательных школах г. Ростова-на-Дону в 2014–2015 гг. в виде опросов школьников по проблемам гражданского образования и гражданственности. Инструментарий опроса предполагал выявление трех компонентов гражданственности: когнитивного, индикаторами которого выступают понимание сущности правового государства и прав человека; аксиологического компонента, включающего интерпретацию значения государства, права и патриотизма в российском обществе; конативного, включающего установки в сфере практики взаимодействия гражданина и государства, важным индикатором которого выступает возможность индивида оппонировать государственным структурам, готовность включаться в гражданские сообщества.

Результаты опроса показали достаточно высокий уровень осведомленности школьников в области сущности правового государства и прав человека. В частности, треть опрошенных в качестве основных признаков правового государства верно указали верховенство закона, принцип разделения властей, соблюдение прав человека и граждан. При более 40% опрошенных обнаружили знание содержания «Всеобщей Декларации прав человека»; около 60% – содержания «Конвенции о правах ребенка»; более 70% – содержания Конституции Российской Федерации. Вместе с тем следует отметить слабое знание школьниками истории

1 Лубский А.В. Можно ли совместить гражданские ценности с патриотизмом в России? // Партнерство университета и школы в сфере формирования гражданских ценностей и патриотизма. Ростов н/Д.: Издательство Фонд науки и образования, 2015. С. 10–19.

становления института прав человека. Так, только 20% респондентов смогли указать год принятия «Всеобщей Декларации прав человека». Еще меньше они знают о том, что защита прав человека и гражданина в России обеспечивается приоритетами международного права.

Ответы школьников также свидетельствуют о рассогласовании правовых знаний и представлений о функционировании права в реальной жизни. Так, ответы на вопрос – «на что направлены законы и право в нашей стране?» – показывают, что только треть школьников уверена в направленности права на защиту гражданских прав и свобод личности; 30% считают, что право защищает олигархов, около 19% школьников полагают, что право защищает государство. Опрос показал, что в правовых представлениях школьников доминирует элитистский компонент. Так, на вопрос, «какой субъект в настоящее время в России обладает наиболее важным правовым статусом?», свыше 52% указали на государство, около 16% – на народ, примерно 14% – на личность.

Результаты опроса свидетельствуют также о противоречивости правовых представлений школьников. Так, более 80% из них согласны с неотъемлемостью прав человека, которые даны ему фактом рождения, но одновременно, более 57% считают, что правами наделяется человек по достижению совершеннолетия. Около 80% считают, что права человека делают людей равными, вместе с тем, более 31% полагают, что права человека зависят от его материального или социального положения.

Результаты опроса свидетельствует о том, что правовые знания значительной частью учащихся не осмыслены с точки зрения ценности права, его производности от ценности человеческого достоинства личности, на защиту которого направлено право. Вопрос о содержании понятия «человеческое достоинство» вызвал большую трудность: почти половина старшеклассников вообще не смогли на него ответить, а ответившие связывают его преимущественно с духовными достижениями личности, характером взаимоотношений между людьми, но не со статусом человека как представителя рода, на неприкосновенность и защиту которого и направлено право. Вместе с тем почти 43% опрошенных старшеклассников считают, что люди подчиняются закону осознанно в целях поддержания общих правил, обеспечивающих известный всем порядок жизни, т.е. рассматривают в качестве главной функции права регулятивную, а не репрессивную функцию. Репрессивная установка («подчиняются праву, потому, что бояться наказания») поддерживается 37% опрошенных.

Большой интерес представляют также ответы старшеклассников на вопросы относительно взаимодействия гражданина и государства. В инструментарию были предложены три альтернативных суждения, предполагающих выбор только одной позиции. Большинство старшеклассников (86,6%) уверены в том, что частная жизнь человека неприкосновенна, если он не совершает противозаконных действий, однако почти 27,9% опрошенных допускают ограничения прав человека во имя обеспечения поддержания порядка; 19,4% допускают ограничение прав, если это нужно для расследования преступления; 10,7% – если это нужно для улучшения материальных условий жизни. Почти 48% считают, что для поддержания порядка государство может контролировать СМИ. Тем самым, права человека не воспринимаются как безусловная ценность, скорее они рассматриваются в инструментальном ключе: власть в праве их ограничить, если этого требует обеспечение

безопасности общества в целом. О противоречивости правового сознания школьников свидетельствует также то, что, зная о праве участвовать в социальных и политических процессах, только четвертая часть их считает, что все граждане должны принимать участие в обсуждении и решении социально значимых вопросов; три четверти полагают, что для этого существуют депутаты, а участие граждан должно ограничиваться сферой их компетентности.

В целом, результаты опросов школьников свидетельствуют об обособленности и даже определенном диссонансе когнитивного и ценностного компонентов в их правовые сознания. Об этом, в частности, говорят и представления школьников о патриотизме. Их ответы позволили выявить рейтинг основных его характеристик. Вопрос был задан как многовариантный, и поэтому была возможность выбора нескольких позиций. Большая часть опрошенных в разной комбинации отметили четыре позиции: «бескорыстная любовь и служение государству» (53%), «стремление трудиться для процветания Родины» (47%), «любовь к национальной культуре, следование традициям» (46%), «готовность к самопожертвованию для защиты государства» (42%). Отметим также, что такие позиции как «активное участие в политической жизни страны» (16,6%) или «аргументированная критика своего государства во имя блага человека» (4,1%) редко связываются школьниками с патриотизмом. При этом не все респонденты разделяют точку зрения об обязательности чувства патриотизма для граждан страны. Но при этом большинство из них отмечает возможность манипуляций этим чувством. Напротив, большая часть опрошенных рассматривают патриотизм как чувство, на котором основывается социальная ответственность гражданина за жизнь государства.

Выявленные позиции объясняют, в частности, раскол массива опрошенных учащихся по проблеме политической эмиграции: 47,1% респондентов считают, что политический эмигрант, т.е. человек, который вынужден был покинуть страну по политическим взглядам, может быть патриотом; 52,9% – отказывают ему в этом праве. Тем самым патриотическое чувство четко связывается с проживанием на территории Родины и служения ей. Почти половина респондентов (48,5%) усматривают смысл деятельности государства в сфере формирования патриотизма в укреплении единства и общности людей в стране.

Рассмотренные ответы по проблемам гражданской ответственности должны быть дополнены представлениями школьниками в сфере социальной активности. Большинство школьников связывают социальную активность с участием в митингах, демонстрациях, выборах (28%), добровольчеством и волонтерством (27,3%), деятельностью по защите природы, животных (20%). Вместе с тем, только четверть респондентов (26,4%) считают, что люди должны самостоятельно организовываться для выдвижения и реализации своих инициатив. Основное большинство переносит ответственность за мобилизацию социальной активности населения на органы государственной власти, местного самоуправления, руководителей предприятий, политических партий. Отсюда объяснима ориентация практически всех опрошенных на проявление различных личных инициатив и активности, прежде всего, в спорте, творчестве, образовании и отсутствие интереса к социальной активности и участию в молодежных общественных движениях. Только около 10% школьников являются

участниками каких-либо молодежных социальных организаций.

В научном дискурсе существуют различные представления о миссии гражданского образования, гражданской идентичности и гражданственности в российском обществе.

Гражданское образование является одной из основных форм конструирования гражданственности в современном российском обществе, которая наполняется особой смысловой нагрузкой, обусловленной различными коннотациями слова «гражданин» в западноевропейском и российском политическом и социокультурном контекстах.

В российском обществе, с одной стороны, сложилось два типа взаимоотношений человека и государства и, соответственно, сформировалось два полярных лика гражданственности: гражданственность официальная, верноподданническая, лояльная гражданственность оппозиционная, критическая, бунтующая. С другой стороны, в России формируется гражданственность активная, компетентная, ответственная и нравственная в своей общественной значимости.

Социологические опросы школьников свидетельствуют о том, что гражданское образование в России еще не стало эффективной формой конструирования гражданственности, в том числе и с учетом социокультурной и политической специфики российского общества. Об этом свидетельствует бинарный характер правового сознания старшеклассников, в котором существуют противоречия между его когнитивными, аксиологическими и конативными компонентами. Отсутствие опоры учебной дисциплины «Право» на такие учебные курсы, как «История», «Обществознание», «Литература», во многом объясняет абстрактный характер правовых представлений у школьников; которые далеко не всегда коррелируются с ценностными и конативными сегментами их правового сознания.

В представлениях школьников устойчиво воспроизводится отождествление государства как властного института и как объекта эмоциональной общности, т.е. Родины. В их правовом сознании большую роль играет принцип государствоцентризма, связанный с доминированием этатистских ценностей, ориентирующих на лояльность государству и отдающих приоритет государству по сравнению с правами человека.

Библиография

1. Дробжи́ева. Л.М. Российская идентичность и согласие в меэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5.
2. Лубский А.В. 2015. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. № 10. С. 3–11.
3. Лубский А.В. Можно ли совместить гражданские ценности с патриотизмом в России? // Партнерство университета и школы в сфере формирования гражданских ценностей и патриотизма. Ростов н/Д.: Издательство Фонд науки и образования, 2015. С. 10–19.
4. Лубский А.В. Российская идентичность: методологические проблемы междисциплинарных научных исследований // Сборник научных трудов Sworld: Материалы международной научно-практической конференции. 2013. Т. 25. № 2. С. 68–75.
5. Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. 2005. № 3. С. 8-20.
6. Мури́н Д.Н. Проблема гражданственности в русской литературе XIX века // Гражданское образование – педагогический, социальный и культурный феномен. СПб.: Изд-во «Союз», 2006.

7. Смирнов В.Э. Институционально-ролевой подход к пониманию феномена гражданственности // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 246-255.
8. Calhoun C. Critical social theory: Culture, history and challenge of difference. Oxford: Blackwell. 1995.
9. Castells M. The power of identity. Cambridge, Mass.: Blackwell. 1997.
10. Hall S. Introduction. Who Needs «Identity»? // Questions of cultural identity / Ed. By Hall S., Du Gay P. London.: Sage. 1996.
11. Laclau E. Universalism, particularism and the question of identity // The identity in question / Edited and with an introduction by J. Rajchman. New York: Routledge. 1995.
12. Melucci A. Challenging codes: Collective action in the information age. Cambridge: Cambridge univ. press. 1996.
13. Neumann I. European identity, EU expansion, and the integration/exclusion nexus // Alternatives. Boulder (Col.). 1998. Vol. 23.
14. Quigley Charles The Role of Civic Education. Task Force on Civic Education Paper. Communitarian Network. 1995. Washington, DC

References

1. Drobijeva. L. M. Russian identity and consent in interethnic relations: the experience of 20 years of reforms [*Rossiyskay aidentichnost' i soglasie v mezhetnicheskikh otnosheniyakh: opyt 20 let reform*] // Bulletin of the Russian nation. 2012. No. 4-5.
2. Lubskiy A. V. 2015. Interdisciplinary studies: cognitive «fashion» or social «call»- [*Mezhdistsiplinarnye nauchnye issledovaniya: kognitivnaya «moda» ilisotsial'nyy «vzov»*] // Sociological studies. No. 10. P. 3-11.
3. Lubskiy A. V. Is it Possible to combine civic values and patriotism in Russia? [*Mozhno li sovместit' grazhdanskietsennosti s patriotizmom v Rossii?*] // The partnership of University and schools in the field of formation of civil values and patriotism. Rostov n/D: Publishing house of the Foundation of science and education, 2015. P. 10-19.
4. Lubskiy A. V. Russian identity: methodological problems in interdisciplinary scientific researches [*Rossiyskaya aidentichnost': metodologicheskie problem interdistsiplinarnykh nauchnykh issledovaniy*] // proceedings of Sworld: Materials of international scientific-practical conference. 2013. T. 25. No. 2. P. 68-75.
5. Malinova O.Y. Research and policy discourse about identity [*Issledovanie politiki i diskurs ob aidentichnosti*] // Political science: Identity as a factor of politics and the subject of political science. 2005. No. 3. P. 8-20.
6. Murin D. N. The problem of citizenship in Russian literature of XIX century [*Problema grazhdanstvennosti v russkoy literature XIX veka*] // Civic education – pedagogical, social and cultural phenomenon. SPb.: Publishing house “Union”, 2006.
7. Smirnov E. V. the Institutional-role approach to understanding the phenomenon of civic education [*Institutsional'no-rolevoy podkhod k ponimaniyu fenomena grazhdanstvennosti*] // Sociological almanac. 2011. No. 2. P. 246-255.
8. Calhoun C. Critical social theory: Culture, history and the challenge of difference. Oxford: Blackwell. 1995.
9. Castells M. The power of identity. Cambridge, Mass.: Blackwell. 1997.
10. Hall S. Introduction. Who Needs “Identity”? // Questions of cultural identity / Ed. By Hall S., Du Gay P. London.: Sage. 1996.
11. Laclau E. Universalism, particularism and the question of identity // The identity in question / Edited and with an introduction by J. Rajchman. New York: Routledge. 1995.
12. Melucci, A. Challenging codes: Collective action in the information age. Cambridge: Cambridge univ. press. 1996.
13. Neumann I. European identity, EU expansion and the integration/exclusion nexus // Alternatives. Boulder (Col.). 1998. Vol. 23.
14. Quigley Charles The Role of Civic Education. Task Force on Civic Education Paper. Communitarian Network. 1995. Washington, DC.

НЕБОЛЬСИНА

Елена Вахтанговна

кандидат экономических наук,
старший преподаватель МГИМО
МИД России, Москва, Россия
elennebo@gmail.com

NEBOLSINA

Elena Vakhtangovna, candidate of economic sciences,

Senior Lecturer, MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

elennebo@gmail.com

Доверие к научному знанию: прозрачность и благонадежность¹/Trust in scientific knowledge: transparency and trustworthiness

Справедливость в вопросах доверия именуется добросовестностью.

Марк Тулий Цицерон

Аннотация

Современное общество переживает динамичный период, что обусловлено необратимыми изменениями в окружающей среде, неоднозначной геополитической ситуацией, бурным развитием прорывных технологий и наук, последствия чего сопряжены с явными и латентными рисками. В этих условиях возникает необходимость прогнозов о дальнейшем развитии ситуации, за которые отвечают представители научного мира. Однако экспертные мнения нередко подвергаются сомнению, и ученые пытаются выработать соответствующую линию поведения, предполагающую валидность знания. В статье проведен анализ доступных инструментов по измерению доверия с использованием категорий прозрачности и надежности как факторов укрепления доверия к знанию.

Ключевые слова

Доверие; наука; научное знание; ученые; эксперты; прозрачность; надежность.

Abstract

Modern society is undergoing frenetic changes due to irreversible environmental alterations, ambivalent geopolitical situation, rapid growth of breakthrough technologies and science the consequences of which lead to manifest and latent risks. Against this background there is a need for forecast of further situation development which science representatives bear responsibility for. However, expert opinion is often exposed to doubts and scientists are trying to work out the corresponding course of action presupposing validity of knowledge. The article analyses available instruments of measuring trust as well as transparency and trustworthiness as supposed factors of strengthening trust in science.

Keywords

Trust; science; scientific knowledge; scientists; experts; transparency; trustworthiness.

Представители современного общества являются свидетелями серьезных сдвигов в самых различных сферах. В перечень основных вызовов входят природные катаклизмы, масштабные изменения на

геополитической арене, затяжные финансово-экономические кризисы, усиление угрозы терроризма и кибератак, внедрение систем искусственного интеллекта, автономного управления транспортными средствами, использование беспилотников и т.д. Их последствия ведут к явным и латентным рискам, отличающихся своей сложностью, невозможностью компенсации отложенных последствий (например, необратимые изменения климата) затратами ресурсов из иной сферы, а также тем, что они делекализируются¹.

В условиях усложнения социо-природных реалий, ускоряется производство знаний и мнений, что приводит, с одной стороны, к интеграции научного знания, становлению междисциплинарности, а с другой, – «размыванию» феномена исторической преемственности в развитии наук². Вследствие этого возникает потребность в валидных научных данных, и сотни ученых по всему миру трудятся в попытке дать человечеству адекватные ответы на вызовы.

Однако на этом пути есть объективные трудности: современная наука становится «более глобализированной, коммерциализированной, бюрократизированной, политизированной, интердисциплинарной и зависимой от внешних фондов»³. В этой связи результаты исследований ученых, их мнения нередко подвергается сомнению, им доверяют все меньше, и уже распространенным стало утверждение о наступлении кризиса доверия научному знанию. Но есть ли у нас объективные основания полагать, что уровень доверия действительно снизился?

Для аргументации требуются доказательства, которые можно почерпнуть из социологических опросов. Например, IpsosMORI – ведущее исследовательское агентство Великобритании – ежегодно рассчитывает индекс достоверности научного знания, отражающий степень доверия общества представителям различных профессий. Распределение в этом рейтинге весьма стабильно во времени (рис. 1).

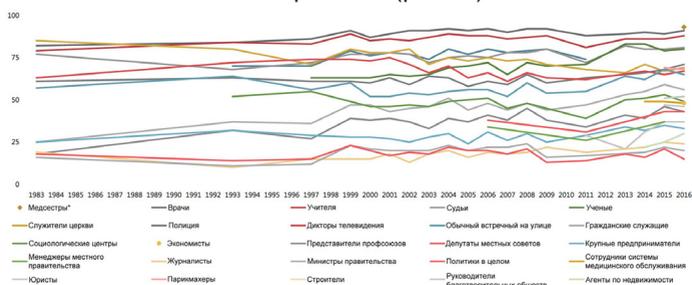

Рис. 1. Индекс достоверности в Великобритании в 1983–2016 гг.

Источник: Enough of Experts? Ipsos MORI Veracity Index 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/migrations/en-uk/files/Assets/Docs/Polls/ipsos-mori-veracity-index-2016-charts.pdf>.

Безусловно, иногда происходят небольшие изменения, и, поскольку

- 1 Кравченко С.А. Доверие к знанию во всемирном обществе риска // Международные процессы, 2016. Том 14. № 2. С. 43.
- 2 Кравченко С.А. Влияние «стрелы времени» на инновационность мышления // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 4 (13). – С. 121.
- 3 Штопка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. С. 407.

эти процессы подвержены эффекту воздействия фрейму восприятия¹, мы вполне можем прогнозировать, каким профессиям и кому из производителей знания будут доверять. Но в целом положение вещей в Великобритании достаточно стабильно: врачи и медицинские работники, как правило, занимают верхние строчки рейтингов доверия, а журналисты, политики и риэлторы всегда замыкают его. Согласно показателю 2016 г. ученым и властям, социологическим центрам доверяет больше людей (порядка 80%), чем, скажем, полиции (71%), служителям церкви (69%) и экономистам (48%)². Таким образом, согласно доступным данным, ярко выраженного кризиса доверия научному знанию не наблюдается, но, тем не менее, некоторая флуктуация мнений действительно имеет место.

Вероятно, социологические опросы не всегда могут предоставить валидную информацию об уровне доверия. П. Бурдьё поставил под вопрос широко распространенные постулаты, лежащие в основе опросов: предполагается, что «производство мнения доступно всем»; «будто все мнения значимы»; предполагается «гипотеза о существовании консенсуса в отношении проблематики»³.

В таком случае, возможно, имеет смысл попробовать более практический подход. Для этого следует, прежде всего, ответить на вопрос – нуждаются ли ученые в ещё большем доверии? Стоит ли им считать повышение уровня доверия в качестве своей цели? Как бы провокационно это ни звучало, но ответом, скорее всего, будет «нет». Если оценить факты объективно, то максимизация доверия – это не самая благоразумная цель для развития научного знания. Анализируя данную проблему, Онора Сильвия О'Нил, профессор философии в Кембриджском университете, предлагает вспомнить о человеке с весьма говорящей фамилией – господине Мэйдоффе⁴ (Madoff, с англ. "madeoff" – скрыться, удрать), который был обвинён в создании крупной финансовой пирамиды, украв деньги у многих граждан. Вряд ли было бы лучше, если бы люди ещё больше доверяли ему, намного важнее, если бы Мэйдофф оказался более достойным доверия – вот, что представляется ключевым моментом в данном вопросе⁵. Ученые и эксперты не столько хотят более высокого уровня доверия, сколько стремятся к распределению доверия и недоверия оптимальным образом: больше доверия к людям, которые достойны его, и больше недоверия к тем, кто доверия не заслуживает. Безусловно, всегда есть неблагонадежные люди от науки, которые, тем не менее, производят симулякры доверия, пытаются сделать так, чтобы другие доверяли им, и добиваются этого различными средствами, и это одна из проблем доверия научному знанию в целом. Другая же заключается в том, что, к сожалению, часто представители общества не доверяют тем, кто этого действительно заслуживает, не стремясь к производству эффектов доверия. В любом

1 Stark, E., Baldwin, A.S., Hertel, A.W., Rothman, A.J. The role of rational and experiential processing in influencing the framing effect. *Journal of Social Psychology*, 2017. Volume 157, Issue 3. P. 308-321.

2 Небольсина Е.В. Влияние «Брексит» на доверие к научному знанию в Великобритании // *Теория и практика общественного развития*, 2017. № 6. – С. 62.

3 Бурдьё П. Общественное мнение не существует // П. Бурдьё. *Социология политики*. М.: Socio-Logos, 1993. С. 161.

4 What is banking for? Remarks by Baroness Onora O'Neill // Federal Reserve Bank of New York. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/governance-and-culture-reform/ONeill-Culture-Workshop-Remarks-10202016.pdf>

5 Ragothaman, S.C. The Mad off debacle: What are the lessons? *Issues in Accounting Education*. 2014. Volume 29. Issue 1. P. 271-279.

случае ясно, что представители науки и иных профессий, производящих знание, скорее хотят быть достойными доверия, чем самого доверия, а также иметь весомые основания для того, чтобы доверять или не доверять тем или иным людям в определенных вопросах. Таким образом, целью академических кругов должно стать повышение уровня благонадежности, и тогда их задачей будет не искусственное производство доверия – скорее, они будут стремиться быть достойными доверия сами и при этом уметь определять, кто заслуживает их доверия. Кроме того, следует понимать, что источником доверия являются другие люди, поэтому было бы ошибкой ставить задачу производить доверие (а не валидное знание!), и здесь ученые вновь возвращаются к задаче дать общественности основание для того, чтобы доверяли им, точнее, их научным результатам.

Допустим, ученые хотят оказывать доверие своим коллегам оптимальным образом в зависимости от того, как они оценивают чью-либо благонадежность. На что же они опираются, когда говорят о благонадежности? Скорее всего, их суждения будут основываться на трех основаниях: человек достоин доверия, если он честен в важных для нас вещах, компетентен, а также, если его честность и компетентность достоверны, потому что недостаточно проявить себя честным и компетентным один раз – если мы хотим доверять человеку, организации или какому-то исследованию, нам нужны, прежде всего, доказательства их честности, компетентности и надежности¹.

Судить о доверии в контексте научной этики довольно сложно. Когда мы как представители общества заполняем анкеты для опросов общественного мнения, то делаем это довольно легко, ведь нам не нужно предоставлять доказательства, что нам «доступно производство мнения» (П. Бурдые) – скорее, это просто реакция, некоторое воспроизводство уже существующего обобщенного мнения. Чтобы судить о чьей-то благонадежности, нам нужно иметь какие-то доказательства и на их основании решить, достоин ли человек нашего доверия в том или ином вопросе, а это уже труднее. Тем более, что мы знаем многих людей, которым можно доверять в одних делах, но нельзя доверять в других – например, у вас может быть друг, честный и компетентный в своей научной сфере, но вы не доверите ему встретить вашего ребенка из школы, потому что знаете, что он забывчив, а значит, в этом случае он ненадежен. Именно здесь возникают основные трудности формирования доверия, и поэтому нам приходится принимать во внимание и габитус доверия, сформированный в процессе социализации, и реальные доказательства, обусловленные контекстом. Это уже имеет непосредственное отношение к тому, что для нас важно, когда мы говорим о науке: нам не очень значимо то, доверяют ли люди ученым в принципе – нам нужно решить, можем ли мы доверять тому или иному конкретному ученому, когда он делает какое-либо важное заявление, касающееся нашей жизнедеятельности, и здесь мы располагаем достаточным набором инструментов, которые могут помочь нам принять такое решение. Это довольно апробированные инструменты – они включают в себя тщательно разработанную систему экспертных заключений, предоставления грантов, публикаций и так далее. Но среди них мы не найдем убеждения, что если перед нами ученый, то его утверждения валидны, близки к истине. Такое

1 O'Neill O. A Practical Look at Trust. ESRC Regulating Doctors. January. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publicservices.ac.uk/wp-content/uploads/onoraoneillpractical-look-at-t-and-t.pdf>

убеждение – это некая карикатура на научный метод, суть которого в том, чтобы всегда иметь возможность проверить или оспорить любые данные. Никто не воспринимает заявления ученых как нечто заведомо истинное, и если бы люди действительно так думали, то они бы просто стали бы жертвами очередного обращения к авторитетному лицу, считая утверждение верным, лишь потому, что оно было сделано неким источником с хорошей репутацией. В этой связи крайне важно ставить под сомнение и проверять любые заявления и утверждения, и если какие-то работы, опубликованные в научных журналах, впоследствии в результате проверки оказываются или ошибочными, или слишком обобщенными, или не совсем верными в том или ином аспекте – это скорее внушает уверенность, чем беспокойство, ведь именно возможность оспорить и проверить работу делает её научной.

Также следует упомянуть такой аспект, как взаимодействие, потому что если мы хотим оценить чью-то благонадежность (а именно это мы и хотим уметь делать и в повседневной жизни, и в профессиональной, и в общественной), то должен быть способ это сделать. При ближайшем рассмотрении оказывается, что мы не можем с первого взгляда определить, кто является компетентным, честным, и на чью честность и компетентность мы можем действительно положиться. За последние годы было предпринято множество попыток создать целые системы отчетности для различных организаций, специалистов и официальных лиц, чтобы простым обывателям было легче судить об их благонадежности. Но внедрение многих из этих систем произвело противоположный эффект: они скорее мешают, чем помогают определиться, доверять или нет. Мы сталкиваемся с этой проблемой и в повседневной жизни, и в различных учреждениях: системы отчетности, призванные повысить уровень доверия и предоставить доказательства благонадежности, латентно работают против нас: люди, выполняющие свою непростую работу по производству знания, вынуждены отвлекаться от неё.

Такое явление, как прозрачность исследований, также вряд ли может быть нам полезно в вопросах доверия, ведь на самом деле это не такая уж значительная интеллектуальная ценность. Прозрачность – это всего лишь размещение информации в открытом доступе. Представители различных организаций регулярно заявляют, что их деятельность абсолютно прозрачна, и под этим следует понимать, что они разместили информацию на своем веб-сайте. Но само по себе это совсем не гарантирует, что кто-то нашел и прочитал эту информацию, понял её и смог критически оценить.

В одной из своих статей профессор О'Нил использует такое понятие, как «интеллектуальная отчетность», которая не может быть реализована посредством прозрачности, но которую можно обеспечить посредством гарантии, и независимо от того, что именно мы хотим сообщить, эта информация будет действительно доступна тем, кому она должна быть доступна и понятна им для потенциального анализа¹. Именно к этому ученым и следует стремиться, если они ищут такого рода научного взаимодействия, которое может стать прочной основой для суждения о чьей-либо благонадежности и неблагонадежности, в то время как прозрачность являет собой весьма слабую основу для такого рода суждений.

Таким образом, сложившаяся ситуация с производством научного знания, его явных и латентных рисков представляется весьма сложной

1 O'Neill, O. (2013). Intelligent accountability in education. *Oxford Review of Education*, Volume 39. Issue 1. P. 4-16.

и актуальной: симулякры доверия, искусственные бренды, прозрачность по-прежнему восхваляются как некие референты, способные обеспечить представителям научной среды доверие окружающих – но это не так. На что ученым действительно нужно обратить внимание, и что стало источником серьезных изменений за последний десяток лет – это трансформации процесса общения и, в частности, то количество анонимного общения в виде невидимых колледжей, вытесняющих научные школы¹, что мы сейчас наблюдаем. Разновидности такого вида общения существовали всегда, но если задуматься, то анонимное общение, или, скорее, анонимная рассылка сообщений весьма похожа на ситуацию, когда кто-то, спрятавшись за углом, кидает камешки в другого человека. В этом случае нападающий не дает собеседнику возможности аргументировано ответить, то есть не берет на себя никаких обязательств и не участвует в по-настоящему взаимном общении, а именно это сейчас и необходимо в науке и в других сферах. Только посредством реализации механизма обратной связи можно добиться эффективной перестройки отношений ученых с обществом. Возможно, уже сейчас на фоне возникших и отложенных рисков стоит серьезно задуматься над внедрением подобной практики, чтобы повысить авторитет и научного знания, и конкретных ученых.

Библиография

1. Бурдые П. Общественное мнение не существует // П. Бурдые. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
2. Кравченко С.А. Доверие к знанию во всемирном обществе риска // Международные процессы, 2016. Том 14. № 2. С. 38–47.
3. Кравченко С.А., Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования, 2015. № 10. С. 22-30.
4. Небольсина Е.В. Влияние «Брексит» на доверие к научному знанию в Великобритании // Теория и практика общественного развития, 2017. № 6. – С. 61-65.
5. Штопка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. – 440 с.
6. Crane, D. Social Structure in a Group of Scientists: A Test of the “Invisible College” Hypothesis // American Sociological Review, 1969. № 34. P. 335-352.
7. Enough of Experts? Ipsos MORI Veracity Index 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/migrations/en-uk/files/Assets/Docs/Polls/ipsos-mori-veracity-index-2016-charts.pdf>
8. O’Neill O. A Practical Look at Trust. ESRC Regulating Doctors. January, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publicservices.ac.uk/wp-content/uploads/onora-oneillpractical-look-at-t-and-t.pdf>
9. O’Neill, O. Intelligent accountability in education. Oxford Review of Education, Volume 39. Issue 1, 2013. P. 4-16.
10. Ragothaman, S.C. The Mad off debacle: What are the lessons? Issue in Accounting Education. 2014. Volume 29. Issue 1. P. 271-279.
11. Stark, E., Baldwin, A.S., Hertel, A.W., Rothman, A.J. The role of rational and experiential processing in influencing the framing effect. Journal of Social Psychology, 2017. Volume 157, Issue 3. P. 308-321.
12. What is banking for? Remarks by Baroness Onora O’Neill // Federal Reserve Bank of New York. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/governance-and-culture-reform/ONeill-Culture-Workshop-Remarks-10202016.pdf>

References

1. Bourdieu P. Public opinion does not exist [*Obshchestvennoe mnenie ne sushchestvuet*] // P. Bourdieu. Sociology of politics. M.: Socio-Logos, 1993.
2. Kravchenko S.A. Trust in knowledge in a global risk society [*Doverie k znaniyu vo vseмирном obshchestve riska*] // International processes, 2016. Volume 14. № 2. P. 38-47.
3. Kravchenko SA, Salygin V.I. A new synthesis of scientific knowledge: the formation of interdisciplinary science [*Novyj sintez nauchnogo znaniya: stanovlenie mezhdisciplinarnoy nauki*] // Crane, D. Social Structure in a Group of Scientists: A Test of the “Invisible College” Hypothesis // American Sociological Review, 1969. № 34. P. 335-352.

ciplinarnoj nauki// Sociological research, 2015. № 10. P. 22-30.

4. Nebolsina E.V. The influence of Brexit on the credibility of scientific knowledge in the UK // [*Vliyaniye «Breksit» na doverie k nauchnomu znaniyu v Velikobritanii*]/ Theory and practice of social development, 2017. № 6. - P. 61-65.

5. Sztompka P. Trust is the foundation of society [*Doverie – osnova obshchestva*]. M.: Logos, 2012. - 440 p.

6. Crane, D. Social Structure in a Group of Scientists: A Test of the "Invisible College" Hypothesis // *American Sociological Review*, 1969. № 34. P. 335-352.

7. Enough of Experts? Ipsos MORI Veracity Index 2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/migrations/en-uk/files/Assets/Docs/Polls/ipsos-mori-veracity-index-2016-charts.pdf>

8. O'Neill O. A Practical Look at Trust. ESRC Regulating Doctors. January. 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.publicservices.ac.uk/wp-content/uploads/onora-oneillpractical-look-at-t-and-t.pdf>

9. O'Neill, O. Intelligent accountability in education. *Oxford Review of Education*, Volume 39. Issue 1, 2013. P. 4-16.

10. Ragothaman, S.C. The Mad off debacle: What are the lessons? *Issue in Accounting Education*. 2014. Volume 29. Issue 1. P. 271-279.

11. Stark, E., Baldwin, A.S., Hertel, A.W., Rothman, A.J. The role of rational and experiential processing in influencing the framing effect. *Journal of Social Psychology*, 2017. Volume 157, Issue 3. P. 308-321.

12. What is banking for? Remarks by Baroness Onora O'Neill // Federal Reserve Bank of New York. 2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/governance-and-culture-reform/ONeill-Culture-Workshop-Remarks-10202016.pdf>

РОЖКОВА

Лилия Валерьевна

*доктор социологических наук, профессор кафедры «Экономическая теория и международные отношения», «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия
mamaeva_lv@mail.ru*

ROZHKOVA

Lilia Valeryevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department "Economic Theory and International Relations", "Penza State University", Penza, Russia

mamaeva_lv@mail.ru

ГОЛУБЕВ

Илья Александрович

rugahidekki@mail.ru

GOLUBEV

Ilya Alexandrovich

rugahidekki@mail.ru

Сущность и структура индивидуального образовательного потенциала/ Essence and structure of individual educational potential

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические аспекты образовательного потенциала индивидов, раскрывается его сущность, выявляются и анализируются структурные компоненты индивидуального образовательного потенциала.

Ключевые слова

Образовательный потенциал; структура; индивид.

Abstract

Theoretical aspects of individuals' educational potential of are discussed in the article, its essence is revealed, structural components of individual educational potential are identified and analysed.

Keywords

Educational potential; structure; individual.

Формирование и повышение рационального использования образовательного потенциала индивидов является актуальным в силу потребности развития образовательного потенциала нации, активного включения российских граждан в реализацию социально-экономических, инновационных, социокультурных проектов в интересах роста экономики, поступательного развития общества, страны в макро-перспективе.

В научной литературе образовательный потенциал определяется по-разному, но практически все исследователи в индивидуальный образовательный потенциал включают, во-первых, способности, качества, свойства личности, во-вторых, возможности, которые предоставляет система образования для их формирования и развития. Так, И. Н. Молчанов включает в образовательный потенциал комплекс характеристик системы образования, объем, качество знаний, усвоенные населением¹. М. Н. Плутова рассматривает образовательный потенциал населения и характеризует его, с одной стороны, как совокупность компетенций

(научные и образовательные ресурсы); с другой, как возможности использования научных и образовательных ресурсов с позиции имеющихся для этого ресурсов и условий¹. По мнению В. Н. Лупандина образовательный потенциал предстает как совокупность знаний, навыков, умений, которые получены индивидом в результате образования и позволяют ему осуществлять профессиональную деятельность². М. Н. Макарова определяет образовательный потенциал через систему индивидуальных качеств: личностных и профессиональных, необходимых для осуществления профессиональной деятельности³. В рамках экономико-социологического анализа социолог рассматривает индивидуально-личностный аспект образовательного потенциала как возможности использования индивидом своих образовательных ресурсов для развития способностей, творческих сил, самореализации личности в социально-экономической системе⁴. М. Н. Макарова выделяет три взаимосвязанных формы образовательного потенциала: это образовательные условия, ресурсы и достижения. Она отмечает, что реализация образовательного потенциала индивида (трудоустройство по специальности) возможна при определенных условиях: во-первых, созданных внутри системы образования (качество подготовки и др.), во-вторых, созданных вне его, но с ним непосредственно взаимосвязанных (наличие рабочих мест и др.)⁵.

Обобщая разные точки зрения на сущность образовательного потенциала индивида, его можно определить как совокупность свойств, способностей, ориентаций, мотиваций индивида, а также возможностей использования этой совокупности качеств и свойств индивида при имеющихся условиях и социальных ресурсах. Формирование и реализация образовательного потенциала определяется, с одной стороны, совокупностью потребностей, ценностных ориентаций, социальных установок, мотивов, личностных качеств и особенностей индивида, с другой стороны, факторами, возможностями для реализации способностей индивида, которые предоставляются системой образования, определяют возможности обучения и границы участия в трудовой деятельности. Индивидуальный образовательный потенциал формируется (процесс усвоения ролей и функций, принятых в социальной среде (вуз), развивается (оптимизация на основе количественных показателей и повышение его качественных характеристик) и реализуется (рационально используются разные способы реализации – образовательные, профессиональные цели)⁶.

На формирование и развитие образовательного потенциала влияют три группы факторов: макро-факторы, мезо-факторы, факторы

¹ Молчанов, И. Н. Потенциал высшего профессионального образования: теоретико-методологические основы исследования: монография / И. Н. Молчанов. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2008. – 245 с. С. 28

² Плутова, М. И. Образовательный потенциал экономически активного населения, как результат взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг / М. И. Плутова // Интернет-журнал Науковедение. – 2014. – № 6. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/149EVEN614.pdf>

³ Лупандин, В. Н. Социология молодежи / В. Н. Лупандин. – Орел: Изд-во Орловского государственного технического университета, 2011. – 238 с.

⁴ Макарова, М. Н. Особенности воспроизводства образовательного потенциала рабочих в современном российском обществе: социологический анализ : автореф. дисс. ... докт. социол. наук : 22.00.04 / Макарова М. Н. – Ижевск, 2007. – 51 с. С. 17-18

⁵ Макарова М.Н. Реализация основных типов воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе // Вестник удмуртского университета. 2006. №3. С. 56–67. С. 57

⁶ Там же С. 60

личностного порядка (рисунок 1).

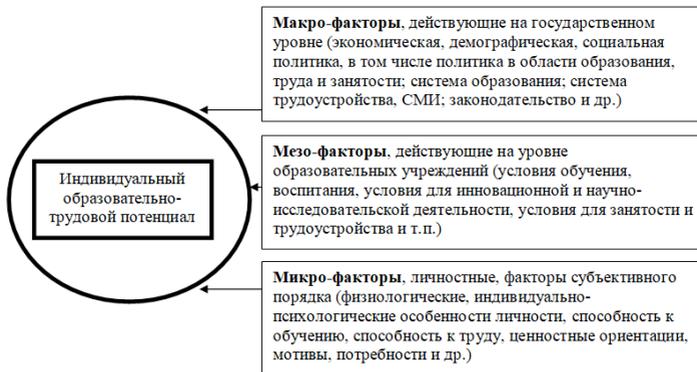

Рисунок 1 – Факторы, оказывающие влияние на формирование, развитие, реализацию индивидуального образовательного потенциала

Обратимся к анализу структуры индивидуального образовательного потенциала. Нам представляется, что образовательный потенциал имеет многокомпонентную структуру, включает в себя: индивидуально-психологические, физические личностные особенности личности; потребности, ценностные ориентации, мотивы; социальные ресурсы; социальные факторы - условия, возможности для развития способностей индивида (рисунок 2).

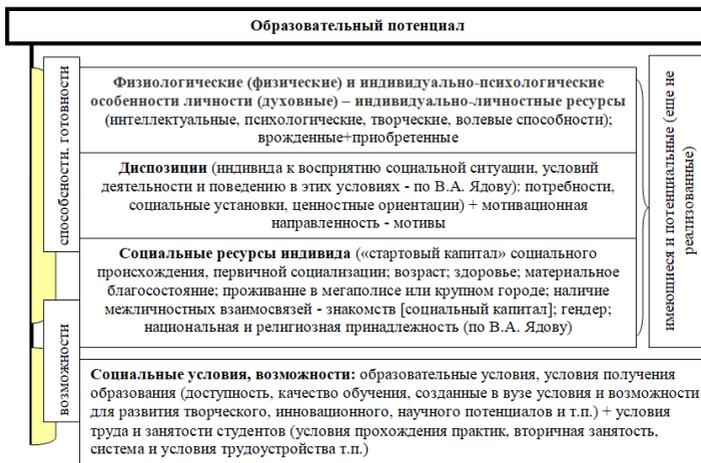

Рисунок 2 – Структура образовательного потенциала

Рассмотрим структуру индивидуального образовательного потенциала.

Во-первых, это физические и индивидуально-психологические особенности индивида. Эта сфера раскрывается через понятие личностного потенциала в рамках психологической науки как уровня личностной зрелости. Д. А. Леонтьев рассматривает индивидуально-психологические особенности как лежащие в «...основе способности

личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности»¹. Физиологических особенности индивидов влияют на развитие их способностей как индивидуально-психологических особенностей, необходимых для осуществления определенного вида деятельности. С точки зрения психологов, формирование способностей происходит под воздействием различных условий жизнедеятельности, обучения, воспитания. Однако при наличии равных условий их развитие у разных индивидов одинаково. По мере развития психики у индивида появляются определенные качества. Наряду со способностями, талантом, особенностями темперамента, памяти, характера, важное значение имеет и окружающая среда. Д. Э. Абдувахובה отмечает, что индивидуальные психологические особенности управляют становлением развитием индивида как личности, обучение, воспитание индивида - играют решающую роль¹. Успешность обучения является одним из показателей формирования образовательного потенциала. Кажется тривиальным на первый взгляд положение о влиянии способностей на успешность обучения, однако оно неоднозначное. Многие зависят от места способностей в структуре, ценностной системе личности, влияния на развитие других качеств личности. При этом эмпирически установлена только связь успешности обучения и специальных способностей: сенсорные, моторные и др. По мнению С. Д. Смирнова, с одной стороны, в большинстве случаев успешное обучение в учебном заведении определенного профиля недоступно для лиц с невысоким уровнем развития профессионально-важных, специальных способностей, с другой стороны, успешное обучение совпадет с формированием специальных способностей². Исследователь Э. О. Леонтьева выделяет группу «необучаемых», которые не способны к обучению в силу интеллектуальной и психической неуравновешенности³.

Следует отметить, что изучение взаимосвязи психического развития личности с образованием и трудовой деятельностью традиционно является сферой психологии и педагогики. В социологии акцент делается на исследовании ценностей и ориентаций индивидов, в том числе и в образовательной сфере.

Во-вторых, в структуру образовательного потенциала следует включить потребности, мотивы, социальные установки, ценностные ориентации. Изучение ценностей и ценностных ориентаций актуальное направление в социологии, поскольку сложившаяся ценностная система общества позволяет выявить его состояние, потенциал, перспективы развития. В социологии ценности рассматриваются как идеалы, основные цели индивидов и общества. По мнению Н. И. Лапина, ценности представляют собой цели и средства, выполняющие роль фундаментальных, основополагающих культурных норм³. Они являются убеждениями индивида относительно важности или значимости для него лично определенного явления или объекта. В повседневной жизни они проецируются на ценностные ориентации. Последние представляют своего рода ось сознания, которая обеспечивает устойчивость личности,

1 Лупандин, В. Н. Социология молодежи / В. Н. Лупандин. – Орел: Изд-во Орловского государственного технического университета, 2011. – 238 с.

2 Личностный потенциал. Структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – 675 с. С. 8

3 Абдувахובה, Д. Э. Психологические особенности обучения в процессе образования / Д. Э. Абдувахובה, М. К. Кадырова, Ш. Н. Эрнарарова // Молодой ученый. – 2014. – № 8. – С. 912–914. С. 912

направленность поведения, определяются потребностями и интересами¹. Ценностные ориентации взаимосвязаны с потребностями, интересами, мотивами индивидов. Мотивы связаны с удовлетворением потребностей; ценностные ориентации и мотивы связаны с направленностью и активностью личности.

Индивиды выстраивают различные образовательные стратегии; формируют, развивают (система образования) и реализовывают (система занятости и трудоустройства) свой потенциал. Таким образом, анализ образовательного потенциала может проводиться через: оценку образования и труда как ценностей; факторов достижения учебного и трудового успеха; мотивов получения и продолжения образования; учебных стратегий; трудовых, экономических ориентаций; предпочтений в выборе будущей работы; трудовых планов и стратегий; вторичной занятости; качества обучения и образовательных условий; вузовских условий для обеспечения занятости и трудоустройства.

В-третьих, образовательный потенциал включает социальные ресурсы индивида. В научной литературе выделяется два типа социальных ресурсов: это природные данные (возраст, здоровье и др.) и приобретенные ресурсы (образование, профессия и др.). В. А. Ядов рассматривает социальный ресурс индивида как совокупность элементарных единиц: «стартовый капитал»; возраст; здоровье; образование; материальное положение; гендер; проживание в мегаполисе или крупном городе; система связей и знакомств и др.². Е. Ядова, А. Помазан, А. Седунова проводят анализ «ресурсных групп»: возраст; образование; материальное положение; место проживания. На основе исследований они приходят к выводу о более высокой субъектности молодых, образованных, состоятельных, жителей городов³. Можно предположить, что некоторые социальные ресурсы индивидов, такие как, возраст, гендер, уровень материального благосостояния, тип поселения проживания и др. могут выступать факторами, которые способствуют либо препятствуют формированию и реализации индивидуального образовательного потенциала. Данные социологических исследований подтверждают влияние социальных ресурсов (гендер, материальные, территориальные; система связей и знакомств и др.) на формирование и реализацию образовательного потенциала индивида. Так, например, по результатам социологического исследования, проведенного среди студенческой молодежи вузов Поволжья (2010 г., n=1254, Л. В. Рожкова), студенты из сельской местности больше, чем студенты из больших городов хотят получить высшее образование. Получить хорошее образование в большей мере хотели бы девушки, чем юноши. С увеличением курса обучения, возраста несколько снижается стремление респондентов к получению хорошего образования. Среди студентов из неполных семей несколько больше лиц, которые хотят получить хорошее образование. По данным другого исследования среди студентов вузов Поволжья (2015 г., n = 375, И. А. Голубев) установлено,

1 Смирнов, С. Д. Психологические факторы успешной учебы студентов вуза / С. Д. Смирнов // Вестник Московского университета: Научный журнал. – 2004. – № 1. – С. 10–35 С. 16

2 Леонтьева, Э. О. Категория «необучаемых» студентов как социальная база массового российского университета: пример дальневосточных вузов / Э. О. Леонтьева // Доклад для участия в XV Апрельской конференции по проблемам развития экономики и общества. – URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/8e49f43399be80afec5f28431567cc8d6.docx>

3 Лалин, Н. И. Ценности и знания. Мониторинг «Наши ценности и интересы» / Н. И. Лалин // Социология. – 2004. – № 1. – С. 38–41. С. 38

что уровень материального благосостояния родителей взаимосвязан с активными образовательными стратегиями: стремятся к получению хорошего образования больше студенты из высокообеспеченных семей, чьи родители имеют высшее образование. Значимость «нужных связей» для получения образования и последующего трудоустройства возрастает при снижении уровня материальной обеспеченности семьи и увеличении курса обучения.

В-четвертых, формирование и реализация образовательного потенциала связана с возможностями, социальными условиями, способными развивать способности индивида. К ним можно отнести две группы: образовательные условия: доступность, качество обучения, вузовский условия для развития творческого, научного, инновационного потенциалов; вузовские условия, которые способствуют самореализации в труде: гарантии, система и условия занятости и трудоустройства. По данным исследования среди студентов вузов Поволжья (2015 г., n = 375, И. А. Голубев) около половины респондентов положительно оценивают качество обучения, техническое оснащение в вузе; около трети – высоко оценивают условия, созданные в вузе для развития их творческого, инновационного, научного потенциала. Чуть меньше половины студентов уверены в соответствии качества вузовской подготовки требованиям работодателей; около четверти - имеют общие представления о возможностях занятости и гарантиях трудоустройства выпускников. Более того, только половина респондентов знакомы с региональными программами, которые содействуют трудоустройству современной молодежи.

Таким образом, образовательный потенциал можно определить как двуединую систему: с одной стороны, совокупность потребностей, мотивов, ценностных ориентаций, социальных установок, личностных качеств и особенностей индивида, с другой стороны, факторы и возможности для реализации способностей индивида, предоставляемые системой образования, которые определяют возможности обучения индивида и границы его участия в трудовой деятельности. Для формирования и реализации образовательного потенциала необходимо наличие комфортной образовательной среды, позволяющей индивиду овладеть набором компетенций и использовать их в трудовой деятельности в своей профессии или другой профессиональной сфере.

Библиография

1. Абдувахובה, Д. Э. Психологические особенности обучения в процессе образования / Д. Э. Абдувахובה, М. К. Кадырова, Ш. Н. Эрнарзорова // Молодой ученый. – 2014. – № 8. – С. 912–914.
2. Лапин, Н. И. Ценности и знания. Мониторинг «Наши ценности и интересы» / Н. И. Лапин // Социология. – 2004. – № 1. – С. 38–41.
3. Леонтьева, Э. О. Категория «необучаемых» студентов как социальная база массового российского университета: пример дальневосточных вузов / Э. О. Леонтьева // Доклад для участия в XV Апрельской конференции по проблемам развития экономики и общества. – URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/8e49f43399be80afec5f28431567cc8d6.docx>
4. Личностный потенциал. Структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – 675 с.
5. Лупандин, В. Н. Социология молодежи / В. Н. Лупандин. – Орел: Изд-во Орловского государственного технического университета, 2011. – 238 с.
6. Макарова, М.Н. Реализация основных типов воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе // Вестник удмуртского университета. 2006. №3. С. 56–67.
7. Макарова, М. Н. Особенности воспроизводства образовательного

потенциала рабочих в современном российском обществе: социологический анализ : автореф. дисс. ... докт. социол. наук : 22.00.04 / Макарова М. Н. – Ижевск, 2007. – 51 с.

8. Молчанов, И. Н. Потенциал высшего профессионального образования: теоретико-методологические основы исследования: монография / И. Н. Молчанов. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2008. – 245 с.

9. Плутова, М. И. Образовательный потенциал экономически активного населения, как результат взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг / М. И. Плутова // Интернет-журнал Науковедение. – 2014. – № 6. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/149EVN614.pdf>

10. Смирнов, С. Д. Психологические факторы успешной учебы студентов вуза / С. Д. Смирнов // Вестник Московского университета: Научный журнал. – 2004. – № 1. – С. 10–35

11. Чупров, В. И. Ценности // Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – 608 с.

12. Ядов, В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе / В. А. Ядов // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. – М., 2001. – С. 310–319

13. Ядова, Е. Н. Социальный ресурс личности и идентификационные ориентации россиян (опыт вторичного анализа исследования 1992 г.) / Е. Н. Ядова, А.Н. Помазан, А. В. Седунова // СОЦИС. – 2001. – № 12. – С. 122–129

References

1. Abduvakhobova, DE Psychological features of education in the education process [*Psihologicheskie osobennosti obucheniya v processe obrazovaniya*] // D. E.H. Abdvahobova, M. K. Kadyrova, SH. N. E.Hrnazarova // Young Scientist – 2014. – № 8. – S. 912–914.

2. Lapin, NI Values and knowledge. Monitoring “Our values and interests” [*Cennosti i znaniya. Monitoring «Nashi cennosti i interesy»*] // N. I. Lapin // Sociology. – 2004. – № 1. – S. 38–41.

3. Leont'eva, E.H. O. he category of “untrained” students as a social base of the mass Russian university: an example of Far Eastern universities [*Kategoriya «neobuchaemykh» studentov kak social'naya baza massovogo rossijskogo universiteta: primer dal'nevostochnyh vuzov*] / E.O.Leontiev // report for participation in the XV April conference on the problems of economic development and society. – URL: <http://regconf.hse.ru/>

4. The personal potential. Structure and Diagnostics [*Lichnostnyj potencial. Struktura i diagnostika*] / pod red. DA Leontief. – M.: Sense, 2011. – 675 s.

5. Lupandin, V. N. Sociology of Youth [*Sociologiya molodyozhi*] / V. N. Lupandin. – Orel: I Publishing House of Orel State Technical University, 2011. – 238 s.

6. Makarova MN Realization of the main types of reproduction of educational potential in modern society [*Realizaciya osnovnyh tipov vosproizvodstva obrazovatel'nogo potenciala v sovremennom obshchestve*] // Bulletin of the Udmurt University. 2006. № 3.

7. Makarova MN Features of the reproduction of the educational potential of workers in modern Russian society: sociological analysis: author's abstract [*Osobennosti vosproizvodstva obrazovatel'nogo potenciala rabochih v sovremennom rossijskom obshchestve: sociologicheskij analiz*] diss. ... Doct. sociol. Sciences: 22.00.04 / Makarova MN – Izhevsk, 2007. – 51 p.

8. Molchanov IN Potential of higher professional education: theoretical and methodological bases of research: monograph [*Potencial vysshego professional'nogo obrazovaniya: teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya: monografiya*] / IN Molchanov. – Moscow: Faculty of Economics, Moscow State University, TEIS, 2008. – 245 p.

9. Plutova, MI Educational potential of economically active population, as a result of interaction of the labor market and the market of educational services [*Obrazovatel'nyj potencial ehkonomicheski aktivnogo naseleniya, kak rezul'tat vzaimodejstviya rynka truda i rynka obrazovatel'nyh uslug*] / M. I. Plutova // Internet Journal of Science. – 2014. – No. 6. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/149EVN614.pdf>

10. Smirnov, SD Psychological factors of successful study of university students [*Psihologicheskie faktory uspeshnoj ucheby studentov vuzov*] / SD Smirnov // Bulletin of Moscow University: Scientific Journal. – 2004. – No. 1. – P. 10–35

11. Chuprov, V. I. Values // Sociology of Youth: encyclopedic dictionary [*Sociologiya molodezhi: ehnciklopedicheskij slovar'*] / отв. Ed. Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov. – M.:

Academia, 2008. - 608 p.

12. Yadov, VA The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for investigating real stratification in Russian society [*Social'nyj resurs individov i grupp kak ih kapital: vozmozhnost' primeneniya universal'noj metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossijskom obshchestve*]/ VA Yadov // Who and where does Russia seek to lead? Actors of macro, meso and micro levels of the modern transformation process. - M., 2001. - P. 310-319

13. Yadova, EN The social resource of the individual and the identification orientations of Russians (the experience of secondary analysis of the 1992 study) [*Social'nyj resurs lichnosti i identifikacionnye orientacii rossiyan (opyt vtorichnogo analiza issledovaniya 1992 g.)*]/ E. N. Yadova, A.N. Pomazan, A. V. Sedunova // SOCS. - 2001. - No. 12. - P. 122-129

КОНФЕРЕНЦИИ CONFERENCES

КРАВЧЕНКО

*Сергей Александрович,
доктор философских наук,
профессор, МГИМО Университет
МИД РФ, Москва, Россия
sociol7@yandex.ru*

KRAVCHENKO

*Sergey Alexandrovich, Doctor of
Philological Sciences, professor,
MGIMO University MID RF, Moscow,
Russia
sociol7@yandex.ru*

Настоящее и будущее социологии: к итогам XIII конференции ECA/ The present and future of sociology: to the results of the 13th ECA conference ¹

13-я Конференция Европейской социологической ассоциации, состоявшейся в 2017 году в Греции (Афины) стала достоянием истории. По проблемам, поднятым на ней, можно судить о характере современной социологической науки и её будущем. Отметим десять, на наш взгляд, наиболее интересных новаций.

1. Ф. Велз, Президент Европейской социологической ассоциации, выдвинул идею изучения неопределенностей и турбулентностей современных реалий через призму исследования динамики типов мышления социальных акторов, по характеру которых можно судить о трендах общественного развития, прогнозировать типичные решения и действия людей.

2. М. Кастельс обосновал положение о «сложных кризисах», с которыми ныне столкнулась Европа. У них интегральная природа, предполагающая взаимопереплетение финансового, экономического, социального, политического, идеологического, морального, миграционного кризисов.

3. Академиком РАН М.К. Горшковым была презентована книга «Российское общество в контексте кризисных реалий: внутренние и внешние факторы». В ней дана комплексная диагностика кризисных процессов в России в сравнении с Европой и миром.

4. М. Вевьёрка раскрыл четыре новых вызова (метафорически обозначив их «силами дьявола»), с которыми столкнулись европейцы: 1) ксенофобия, подрывающая способность Европы представлять гуманистические ценности; 2) «новый расизм» («нео-расизм»), стигматизирующий людей не столько по физическим или биологическим признакам, сколько по «культурной неспособности» к усвоению ценностей Европы; 3) возврат антисемитизма, «проявляющийся в гораздо большем насилии, чем в прошлом»; 4) «глобальный терроризм». Что особенно ценно, – дан анализ источников глобального терроризма в благополучной

1 * Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 16-18-10411.

социальной среде, что, полагаю, нуждается в развитии и конкретизации в отечественной социологии.

5. Была презентована последняя, посмертно изданная книга З. Баумана «Ретротопия» (ностальгия об утопическом прошлом), в которой исследованы факторы боязни будущего. Как считает социолог, ностальгия стала «глобальной эпидемией», её глубинные причины в рукотворной деятельности самих людей – «необязательных человеческих выборах», среди которых: «цивилизационный процесс» был нацелен на реформирование человеческих манер, но не человеческих предрасположенностей и импульсов, стирание различий между «хорошим насилием» и «плохим насилием», распространение прагматизма являющегося-де «вершиной рациональности». Преодоление глобальной эпидемии ностальгии Бауман связывает с необходимостью перехода к иному тренду развития, развития культуры диалога, способствующей гуманизации человеческих отношений и единению «мы» с «они».

6. В. Роудометоф, профессор социологии Кипрского университета, посмотрел свежим взглядом на последствия глобализации, соотношение глобального и локального. По его мнению, глокализации есть процесс «преломления глобализации через локальное, результатом чего является глокальное», которое не сводится к доминированию западных ценностей – структуры образования, бюрократии, вообще все культурные реалии функционируют в Греции иначе, чем в Америки или Великобритании. Автор ратует за «глокальный поворот» в социологии, мотивируя его тем, что фактически мир не движется к однообразию или исключительности, а, напротив, состоит из фрагментов и смешений.

7. Британский социолог Н. Маррес показал существенное расширение предметной сферы цифровой социологии. Еще в начале XXI века её представители практически занимались только изучением влияний цифровых реалий на социальные и культурные аспекты функционирования средств массовой информации. Сегодня же они предложили новую цифровую форму анализа социальных реалий, в частности, обосновав инструментарий «нешкаловой» формы социального исследования; ими изучаются латентные последствия прихода в нашу жизнь мобильных телефонов и сматфонов; акцент на значимости «социо-технических социальных практик» позволил «переоткрыть» возможности теоретико-методологического инструментария феноменологии, этнометодологии, формально-релятивистской социологии Г. Зиммеля; практическая значимость – по характеру аккаунта индивидов можно изучать суицидальные риски.

8. К. Зазар из Загребского университета (Хорватия), выступивший с докладом «От механической через органическую к гомеостатической солидарности», обосновал идею о возможном образовании солидарностей не на принципе разделения труда (Э. Дюркгейм), а на основе симпатий

людей друг к другу, общности интересов и вкусов.

9. Многие выступавшие отмечали, что у молодежи Европы есть запрос на привлекательный и вместе с тем реалистичный образ будущего, однако её валидной концепции пока не предложено. Обсуждалась проблема ориентации части молодежи на поиск субъективностей не в реальном, а виртуальном мире. Думается, российским социологам следует обратить внимание на исследование того, какие виртуальные субъективности формируются в социальных сетях – для ряда многих молодых россиян они, подчас, становятся референтными субъективностями, вытесняют институциональных «значимых других».

10. Закрытие Форума ознаменовалось представлением инновационной теории модерна. Немецкий социолог Х. Роза представил интегральную макро-микро и объектно-субъектную теорию, органически включающую в себя две концепции – динамичную стабилизацию и резонансную субъективность. Её квинтэссенция: мы вступаем в «высокоскоростное общество» что объективно предполагает рост, ускорение, инновации во всех сферах человеческой жизни. Соответственно, необходим переход к формированию резонансной самости, учитывающей реалии высокоскоростного общества, развивающей диалоговые отношения по трем направлениям: с «вещами» (материальный резонанс), с «людьми» (социальный резонанс), с жизнью или миром (вертикальный резонанс).

Полагаем, выдвинутые на Форуме новации станут импульсом для развития социологического знания в настоящем и будущем. Отрадно, что многие из них имеют гуманистический стержень.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

SOCIOLOGY OF YOUTH

МАКАРЕНКОВ

Евгений Викторович

Доктор философских наук, профессор кафедры

«Информационная аналитика и политические технологии»

МГТУ имени Н.Э.Баумана

8.916.109.84.77

MAKARENKOV

Evgeniy Viktorovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department

«Information Analytics and Political Technologies»

MSTU of the name. NE Bauman

8.916.109.84.77

Некоторые аспекты девиантного поведения современной молодежи / Several aspects of deviant behavior of modern youth

Аннотация

В статье изложены проблемные аспекты девиантного поведения современной молодежи, анализируются некоторые причины девиантности молодежных субкультур, факторы вовлеченности части молодых людей в антисоциальные и криминальные структуры, раскрываются формы протестного движения отдельных групп молодежи, показана роль государственных институтов в создании благоприятных экономических условий и правовых гарантий для самореализации молодых граждан.

Ключевые слова

Молодежь; политика; общество; девиантность; социальный мониторинг; протестное движение.

Abstract

The article sets out the problematic aspects of the implementation of youth policy in the Russian Federation, which are oriented to enhancing the participation of young people in the political and socio-economic activities of the modern Russian society and countering the forms of its deviant behavior in modern conditions, was presented the role of state institutes in creating conducive economical conditions and legal guarantees for self-realization of young citizens.

Keywords

Youth; state; policy; society; deviance; social monitoring; protest movement.

Динамичное развитие гражданского общества в Российской Федерации в начале третьего тысячелетия характеризуется чрезвычайно сложными и противоречивыми процессами, сопровождающимися существенными социально-экономическими преобразованиями и переменами под воздействием множества разнонаправленных по своей природе факторов, непосредственно влияющих на социум и в особенности на современную молодежь. В жестких условиях внешнеполитического давления, несмотря на пролонгацию санкций, ограничивающих доступ к мировым ресурсам ряда зарубежных стран, Россия, обеспечивая свой суверенитет и независимость, демонстрирует приверженность к самостоятельному решению внешних и внутренних социально-экономических проблем,

не исключая стратегические задачи по обеспечению национальной безопасности, защите интересов, конституционных прав и свобод своих граждан. При этом, вполне закономерно, что укрепление общих для многонационального государства фундаментальных основ духовно-нравственных ценностей, формирование достойного отношения молодого поколения к истории России, гуманизму, единству культур, уважению к семейным и конфессиональным традициям, патриотизму являются приоритетными направлениями консолидации российского общества.¹

Несмотря на ряд заслуживающих внимание позитивных эффектов реализации молодёжной политики при участии государства и институтов гражданского общества, максимизация учёта интересов российской молодежи в современных условиях актуализирует необходимость создания более благоприятных условий для социализации молодого поколения, формирования единого понимания стратегического курса и ориентиров будущего России.

История развития цивилизаций свидетельствует о масштабности вклада молодого поколения в решение глобальных проблем и укрепление основ общества. Обладая значительным потенциалом, молодёжная субкультура, как особый социальный феномен и самостоятельная демографическая группа, выступает носителем прогрессивных творческих, интеллектуальных и новаторских идей, способная кардинально изменить ход реформирования в экономической и социальной сферах.

Бесспорно, статус молодёжи, как особой социально-возрастной группы, качества которой характеризуются предрасположенностью к динамизму достижения нового образа жизни, определению приоритетности жизненных ценностей, формированию устойчивой внутренней позиции по отношению к себе и окружающему социуму по критериям оценки добра, чести, достоинства, права и долга, постигаемых в процессе социализации, определяет духовный облик молодого поколения. Поэтому именно ответственность в процессе достижения жизненных целей подчёркивает приверженность молодёжи к инновационным изменениям и поиску новых путей трансформации общественных отношений.

Между тем в силу специфики своего социального статуса, а также выполняемых ролевых функций, высокой степени мобильности и одновременно с этим психолого-эмоциональной неустойчивости отдельных социальных групп и личностей, существует опасность активизации негативных форм девиантного и деликвентного поведения среди молодёжи, повышения асоциальной активности части молодого поколения, противоречащих нравственным, социальным и правовым нормам общества.

В рамках исследования указанной проблематики целесообразно исходить из общего понимания дефиниций «девиация» (от лат. *deviatio* – отклонение) и «деликт» (от лат. *delictum* – проступок, правонарушение), как потенциально опасных социальных явлений, возникающих в отдельных молодёжных группах, в той или иной мере подлежащих предупреждению, недопущению распространения либо административно-уголовному наказанию. Основу критерия девиантности молодёжи составляют отклонения в поступках, действиях (или бездействиях) личности или отдельной социальной группы, несоответствующих официально

¹ О стратегии национальной безопасности: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. - 2016. - № 1 (часть II), ст. 212.

установленным в данном обществе нормам и приводящих к социальным конфликтам.

Основными причинами негативных тенденций утраты жизненных ценностей большинство молодого поколения связывает с материальной стороной и уровнем жизни, нарушением баланса принципа справедливости в распределении общественных благ. При этом более 50% молодёжи возрастной категории от 18-ти до 24-х лет потенциально готовы нарушить принципы морали, а 40% считает устаревшими установленные нормы и принципы нравственности, морального воспитательного процесса. Возможно, в том числе и эти мотивы побуждают молодёжь к изменению отношения к целевым ориентирам и поиску смены постоянного места жительства за рубежом.

Усиление риска потери морально-нравственных ориентиров, традиционных норм гражданственности и ценностей, материальная, социальная и духовная неудовлетворенность определённой части российской молодёжи перерастает не только в иждивенчество и потребительское отношение к обществу, но и в протестные формы самореализации личности.

В настоящее время проявления девиантности молодёжных субкультур вызывают особую озабоченность во многих государствах мирового сообщества и представляются весьма актуальными аспектами в процессе выявления основных причин возникновения негативных настроений среди молодёжи, влияния отдельных референтных групп, призывающих к радикализму, экстремизму и другим формам активного социального протеста, при этом часто отторгающих устойчивые общественные межпоколенческие взаимосвязи в современном цивилизованном мире. Ввиду сложности многофункциональных процессов отклоняющегося (девиантного) поведения личности методология анализа и оценки причин, мотивов и последствий поступков осознанного несогласия с нормами общества различных возрастных категорий молодёжных субкультур является весьма дискуссионной и исследуется в современной научной среде с различных точек зрения.¹

Примечательно, что, поскольку девиантное поведение сопровождается различными по характеру проявлениями дезадаптации молодёжи, большинство российских учёных процессы девиации и деликты рассматривают с позиции динамичных процессов криминализации, приносящих реальный ущерб как социально-экономической и политической стабильности социума, так и государственности в целом.² Поэтому следует согласиться с утверждением, что любое отклоняющееся от наиболее важных социальных норм поведение личности и тем более криминальные деяния молодёжных субкультур способны привести к серьёзной деформации сложившейся идеологии общественных и политических отношений. Более того, последствия криминализации молодёжи в отдельных случаях бывают непредсказуемы и существенно повышают степень риска распада структуры общественных взаимосвязей, устой национального культурного наследия, вековых традиций многочисленных народов и малых этносов, созданной сферы общественного воспроизводства вплоть до полного

1 Остапенко Г.С. Анализ особенностей личности подростков с девиантным поведением//Перспективы науки и образования. – 2013. - №1. – С. 54-60.

2 Официальный портал НКО «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (ВЦИОМ) <https://wciom.ru>

разрушения государственных и социальных институтов общества.

Именно этот процесс отчётливо прослеживается в агрессивных действиях молодёжных радикальных формирований «правого сектора» современной Украины, военизированных террористических формирований и преступных группировок ИГИЛ (запрещённых в Российской Федерации и в большинстве зарубежных стран) и служит предостережением от явных угроз человеческим ценностям. При анализе современной молодежи, ее статуса, поведения, устремлений объективно возникают следующие вопросы:

- каковы мотивы, побуждающие молодое поколение России к крайним радикальным устремлениям и негативным формам общественных протестов?

- каковы возможные причины и последствия вовлечения субкультур российской молодёжи в криминальную среду, в сферу экстремистской и террористической идеологии?

- какова потенциальная опасность разжигания в молодёжной среде межнациональных конфликтов и националистического фанатизма, нарушения единства и согласия в российском обществе?

И это далеко не полный перечень актуальных вопросов, затрагивающих проблематику обеспечения единства российского общества, создания необходимых условий для гармоничной социализации и жизнедеятельности российской молодёжи, повышения её роли в сохранении базовых ценностей социума.

Акцентирование внимания на процессах девиации среди молодёжи является вполне закономерным, поскольку социализация личности начинается в раннем возрасте и предопределяет не только демографические и психофизиологические характеристики, но и уровень воспитания и образования, профессиональной подготовки, нравственности, патриотизма и гражданской зрелости общества. При отсутствии должного внимания родителей, отклонения их поведения от нормы, кризисы внутрисемейных отношений, а, следовательно, и снижение воспитательных возможностей семьи, а также негативное влияние внешней среды в период интенсивного физиологического и психологического созревания ребёнка оказывают воздействие на внутреннее содержание его поведенческой деятельности, проявления эмоционально-личностных и возможных психологических нарушений развития. Однако в случае отсутствия внешних рефлекторов, аккумулирующих ситуационные психологические патологии, инстинктивные действия ребёнка не представляют опасности (за исключением свойственных всем деликventных проступков в раннем детском возрасте). Так, управляемыми отклонениями в поведении ребёнка принято считать шалость, непослушание, упрямство, капризность, примитивные фантазии, бессознательные угрозы, симулирование заболеваний и отказ от занятий физической культурой, требования немедленного удовлетворения желаний и прочие.

Наиболее опасные формы девиантного поведения особенно часто проявляются в подростковом возрасте вследствие отсутствия должного и своевременного предупреждения родителями и окружающими самоутверждения личности в независимости от свободы действий, уверенности в самостоятельности принятия решения и безнаказанности постоянного или систематического вполне осознанного (но не всегда) желания совершения правонарушений и преступлений.

Общественная опасность любого социально-правового по содержанию проступка практически всегда выражается в форме причинения (либо в попытке причинения) вреда, а также возможными последствиями ущерба определённого обществу благоу. То есть любое действие (бездействие) личности согласно законодательству представляет собой форму девиантного поведения человека, нарушающего предписания правовых норм, поэтому и признаётся преступлением. Такого же мнения придерживается большинство отечественных цивилистов, определяющих девиантность, как вид социального поведения, идущего вразрез с нормами права, а преступление, как результат неправомерного действия конкретной личности от социально приемлемых стандартов.¹ Исходя из этого принципа, представляется, что всякое нарушение права причиняет тот или иной вред общественным отношениям, интересам государства и поэтому, именно всякое действие или бездействие, совершённое под контролем сознания или воли человека, должно считаться преступлением в зависимости от степени причинённого ущерба будь-то личности, обществу или государству.

Учитывая особенность этапа становления личности и её социализации в раннем подростковом возрасте, стоит отметить о таких поступках, относящихся к административным правонарушениям, как мелкое хулиганство (сквернословие, нецензурная брань, оскорбление граждан, нарушение общественного порядка), распитие спиртных напитков в общественных местах, появление в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и другие. Характерным признаком всех подобных административных правонарушений является динамизм разрыва контакта с семьёй, склонность к мошенничеству, воровству, употреблению наркотических средств и последующих дисциплинарных проступков в школьной среде и в окружении сверстников. Такого рода правонарушения подрывают общественную нравственность окружающих, воспитательный характер учебного учреждения. Более того, приобретая признаки асоциального поведения в подростковом возрасте, личность подвергается опасности риска вовлечения в преступление закона и совершение общественно опасных деяний, преследуемых уголовным правом и наказанием: вандализм и порча имущества, кражи и убийства, изнасилования, незаконный оборот наркотических средств и другие.

Не следует игнорировать и тот факт, что любой противозаконный акт, перерастающий в конфликт противоречий, порождается не только вследствие отсутствия востребованности молодёжи и механизмов её интеграции в социум, но и под влиянием различных по характеру лидерства референтных социальных групп (англ. «reference group» - эталонная группа), неформальных молодёжных объединений и политических организаций. В зависимости от характера и интенсивности взаимоотношений с такими социальными группами формируются детерминанты последующего социального поведения личности молодого человека, определяющие его взгляды на содержание окружающего мира, жизненную позицию в процессе выстраивания взаимоотношений с социумом. При этом, если цель подобных организационных структур или отдельных харизматических лидеров ориентирована на отрицание установленных норм, общественных ценностей и государственного устройства, то с наибольшей вероятностью

1   Официальный портал НКО «Центр экономических и политических реформ» <http://cepr.s>

возникает риск деформации молодёжных субкультур, в том числе активизации асоциальных личностей, в итоге приводящей к крайнему радикализму и, по сути, к угрозе экстремизма и терроризма.

Проникновение в сознание радикальных идей свойственно молодёжной среде на всех этапах истории, и в настоящее время связано с подсознанием чувства протеста довольно значительной массы молодых людей к фактам некомпетентности принятия и реализации управленческих решений, злоупотребления служебным положением, бюрократизма, коррупции в системе публичных органов власти, коммерциализации сфер жизнедеятельности, включая систему образования, здравоохранения и трудоустройства. Однако, наряду с относительно позитивными взглядами современной молодёжи на необходимость коренных изменений общественной жизни, в большинстве случаев демонстрация радикалами тотального отрицания накопленных ранее и имеющихся достижений инкриминируют существующие основы правовой социокультуры и государственности, провоцируя личность к совершению проступков и преступлений.

Считается, что все без исключения радикальные формы поведения молодёжи, сопровождающиеся преступными деяниями, необходимо признавать девиантным отклонением от моральных, общественных и правовых норм. Как правило, причинно-следственными мотивами побуждения основной массы молодёжи в возрасте от 14 до 30 лет к радикальным преступлениям служат проблемы социальной неустойчивости и напряжённости, возникающие в ходе социально-экономических и политических реформ, усиливающиеся на фоне кризисов внутреннего и геополитического характера, нарастания острых конфликтов среди представителей межнациональных, этнических и конфессиональных отношений. Поэтому, несомненно, призывы радикально настроенных преступных референтных групп к разрешению кризисных социальных явлений и конфликтов побуждают в ещё неокрепшем сознании молодого человека тенденцию перехода от пассивной враждебности к решительным активным действиям по изменению существующей реальности насильственным путём. При этом результатом использования преступными элементами различных по содержанию форм радикализма является подготовка личности (как правило, активно не задействованной в сфере общественного воспроизводства, не имеющей стремлений к познанию общественно значимых интересов, ценностных ориентиров саморазвития и социализации) к криминальной самореализации, основанной на политической, национальной, религиозной или расовой идеологии.

Неустойчивость такой личности к психической и социальной регуляции поведения провоцирует подверженность молодого поколения к экстремизму – совокупности преступных деяний, сопряжённых с насилием или угрозой его применения, противоправными действиями, нарушающими права, свободы и интересы граждан по признаку их социальной, национальной или конфессиональной принадлежности, поэтому чрезвычайно опасны для общества. Бесспорно, идеология экстремизма, независимо от форм и степени активности ее реализации создает платформу для зарождения и распространения возможных очагов террористической деятельности, как наиболее опасного социально-политического явления и морально-психологического способа насильственного давления на общественное сознание, которое в современных условиях глобализации становится

причиной гражданских и межнациональных войн, часто перерастающих в крупные военные конфликты.

Таким образом, широкий спектр различных по составу и содержанию экстремистских преступлений, основанных на политических, идеологических, расовых, национальных или религиозных убеждениях, представляет реальную угрозу безопасности установленному конституционному порядку и строю как отдельной страны, так и мировому сообществу в целом. С целью недопущения расширения очагов террористической деятельности создан и функционирует эффективный механизм правовых мер по противодействию легализации доходов, полученных преступным путём, а также системы контроля и предупреждения возможного финансирования терроризма через институты финансовой и банковской системы.

Безусловно, детерминанты девиантного поведения молодёжи следует рассматривать системно и комплексно на всех этапах социализации каждой из молодёжных субкультур. Основные причины девиантности в молодёжной среде возникают в результате диалектики взаимосвязи объективных и субъективных факторов, обуславливая противоречия взаимодействия личности с окружающим миром, социальной средой в процессе её социализации, воспитания и обучения, а также трудовой деятельности и оказывают существенное влияние на социальную активность (либо асоциальность) молодого человека. При этом не вызывает сомнений, что с усилением политического давления на фоне заявлений в средствах массовой информации, декларирования политической элитой ряда зарубежных стран о фальсификации истории, созданию образа России в качестве врага демократии, повышает вероятность риска отторжения молодым поколением признанных в нашем социуме ценностей, национально-культурного наследия, многовековых традиций народов, что существенно усиливает степень угрозы будущности Российского государства. Именно в этой связи повышение роли и ответственности социального государства в создании наиболее благоприятных социально-экономических условий и правовых гарантий для социализации и развития молодого поколения, самореализации молодых граждан в интересах всего российского социума вполне соответствует современной социальной политике Российской Федерации.

В качестве вывода отметим, что выявленные негативные тенденции и позиции отдельных социальных групп молодых людей все же не свойственны основной массе российской молодёжи и носят локальный характер потенциальной формы протеста. При этом по убеждению аналитиков ситуацию по перерастанию негативных тенденций в активную фазу молодёжного протеста можно минимизировать при условии реализации мер по поддержке молодёжной среды. Не вызывает сомнений, что предусмотренные мероприятия молодёжной политики на современном этапе реализации не оставят без должного внимания процесс укрепления института семьи, создание благоприятных условий для использования трудового и интеллектуального потенциала, повышения качества жизни и эффективности функционирования системы всех ступеней образования, развития инфраструктуры организаций подросткового досуга и спорта, решения жилищных проблем молодёжи.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (по состоянию на 1 августа 2014 г.) // СЗ РФ. 2014. - № 31, ст. 43, 98.
2. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (с измен. и доп., в ред. от 31 декабря 2014 г. № 505-ФЗ) // СЗ РФ. – 2015 - № 1 (часть I), ст. 58.
3. О противодействии терроризму: федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (с измен. и доп., в ред. от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ) // СЗ РФ. - № 27 (часть I), ст. 4160.
4. О стратегии национальной безопасности: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. - 2016. - № 1 (часть II), ст. 212.
5. Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // СЗ РФ – 2014. - № 50, ст. 7185.
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) <http://www.gks.ru>
7. Официальный портал Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) <https://fadm.gov.ru>
8. Официальный портал НКО «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (ВЦИОМ) <https://wciom.ru>
9. Официальный портал НКО «Центр экономических и политических реформ» <http://cepr.s>
10. Петрусеви́ч Д.Ф. Сущностные характеристики девиантного поведения подростков// Вестник Томского гос. пед. университета. – 2011. - №6(108).
11. Остапенко Г.С. Анализ особенностей личности подростков с девиантным поведением// Перспективы науки и образования. – 2013. - №1.
12. Паатова М.Э., Бегидова С.Н., Ханунов Н.Х. Теретико-методологический анализ социально-педагогических феноменов «девиантное поведение» и «делинквентное поведение» подростков//Вестник Адыгейского гос. университета. – 2012. - №1.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as of August 1, 2014) // SZ RF. 2014. - No. 31, art. 43, 98.
2. On Countering Extremist Activity: Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 (with amendments and additions, as amended on December 31, 2014 No. 505-FZ) // SZ RF. - 2015 - No. 1 (Part I), art. 58.
3. On Countering Terrorism: Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 (with amendments and additions, as amended on July 3, 2016 No. 227-FZ) // SZ RF. - No. 27 (Part I), art. 4160.
4. On the National Security Strategy: Presidential Decree No. 683 of December 31, 2015 // SZ RF. - 2016. - No. 1 (Part II), art. 212.
5. On the approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025: the order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-r // SZ RF - 2014. - ? 50, art. 7185.
6. Official site of the Federal State Statistics Service (Rosstat) <http://www.gks.ru>
7. The official portal of the Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh) <https://fadm.gov.ru>
8. The official portal of the NGO “All-Russian Center for the Study of Public Opinion” (VTsIOM) <https://wciom.ru>
9. The official portal of the NGO “Center for Economic and Political Reforms” <http://cepr.s>
10. Petrushevich DF Essential characteristics of deviant behavior of adolescents [*Sushchnostnye harakteristiki deviantnogo povedeniya podrostkov*] // Bulletin of Tomsk State. ped. university. - 2011. - No. 6 (108).
11. Ostapenko G.S. Analysis of personality peculiarities of adolescents with deviant behavior [*Analiz osobennostej lichnosti podrostkov s deviantnym povedeniem*] // Perspectives of science and education. - 2013. - №1.
12. Paatova ME, Begidova SN, Khanunov N.Kh. The heretical-methodological analysis of social-pedagogical phenomena “deviant behavior” and “delinquent behavior” of teenagers [*Teretiko-metodologicheskij analiz social'no-pedagogicheskikh fenomenov «deviatnoe povedenie» i «delinkventnoe povedenie» podrostkov*] // Bulletin of the Adygei state. university. - 2012. - No. 1.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ¹

I Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики». Материалы для участия в конференции принимаются по 22 ноября 2017 года.

II Международная научно-практическая конференция «Культура. Духовность. Общество. Современность». Окончание срока приема материалов - 29 ноября 2017 года. С изданием сборника материалов.

II Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные исследования: гипотезы, проблемы, результаты». Пройдет 8 декабря 2017 года с изданием сборника материалов.

II Молодежная международная научно-практическая конференция «Молодежный научный потенциал XXI века: ступени познания». Прием материалов для участия в конференции по 28 ноября 2017 года.

II Международная научно-практическая конференция «Культура. Духовность. Общество. Современность». Окончание срока приема материалов - 29 ноября 2017 года. С изданием сборника материалов.

II Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные исследования: гипотезы, проблемы, результаты». Пройдет 8 декабря 2017 года с изданием сборника материалов.

II Международная научно-практическая конференция «Приоритетные научные направления и критические технологии». Состоится 14 декабря 2017 года с изданием сборника материалов.

II Международная научно-практическая конференция «Исследования и разработки в перспективных научных областях». Материалы принимаются по 20 декабря 2017 года

VII Ежегодная итоговая международная научно-практическая конференция «Научные итоги 2017 года: достижения, проекты, гипотезы». Конференция проводится 29 декабря 2017 года Центром развития научного сотрудничества с изданием сборника материалов.

¹ Подробности на сайте: <http://www.kon-ferenc.ru>.

XI Международная научно-практическая конференция «Advances in Science and Technology». Окончание приема материалов - 30 ноября 2017 г.

Международная научно-практическая конференция «Организация исследовательской деятельности в России и за рубежом». Последний срок подачи материалов для участия - 21 ноября 2017 г. Публикация в РИНЦ

Международная научно-практическая конференция «Организация исследовательской деятельности в России и за рубежом». Последний срок подачи материалов для участия - 21 ноября 2017 г. Публикация в РИНЦ

X Международная научно-практическая конференция «Закономерности и тенденции инновационного развития общества». Завершение срока приема материалов - 8 декабря 2017 г. Публикация в РИНЦ

Международная научно-практическая конференция «Инновации и инвестиции как драйверы социального и экономического развития». Прием материалов осуществляется до 11 декабря 2017 г. включительно. Публикация в РИНЦ

I Международная молодежная научно-практическая конференция «Исследования и разработки молодых ученых: наука и практика». Конференция пройдет 21 ноября 2017 года в Новосибирске. Публикации РИНЦ

II Международная научно-практическая конференция «Культура. Духовность. Общество. Современность». Окончание срока приема материалов - 29 ноября 2017 года. С изданием сборника материалов.

II Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие образования в России: проблемы и перспективы». Прием материалов по 1 декабря 2017 года.

II Международная научно-практическая конференция «Достижения вузовской науки: от теории к практике». Конференция пройдет 5 декабря 2017 года. Публикации РИНЦ

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

Регламент прохождения рецензирования статей:

В соответствии с Уставом научного и социокультурного журнала «П.О.И.С.К.» все статьи, поступившие в журнал, сопровождаются двумя научными рецензиями специалистов в данной области знания.

Первичная рецензия предоставляется автором статьи совместно с текстом публикации. Рецензентом для аспиранта может являться его научный руководитель. Кроме того, рецензентом поступившего в редакцию материала может выступать специалист по данной проблеме. В рецензии должны содержаться общие оценки материала, его соответствие современному научному уровню поднимаемой проблемы, вклад автора и оценка его личной интерпретации, а также его видения изложенного материала. В конце рецензии необходимо указать наличие рекомендации к печати. Рецензент фиксирует свой отзыв подписью, заверенной в установленном порядке, а также указывает место своей работы и занимаемую должность, контактный телефон и электронный адрес.

Получив авторский материал с положительной рецензией, редакция журнала выносит его на повторное рецензирование (обсуждение) на редакционной коллегии. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

После обсуждения принимается коллективное решение о публикации, либо об отказе в публикации данного материала. Обсуждение и решение редакционной коллегии протоколируется в установленном Уставом журнала порядке и хранится в его архиве.

При проведении рецензирования учитывается, что все статьи публикуются в авторской редакции.

Рецензии на статьи, получившие положительное решение к публикации хранятся в редакции журнала в течение 5 лет. Редакция обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Данный регламент утвержден на заседании редколлегии журнала «П.О.И.С.К.»

<http://журналпоиск.рф>

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal "P.O.I.S.K" must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.pdf) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp.** (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

Regulations passing peer review articles:

In accordance with the Charter of the scientific and socio-cultural magazine «P.O.I.S.K.» all the articles received by the magazine, accompanied by two scientific review experts in the field of knowledge.

Initial review provided by the author together with the text of the publication. Reviewer for graduate students may be his supervisor. In addition, the reviewer Received material can act expert on this issue. The review must contain the overall rate of the material, its compliance state of scientific progress raises issues, the contribution of the author and the evaluation of his personal interpretation, as well as his vision of the material. At the end of the review must specify the presence of the recommendations for printing. Reviewer captures a review signature, duly certified, as well as indicate their place of work and position, contact telephone number and email address.

Having copyrighted material with positive reviews, Editorial Board makes it for re-review (discussion) on the editorial board. After discussion, it adopted a collective decision to publish, or to refuse the publication of this material. Discussion and decision of the Editorial Board shall be recorded in the log procedure established by the Charter and stored in its archive.

In conducting the review takes into account that all the articles published in the original edition.

Reviews of the article, received a positive decision for publication in the magazine are stored for 5 years. Revision shall send copies of the reviews in the Ministry of Education and Science when requested.

<http://журналпоиск.pdf>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 5 (64)
Сентябрь - Октябрь 2017 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский Университет Транспорта»

Издатель

РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва, ул. Образцова д.9
стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф

Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф